АЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

УБИЙЦА ПОНЕВОЛЕ

Убийца поневоле
Александра Маринина

Аннотация
Александра Маринина. Убийца поневоле
МИССИС ХОЛМС
Глава 1
1
2
3
4
Глава 2
1
2
3
4
Глава 3
1
2
3
4
5
Глава 4
1
2

3
Глава 5
1
2
3
Глава 6
1
2
3
4
Глава 7
1
2
3
4
5
6
Глава 8
1
2
3
4
5
6
Глава 9
1

2
3
4
5
6
Глава 10
1
2
3
4
5
6
Глава 11
1
2
3
4
5
6
7
Глава 12
1
2
3
4
5

6
7

Аннотация

Кто же она такая — любовница ее брата? С поисков ответа на этот вопрос начинает свое частное расследование Анастасия Каменская. Она и не подозревала, что пустяковое на первый взгляд дело обретет поистине международный масштаб, а по ходу расследования ей придется столкнуться с целым рядом жестоких и вроде бы немотивированных убийств. И, разумеется, она не могла предвидеть, что распутывать этот криминальный клубок ей помогут боевой генерал-десантник и матерый вор в законе, в долгу перед которыми она останется на всю жизнь. А с подружкой брата все стало ясно сразу же…

Александра Маринина
Убийца поневоле

МИССИС ХОЛМС

Детективы Александры Марининой органично вписаны в нашу обычную жизнь, где поводов для оптимизма и веры в светлое будущее маловато. Но в то же время чувства безысходности по их прочтении тоже как-то не возникает. А если и возникает, то не столь сильное, как после прослушивания ежедневных новостей. Мало того — книги Марининой вселяют в читателя даже некий оптимизм. Конечно, мафия бессмертна, но это не значит, что честному человеку только и остается, что запастись мылом, веревкой и идти в лес искать сук покрепче. Потому как герои ее книг люди честные, и ничего — живут, работают, попадают в разные передряги и ухитряются выбираться из них. Честные, кроме того — милиционеры, кроме того — на Петровке работают, кроме того — вполне нормальные живые люди, а не ходячие плакаты.

Любители детективов, да и просто читатели книжек легко назовут особые приметы популярных сыщиков. Шерлок Холмс — скрипка и кокаин, Эркюль Пуаро — роскошные усы, яй-

цевидная голова и любовь к кабачкам, мисс Марпл — вязание, инспектор Мегрэ — трубка… Колоритная и запоминающаяся фигура сыщика — половина успеха детектива и приятная возможность для автора писать сериями. Но вот попробуйте-ка создать такую фигуру! И чтоб был не только колоритен, но и любим читателями…

У Александры Марининой обычно в центре расследований — майор Анастасия Каменская, аналитик отдела по борьбе с особо опасными преступлениями. Настя, Аська, Стасенька, стройная опять же блондинка шестидесятого года рождения с лицом как чистый лист бумаги, — при помощи косметики можно изобразить на нем все что угодно, от неземной красавицы до комической старухи. Идеальная для сыщика внешность. Но в красавицы Настя не рвется, будучи абсолютно равнодушной к обычным «женским штучкам». Кроме того, она знает чуть ли не все европейские языки. Кроме того, она сама себя определяет как компьютер, работающий не от электросети, а от кофе и сигарет. Кроме того, она патологически ленива. Кроме того… Хотя хватит и названного. С такой девушкой вполне можно писать серию — и колоритна, и запоминается, и вполне живая.

Самый верный и распространенный сюжет-

ный ход в детективе — когда Главным Убийцей оказывается персонаж, совершенно на эту роль не подходящий. И, разумеется, Александра Маринина этот ход тоже использует. Ну кто плохо подумает о старой седой учительнице? И можно ли усомниться в надежном, проверенном в деле работнике милиции в чине подполковника? Фамилии и имена персонажей не называю сознательно: не хочется портить удовольствие тем, кто книги Марининой еще не читал. Но даже если зловещая фигура преступника просматривается уже где-то с середины повести, будьте уверены — «под занавес» автор все равно преподнесет вам какой-нибудь сюрприз.

Однако книги Марининой — тот редкий случай, когда не так уж и важно, вычислит читатель убийцу на сто пятидесятой странице или на триста семидесятой. Напряжение все равно не спадает. Важно другое — ход расследования. Еще раз повторяю: тем, кто определяет качество детектива по количеству перестрелок, погонь и трупов на страницу, Маринина вряд ли понравится. Хотя трупов у нее тоже хватает — всегда больше двух. Настя Каменская все-таки не сыщик, а аналитик. К ней стекаются все факты — она выдает версии. Следить за рождением этих версий «из ничего»

— занятие крайне увлекательное. Настолько увлекательное, что даже как-то забываешь, насколько близки сюжеты книг Марининой к реальным жизненным сюжетам, и относишься к ним как к абстракциям.

Забываешь, но ненадолго.

Потому что, как и в реальной жизни, у Марининой объяснение очередной загадки (раскрытие одного, отдельно взятого преступления) все равно саму тайну до конца не исчерпывает. Нельзя совсем отдернуть занавес, удается лишь приподнять немного краешек — он все равно тут же снова опускается невидимой рукой. В глобальном масштабе тайна так и остается тайной. Например, когда с данным конкретным убийством все понятно, но цепочка, в которую оно вплетено, не имеет ни начала, ни конца. Кто эту цепочку играючи пропускает между пальцев — догадайтесь сами, дорогие читатели.

«С точки зрения естественного отбора мафия будет матереть, а сыщики — крепнуть, слабейшие погибнут, сильнейшие выживут… А с точки зрения математики вы всегда будете существовать параллельно. И никогда не пересечетесь. Никогда. Они вас не сломают. Но и вы их не задавите» — резюме гениального математика

Леши Чистякова, друга, мужа и няньки сыщика Каменской. Обидно, но, кажется, верно. Автору, как специалисту, виднее…

Утешимся тем, что раз мафия и сыск бессмертны, то и детектив вечен.

Татьяна КРАВЧЕНКО

Глава 1

1

Черное платье сидело на стройной фигуре как влитое, выгодно подчеркивая красивую грудь и тонкую талию.

— Ну как? — Настя сделала замысловатый пируэт, при этом в высоком, до бедер, разрезе соблазнительно мелькнула нога в телесного цвета чулке.

— Прямо дух захватывает! — восхищенно ответил Леша Чистяков, за много лет привыкший видеть свою подругу преимущественно в джинсах, свитерах и кроссовках. — А тебе самой нравится?

— Очень. Спасибо тебе, солнышко.

— Я старался, хотел тебе угодить. Как-никак, такое событие…

Настя, крутившаяся перед зеркалом, остановилась и подозрительно поглядела на Лешу.

— Какое событие?

— Ты в первый раз согласилась поехать со мной на банкет. Согласись, это что-нибудь да значит.

Настя недовольно нахмурилась.

— Ты что же, хочешь, чтобы я поехала в… в этом?

— Ну да. Я это платье купил специально для сегодняшнего вечера.

— Лешенька, милый, — взмолилась она, — я в нем измучаюсь. Целый вечер провести в туфлях на шпильке, следить за осанкой, не иметь возможности сесть так, как хочется, как удобно, — я этого не вынесу. Ну можно, я надену брюки и удобную обувь?

— Ася, но это все-таки банкет! — возмутился Чистяков. — Какие брюки? Ты с ума сошла?

— Я обещаю, брюки будут высший класс, прямо от Кардена. И свитер возьму понарядней. А, Лешик?

Она ласково обняла Лешу и потерлась носом о его плечо. Леша в отчаянии махнул рукой и отвернулся.

— Я так старался… — расстроенно проговорил он. — Бегал по магазинам, искал это чертово платье, мечтал, как ты его наденешь. Хотел, чтобы оно было непременно черное, ты ведь любишь этот цвет. И что теперь? Все зря?

Глядя на его огорченное лицо, Настя почувствовала угрызения совести. Он и в самом деле старался, хотел сделать ей подарок, а она… Но, с другой стороны, целый вечер в платье за 600 долларов и в туфлях на высоком каблуке, когда

болит спина и отекают ноги, — перспектива не из приятных.

— А что, — решилась она внезапно, — может, и в самом деле раз в жизни выйти в свет в приличном виде? Сделаю прическу, нарисую лицо — и вперед.

Леша сгреб ее в охапку и закружил по комнате.

— Аська, ты будешь на этом сборище самая красивая! Все мужики поумирают от зависти ко мне.

Стоя под горячим душем и втирая шампунь в длинные светлые волосы, Настя Каменская думала о том, что приносимая ею жертва была не такой уж большой, если вспомнить, сколько хорошего сделал ей Чистяков за годы, которые они провели вместе. Леша ухаживал за ней, когда она болела, приносил тяжеленные сумки с продуктами, кормил ее вкусными ужинами, безропотно сносил ее категорическое нежелание официально оформить их отношения, терпеливо пережидал приступы ее плохого настроения. Неужели за все это он не заслужил права хотя бы раз появиться на банкете со своей подругой, о которой много лет слышат все его коллеги, но которую никогда не видели?! Над ним уже стали частенько подшучивать: «Что это ты прячешь от

общественности свою милицейскую барышню? Может, она у тебя хромая или горбатая?» Конечно, это было бы эффектно: молодой доктор наук, профессор, блестящий математик, лауреат международных премий появляется на банкете под ручку с ослепительной блондинкой! При этой мысли Настя хмыкнула, потом не выдержала и расхохоталась. Она — невзрачная серая мышка с блеклым, невыразительным лицом, и только Лешка со своей трогательной беззаветной любовью может представлять ее красавицей. Хотя, если не лениться и сделать грамотный макияж, она может стать очень хорошенькой, даже красивой, а уж фигурой ее бог и без того не обидел, так что в черном шестисотдолларовом платье…

— Ася, — послышался из-за двери Лешин голос, — тебе Гордеев звонит. Будешь разговаривать, или сказать, что ты перезвонишь позже?

Виктор Алексеевич Гордеев был Настиным начальником, и его звонок в субботу ничего хорошего не предвещал. У нее мелькнула трусливая мысль, что она срочно нужна на работе и это поможет ей в очередной раз отвертеться от ненавистного мероприятия, каковым ей представлялся не только предстоящий банкет, но и вообще любые многолюдные собрания и

компании.

— Тащи телефон сюда, — крикнула она.

Леша приоткрыл дверь, впустив в наполненную паром ванную струю холодного воздуха, и протянул ей аппарат.

— Настасья, я, кажется, опять испорчу тебе выходные, — раздался в трубке голос Гордеева. — Ты уже слышала про совместное решение коллегий МВД и Генеральной прокуратуры о плохой работе по раскрытию убийств?

— Конечно. Я его даже читала.

Она примостилась поудобнее, чтобы подставить ноющую поясницу прямо под горячую воду.

— Так вот, срочно велено готовить аналитическую справку по нераскрытым убийствам за последние пять лет. Задание понятно?

— Уж куда понятнее, — вздохнула она. — А сроки?

— Как говорится, срок — вчера. Сколько тебе нужно времени?

— Ну, — Настя замялась, — если ничем другим не заниматься, то неделя.

— Ишь ты, — фыркнул Гордеев, — так я тебе и позволил целую неделю ничем другим не заниматься. Значит, так. Справку будешь готовить столько, сколько нужно, но чтобы это был товар,

которым можно гордиться. А перед руководством я сам отдуваться буду, если начнут торопить. Только ты излишне-то не затягивай, договорились?

— Спасибо, Виктор Алексеевич. Я буду стараться.

Закутавшись в теплый халат и обмотав мокрые волосы полотенцем, Настя вышла из ванной и тут же увидела стоящего в коридоре Лешу с встревоженным лицом и грустными глазами.

— Опять? — безнадежно спросил он.

Она молча кивнула, внутренне разрываясь между жалостью к нему и отчаянным нежеланием ехать на банкет. Жалость в конце концов победила.

— Предлагаю компромиссное решение, — сказала она. — Мы едем на банкет, на обратном пути заезжаем к тебе домой, забираем твой компьютер и временно ставим его здесь. На пару недель, не больше. Если у меня будет компьютер, я сделаю справку намного быстрее, а без него мне придется садиться за работу прямо сейчас.

— Но как же я без компьютера?.. — растерялся Леша.

— Выбирай: или две недели без компьютера, или сегодня без меня на банкете.

— А я могу эти две недели пожить здесь и работать на компьютере днем, пока тебя нет?

— Конечно, солнышко мое. Заодно будешь ходить в магазин и готовить мне еду.

— Аська, ты корыстна до неприличия. Совершенно непонятно, почему я до сих пор тебя не разлюбил.

— А это потому, что ты ленивый. Влюбиться можно в одну секунду, легко и просто, а вот перестать любить — это адский труд. Почему неразделенная любовь превращается в трагедию? Потому что этот труд далеко не каждому под силу.

Она устроилась на кухне, включила фен и принялась сушить волосы.

— Представь, какие это муки — сознавать, что твоя любовь кому-то мешает, делает кого-то несчастным, и вот ты начинаешь вырывать ее из себя с кровью и мясом и от этого с каждым днем любишь все сильнее и чувствуешь, что сходишь с ума…

Голос ее зазвенел, скулы порозовели, глаза из бледно-серых стали голубыми. Настя поняла, что чрезмерно увлеклась. Вспомнила собственную давно забытую боль и заговорила о ней вслух, да еще при Леше. «Дрянь бессердечная», — мыс-

ленно обругала она себя. Но было уже поздно. Леша тоже вспомнил, и ему было, наверное, еще больнее.

— Я сварю кофе, — произнес он деланно безразличным голосом и полез в шкаф за кофемолкой.

Настя с преувеличенной тщательностью сушила волосы, Леша столь же старательно, соблюдая все процедурные тонкости, колдовал над кофе. Разговаривать не хотелось, все и так было ясно.

— Как ты думаешь, какие серьги лучше надеть к твоему платью? — осторожно спросила Настя, когда кофе был выпит, волосы высушены и пора было наконец хоть что-нибудь произнести, чтобы окончательно не увязнуть в неловкой ситуации.

— Решай сама, — сдержанно ответил Леша, избегая встречаться с ней взглядом.

«Так и есть, он расстроился, — подумала Настя. — Природа обделила меня деликатностью, уж это точно. Надо же так неловко себя вести! Сначала не захотела надевать платье, теперь еще разговор этот дурацкий… И как раз в тот день, когда удачно завершился организованный им международный симпозиум, в который он вложил столько сил и нервов. Его во всеуслышание признали родоначальником новой научной школы, которую сегодня представляют его много-

численные ученики, присудили ему очередную невероятно престижную премию, присвоили звание академика какой-то академии… Господи, я даже не помню, что это за академия. Я веду себя совершенно непозволительно. Надо во что бы то ни стало исправлять положение».

На исправление положения ушел почти час, поэтому одеваться и приводить себя в порядок Насте пришлось с рекордной скоростью. Уже в прихожей, взяв сумочку и кинув в зеркало последний взыскательный взгляд, она спохватилась:

— А глаза-то!

— Что — глаза? — не сразу понял Чистяков, который после занятий любовью обычно бывал несколько обалдевшим.

— Линзы забыла вставить, — объяснила Настя, опрометью кидаясь в ванную и доставая контейнер с зелеными контактными линзами. — Серьги же с изумрудами, и глаза должны быть соответствующими. Я макияж под зеленые глаза делала, а не под бесцветно-непонятные. Сейчас, Лешенька, еще полминутки подожди.

Она вышла из ванной, сверкая зелеными кошачьими глазами, изящная и элегантная, с поднятыми высоко на затылок и уложенными замысловатым узлом волосами. Да, Настя Камен-

ская была сейчас очень хороша собой. Она знала, что через полчаса начнут гореть и чесаться покрытые тенями веки, через час отекут и начнут невыносимо болеть ноги, зажатые в узкую колодку модных туфель, а через два часа появится и с каждой минутой начнет усиливаться ощущение, что в глаза насыпали песку, предварительно пропитав его серной кислотой или еще какой-нибудь пакостью, потому что изумрудно-зеленые линзы почти не пропускают кислород. Вечер будет мучительным, но Леша заслужил свой праздник, и он его получит.

2

Лиза выключила утюг и удовлетворенно оглядела выглаженную одежду. Теперь на блузках не было ни единой морщинки.

— Мама, какую блузку ты наденешь? — крикнула она.

В кухню вошла Елена в длинном халате и принялась придирчиво перебирать блузки, аккуратно развешанные на спинках стульев. Статная, слегка располневшая фигура ее никак не гармонировала с осунувшимся, покрытым преждевременными морщинами лицом и странно застывшими тусклыми глазами, принадлежащими, казалось, полусумасшедшей старухе. Она остановила свой выбор на золотистой блузке из плотного хлопка с длинными рукавами и вышивкой на воротничке.

— Остальные повесь в шкаф, — сказала она дочери, выходя из кухни.

Лиза молча пожала плечами, сложила гладильную доску и, осторожно собрав блузки, чтобы не измять их, начала развешивать в шкафу. Она не одобряла выбор матери. Блузка с вышивкой была нарядной, и это означало, что Елена все-таки

считает сегодняшний день не обычным субботним днем.

— Сегодня вторая годовщина нашего первого праздника, — торжественно заявила она утром, открывая банку с красной икрой и намазывая бутерброды к завтраку. — Я надеюсь, что и следующий праздник не заставит себя ждать.

Лиза заметила, как при этих словах отец вздрогнул и побледнел. В глубине души она была согласна с матерью, но отцу такие разговоры всегда были неприятны, и девушка искренне ему сочувствовала. Конечно, мать права во всем, ее требования абсолютно справедливы, и отец неукоснительно их выполняет. Но Елене все же следовало бы быть поделикатней и считаться с тем, что мужа коробит такая демонстративная поза. Теперь вот мать выбрала на вечер нарядную блузку, и если на завтрак была икра, то на ужин — непременно что-нибудь праздничное, чтобы никто в семье не забыл об этой «второй годовщине». Может быть, мама даже будет улыбаться, и отец ляжет спать в ее комнате, а не в кабинете, как обычно.

— Лиза, ты сегодня проветривала Андрюшину комнату? — раздался голос Елены.

— Да, мама.

— И пыль протерла?

— Да, я все сделала, не беспокойся.

— Я ухожу, — сообщила Елена, заглядывая на кухню, где дочь мыла посуду. — Схожу к крестной, свечку поставлю в честь праздника. Я ненадолго.

— За меня тоже поставь, хорошо?

Когда за матерью захлопнулась дверь, Лиза отошла от раковины с недомытой посудой, не выключив воду, наспех обтерла мокрые руки полотенцем, открыла окно и вытащила из кармана сигареты. Мать категорически запрещала курить в квартире, но одеваться и выходить на лестницу Лизе не хотелось. Хотя было уже далеко за полдень, она так и ходила по квартире в пижаме, неумытая и непричесанная. Боже мой, во что же превратилась ее жизнь! Ей уже двадцать пять лет, и нет ни интересной работы, ни любви, ни друзей. Только безграничная ненависть и неутолимая жажда мести царят в ее душе. И еще горькие сожаления о несбывшихся надеждах, связанных с братом. Ах, Андрюша, Андрюшенька…

Лиза швырнула в пепельницу недокуренную сигарету и горько зарыдала.

3

Игорь Ерохин любил московское метро. Но еще больше он любил его в час «пик», потому что непрерывный и хаотичный поток людей почти исключал возможность напороться на кого-нибудь знакомого, а если такое и случится, то затеряться в толпе и исчезнуть не составляет ни малейшего труда.

Он занял отведенное ему место, с которого хорошо просматривалась скамейка возле лестницы, ведущей на переход к другой станции. Возле этой скамейки и должна состояться встреча, которая займет всего несколько секунд и принесет полмиллиона долларов. Его, Игоря, доля составит всего двадцать тысяч из этого полумиллиона, но это, во-первых, справедливо, а во-вторых, очень даже неплохо, если учесть, что встреча эта далеко не первая и, бог даст, не последняя. Как гласит поговорка, лучше сорок раз по разу, чем ни разу сорок раз.

До встречи оставалось еще несколько минут, и Игорь привычно оглядел переполненную пассажирами платформу. У колонны напротив он увидел парня с нарочито безразличным выра-

жением лица, еще один фланировал в толпе вдоль платформы. Все на месте, констатировал он, сейчас появится Артем, а еще через десяток секунд подойдет Джонни. Вообще-то имя американского контрагента было Игорю неизвестно, но, поскольку на встречу каждый раз приходили разные люди, он про себя называл их обобщающим именем «Джонни».

Несмотря на толпу, Артема он увидел издалека. Одетый в неприметный светло-коричневый плащ, какие носят тысячи москвичей, Артем не торопясь подошел к скамейке, поставил на нее кейс, открыл его и начал что-то искать. Неловкое движение — и содержимое кейса оказалось на полу. Артем неуклюже нагнулся и начал собирать рассыпавшиеся ручки, какие-то бумаги в тонких пластиковых папочках и прочее барахло. У него обожжена левая рука, поэтому он не вынул ее из кармана, чтобы не привлекать внимания некрасивой толстой повязкой. Какой-то человек, проходя мимо, нагнулся и подал Артему откатившуюся в сторону зажигалку. Артем вежливо улыбнулся и благодарно кивнул. Все. Встреча состоялась.

И в этот момент произошло непредвиденное. Прямо в момент контакта рядом с Артемом и

Джонни остановилась какая-то девица и буквально впилась глазами в их руки, а потом медленно перевела взгляд на лицо Артема. Игорь напрягся. Девица прошла мимо, но Артем сделал едва заметное движение, и Ерохин понял, что девицу заметили. Он медленно, словно нехотя, отлип от стенки, на которую облокачивался, и пошел следом за ней.

Девица поднялась по лестнице и отправилась по переходу на другую станцию. Игорь шел сзади, не выпуская ее из виду. Краем глаза он увидел сбоку Сурика, который во время встречи прогуливался вдоль платформы. Значит, Артем был всерьез обеспокоен и на всякий случай послал вслед за девицей второго человека. Девица шла быстро, но спокойно, не оглядываясь. Когда она сошла с эскалатора и повернула к платформе, как раз подошел поезд, но она почему-то не села в него, а остановилась и принялась рыться в сумочке. Поезд отошел, и Игорь заметил, что, кроме девицы, Сурика и его самого, на пустой платформе стоит еще один тип. Тип этот Ерохину сразу не понравился. Бледный, темноволосый, с напряженным лицом и с книжкой в руках, он стоял довольно далеко от девицы и внимательно на нее смотрел.

Платформа мгновенно заполнилась людьми, и подозрительный тип стал потихоньку приближаться к девице, стараясь не попадаться ей на глаза. Подъехал следующий поезд, и в тот момент, когда она вместе с толпой пассажиров входила в вагон, мужчина с книжкой подошел к ней сзади вплотную. Девица обернулась и что-то коротко сказала ему, лицо у нее при этом было искажено от ярости. Мужчина вошел вместе с ней в вагон и принялся протискиваться вправо, поближе к другой двери, а девица встала в уголок, достала блокнот, ручку и стала что-то быстро записывать, иногда бросая злые взгляды на мужчину с книжкой. Игорь обернулся и, увидев напарника, слегка кивнул ему. Подозрительный тип вышел на следующей остановке, и Сурик отправился за ним, а Ерохин остался в вагоне с девицей.

Интересно получается, размышлял он, разглядывая ее сбоку. Она работает не одна, а вместе с этим любителем чтения. Книголюб, видно, нарушил инструкцию, подошел к ней слишком близко, наверное, хотел что-то сказать, а она ему объяснила, что он не прав. Резкая особа, ничего не скажешь, похоже, он у нее в подчинении. И что это она там записывает? Ладно, разберемся. Знать бы, из ментовки она или нет. Если нет, тогда,

значит, это конкуренты шустрят. Тоже хотят свой товар американским Джонни толкнуть, только найти таких Джонни — труд немалый. Артему это удалось, так ведь на то он и Артем, головастый мужик и языки иностранные знает как родную речь. А конкуренты не знают, где им с хитрыми Джонни познакомиться, вот и пытаются наши контакты нащупать. Хрен им.

Девица вышла на «Таганской-радиальной» и, сойдя с эскалатора, подошла к милиционеру, дежурившему в метро. Она сказала ему несколько слов и протянула клочок бумаги, который выдернула из блокнота еще в вагоне. Игорь похолодел. Неужели все-таки ментовка? Милиционер сунул записку в карман и лениво кивнул ей.

Ерохин вышел следом за ней на улицу. Девица огляделась и побежала к стоящей у обочины машине. Запомнив номер, Игорь вернулся в метро и кинулся к телефону-автомату.

— Она уехала на машине, но перед этим передала милиционеру какую-то записку, — сообщил он. — С ней был второй человек, я его вовремя заметил и послал за ним Сурика.

— Записку раздобудь во что бы то ни стало, — услышал он в ответ. — Крутись как хочешь, но достань ее, пока она не ушла дальше.

Стоя возле кассы, Игорь наблюдал за милиционером и раздумывал, как бы раздобыть эту проклятую записку. Милиционер стоял спокойно, судя по всему, он и не собирался куда-то немедленно бежать и передавать сообщение. Наверное, к нему должны за запиской прийти. Нужно поторопиться, пока этого не случилось. Что же предпринять? Может, подойти к нему и изобразить сердечный приступ? Облокотиться, обхватить его покрепче и вытащить бумажку из кармана? Нет, не пройдет. Для этого нужно быть профессиональным «щипачом», карманником, иметь навык. У Игоря такого навыка не было. Что же еще придумать? Прикинуться человеком, которому предназначена записка? Рискованно. Можно не попасть «в масть», и выйдет только хуже. А если проще? Паренек-то, судя по рожице, совсем зеленый, неопытный, дурачок еще. Значит, нищий. Чего ему с мизерной ментовской зарплаты ловить? Вон щечки какие розовые, поди, бриться-то начал только позавчера. Долларов пятьсот у Игоря с собой есть, против такой суммы этот козленочек не устоит.

Игорь быстро вышел на улицу и осмотрелся. Прямо у метро начиналась огороженная стройка. Ворота, естественно, были заперты, но он без

труда обнаружил оторванную доску — лаз на закрытую территорию. Он вернулся в метро и торопливо подошел к молоденькому милиционеру.

— Товарищ сержант, — взволнованно заговорил Ерохин, — там на стройке, кажется, человека убивают. А на улице ни одного работника милиции! Пожалуйста, пойдемте со мной.

Милиционер поверил сразу, Игорь даже не ожидал, что все так легко получится, и готовился долго уговаривать его.

— Где? — спросил милиционер, глядя на внушительный замок на железных воротах.

— Там доска оторвана, можно пролезть, — Игорь показал рукой вправо и потащил его за рукав.

Милиционер пролез на территорию стройки первым, и, когда протиснувшийся в щель плечистый Ерохин встал рядом с ним, сержант недоуменно обернулся:

— Здесь никого нет, вам, наверное, показалось.

— Послушай, сержант, — Игорь без лишних слов достал из кармана бумажник и вытащил из него пять стодолларовых банкнот, — это — тебе.

— За что? — изумился сержант, но глаза его вдруг стали колючими.

— У тебя в кармане лежит бумажка. Отдай ее мне, и ты меня никогда не видел. Идет?

— Гражданин! — Голос милиционера вмиг стал звонким и злым. — Предъявите-ка ваши документы.

— Да ты чего, сержант? Пятьсот долларов. Ты хоть понимаешь, что это такое? Где ты столько заработаешь за пять минут? Никто никогда не узнает, а у тебя в кармане — два миллиона рублей. На, держи! Давай сюда записку, и разойдемся по-быстрому.

Игорь понимал, что все срывается, но все еще пытался спасти положение, надавить на паренька, взять его напором, нахрапом, не дать опомниться, оглушить невиданной суммой, соблазнить легким заработком. Он не мог допустить мысли, что из-за упрямства какого-то мальчишки он потеряет свои деньги. Деньги-то огромные, дважды в месяц — по двадцать тысяч баксов. Но будет еще хуже, если он не выполнит задание, потому что его доля — одна из самых маленьких, и те, кто дважды в месяц получает в десять раз больше, ошибку ему не простят.

— Пройдемте, гражданин, — строго сказал сержант, и в руке его непонятно откуда оказался пистолет.

— Ну и зря! Потом пожалеешь, — спокойно ответил Ерохин, поворачиваясь к нему спиной и протягивая руку к болтающейся на гвоздях доске, чтобы вылезти наружу.

Это был один из знаменитых финтов Игоря Ерохина. Мгновение — и пистолет сержанта был уже у него.

— Еще раз предлагаю, паршивую бумажку за пятьсот долларов, — угрожающе сказал он, прижав ствол к милицейскому кителю прямо возле сердца. Паренек оказался притиснутым к забору, мощная рука Игоря держала его за горло. Он попытался вырваться, и в эту секунду прямо рядом со стройкой загрохотал тягач.

«Черт с тобой», — в отчаянии подумал Ерохин и нажал на спусковой крючок. Выстрела никто не услышал.

Он ловко обшарил карманы упавшего на землю сержанта и вытащил записку. На сложенном в четыре раза листочке в школьную клеточку было записано:

> «Мужчина лет 35-38, рост примерно 180 см, светло-коричневый плащ, левую руку держит в кармане».

Значит, девица засекла Артема. Хорошо, что эта

записка не ушла дальше.

Игорь аккуратно обтер пистолет носовым платком, вынутым из кармана мертвого сержанта, и, держа за ствол, всунул ему в руку.

4

Сурен Удунян — приятели звали его попросту Сурик — широко открыл свои удивительные глаза, придававшие его лицу по-детски невинное выражение.

— Я же не собирался его убивать, — произнес он тоном незаслуженно обиженного ребенка. — Может, он и не умер вовсе, просто потерял сознание.

— Ты сам сказал, что этот мужик умер, — недовольно возразил Артем Резников, машинально поглаживая повязку на левой руке. Обваренная крутым кипятком кисть все еще болела, но он старался не обращать внимания на боль.

— Ну, мне так показалось, — невозмутимо сказал Сурик, еще шире распахивая огромные миндалевидные глаза, при этом концы длинных густых ресниц почти коснулись красиво очерченных бровей. — Я же не доктор, мог и ошибиться. Пульса вроде не было.

— Вроде, вроде, — передразнил его Артем. — Ты что, сильно ему врезал?

— Да не бил я его. Зачем мне? Все как обычно: подошел сзади, схватил за шею одной рукой, дру-

гой залез в карман, а ногой в это время подсечку сделал. Все тихо и без звука, прием отработанный. А он как-то странно всхлипнул и обмяк. Кто его знает, может, и не помер.

Сурик медленно опустил веки, словно притушив льющийся из глаз мягкий свет, делающий лицо чистым и добрым. Губы сжались, четче обозначились складки в углах рта. Теперь перед Артемом сидел циничный и безжалостный убийца.

— Ты что-нибудь взял у него?

— Зачем мне? — не поднимая глаз, повторил Сурик свою излюбленную фразу. — Место хорошее, тихое, кругом ни души, темно, поздно. Документы быстренько переснял и на место положил.

— Наследил, поди?

— Не маленький. — Ресницы снова взметнулись вверх, лучистые светлые глаза глянули с обидой.

— Ладно. Так что в документах интересного?

— Беркович Станислав Николаевич, 1957 года рождения, москвич, холост, заведующий лабораторией в каком-то хитром КБ, какой-то цветмет, хрен поймешь!

— Козел, — злобно процедил сквозь зубы Артем. — Запомнить не мог?

— Зачем мне? — спокойно пожал плечами Сурик. — Фотографии я тебе принес, сам прочитаешь.

— Давай сюда, — протянул руку Артем.

— Сейчас, спешу и падаю.

— Чего ты хочешь?

— Извинений хочу, Артем-джан, — протянул Сурик противным елейным голоском, нарочито утрируя акцент.

— За что? — изумился Артем.

— За «козла», Артем-джан, за «козла». Я у тебя за работу деньги получаю, а не за то, чтобы оскорбления выслушивать. За оскорбления плата по отдельному тарифу.

Ресницы Сурика опустились вниз, и снова Артем увидел перед собой страшное холодное лицо.

Сидящий справа от Сурика Игорь Ерохин молча жевал свой шашлык, с интересом наблюдая за собеседниками. Сразу видно, что Артем — из фраеров, на зоне не был, нар не нюхал, и дружки у него, видать, всю жизнь были из «чистеньких». Нельзя «козлом» обзываться, нехорошо это, за «козла» ведь и ответить можно. Вон Сурик-то сразу отреагировал, хорошо еще, что в руках умеет себя держать, сидит спокойно, улыбается. Другой

на его месте уже вскочил бы, стол опрокинул, нож выщелкнул да заорал: «За козла ответишь!»

Игорь понял, что пора вмешаться. Артем явно не врубается в ситуацию, а Сурик не отступится, хоть и знает, что Артем с блатными порядками незнаком, но гонор в заднице играет. Ерохин резко поднял руку, подзывая официанта.

— Замени, будь добр, две порции, остыли уже.

— Слушаюсь, — кивнул официант. — Вам тоже принести?

— Шашлык не хочу. Принеси что-нибудь легкое, рыбу или овощи.

— Сейчас сделаю, — официант почти бегом помчался выполнять заказ. Эти трое были постоянными клиентами, им грех не угодить, тем более что «сверху» дают почти полсчета.

Игорь глянул на часы.

— Сурик, проверь, пожалуйста, на входе, там человек должен дожидаться.

Удунян молча поднялся и пошел через весь зал к выходу. Резников проводил его задумчивым взглядом и повернулся к Игорю:

— Что скажешь?

— Придется извиняться, Артем. «Козлами» на зоне «опущенных» называют.

— Кого называют? — не понял Резников.

— Тех, кого насильно «опустили». В смысле изнасиловали. Это очень серьезное оскорбление. Сурик теперь должен либо согласиться, если это правда, либо смыть обиду кровью. Третьего не дано. Ты же не хочешь, чтобы он кровью доказывал, что ты не прав, верно? Твоей, между прочим, кровью, — деловито пояснил Ерохин, дожевывая шашлык и отодвигая тарелку.

— Ну и порядочки у вас, — покачал головой Артем, слегка поморщившись от боли в обожженной руке. — Но здесь же не зона все-таки…

— Вот именно, — кивнул Игорь. — Поэтому Сурик готов снять конфликт, если ты всего лишь извинишься.

Вернулся Сурик, молча положил перед Игорем сложенный листок бумаги и так же молча уселся на свое место, выжидающе глядя на Резникова своими ясными глазами.

— Извини, Сурен Шаликоевич, — примирительно сказал Артем. — Я сказал это по глупости, без злого умысла, обидеть тебя не хотел. Игорь мне объяснил, что я нанес тебе страшное оскорбление, и я беру свои слова назад. Еще раз прошу прощения.

«Молодец», — удовлетворенно подумал Игорь. Резников чем дальше, тем больше нравился ему.

Человек видит цель и идет к ней размеренно и аккуратно, строго по графику, с соблюдением мер предосторожности, но без излишней перестраховки, и на пути к этой цели не тратит силы на то, чтобы доказывать кому-то свою правоту и выставлять свой гонор против чужого. Спокойно, вежливо и с достоинством извинился перед приблатненным сопляком, хотя Сурик со всеми своими потрохами плевка его не стоит.

Выслушав извинение, Сурик слегка улыбнулся, достал из кармана конверт и положил на стол перед Артемом. Тот быстро просмотрел снимки, нахмурился, но ничего не сказал.

— Что у тебя? — повернулся он к Игорю, показывая глазами на принесенный Суриком листок.

— Сведения о хозяине машины, на которой уехала девица.

— Итак, посмотрим, что мы имеем. В момент встречи нас засекает некая женщина, работающая в паре с человеком, который заведует лабораторией в интересующей нас отрасли науки и техники. Женщина записывает мои приметы и передает их работнику милиции, который по глупости, нерадивости или по счастливой случайности никому записку не отдает. Милиционера этого больше нет, — он бросил быстрый

взгляд на Ерохина, — заведующий лабораторией Беркович — под вопросом. Я пошлю кого-нибудь по его адресу, пусть выяснит, жив ли он. Остается женщина, о которой мы ничего не знаем, но которую можем попробовать найти через владельца машины, на которой она уехала. Судя по всему, у нас действительно появились потенциальные конкуренты, то есть люди, у которых есть такой же товар, как и у нас. Они хотят его хорошо пристроить, но не знают, где и как найти покупателя, поэтому пытаются выследить нас и наших контрагентов, чтобы сдать нас ментуре и занять наше место. Женщина эта работает либо на них, либо на ментов, либо на тех и других одновременно. Менты тоже кушать хотят, они вполне могли впрячься в одну телегу с нашими конкурентами. Нас уберут, а потом будут делить навар с продажи. Логично?

Артем говорил неторопливо, тщательно выстраивая фразы и проговаривая их до конца, не обрывая на середине, не теряя, как это часто случается, сказуемое и не забывая согласовывать падежи. Игорь и Сурик слушали его, не перебивая, им всегда интересно было следить за рассуждениями Артема, когда у них на глазах разрозненные факты складывались в четкую

и понятную картинку. Хоть Артем и фраер, но голова у него варит — дай Бог каждому.

— С учетом того, что на нас теперь милиционер, а возможно, и Беркович, предлагаю на время утихнуть. Надеюсь, покупатели отнесутся к нашим трудностям с пониманием. С сегодняшнего дня все внимание нужно сосредоточить на этой женщине из метро, чтобы понять, кто является нашим конкурентом. А дальше решим, как действовать.

Глава 2

1

Настя Каменская с любопытством разглядывала своего гостя. Надо же, думала она, единокровный братец пожаловал, не иначе — влип в какую-нибудь историю. Он, кажется, руководит акционерным обществом, чуть ли не президентом является, из молодых бизнесменов, стало быть. Наверняка какая-нибудь гадость с невозвращением кредитов или вымогательством.

Настины родители развелись, когда ей только-только исполнился год. Нового мужа матери она искренне и горячо полюбила, называла папой, со своим родным отцом периодически перезванивалась, а встречалась лишь изредка. Когда у отца во втором браке родился сын Саша, Насте было восемь лет, никакого интереса к брату она не испытывала и никогда его не видела, справляясь о нем у отца исключительно из вежливости. И вдруг сегодня он позвонил и попросил разрешения прийти.

Высокий худощавый блондин с бесцветным невыразительным лицом, светлыми глазами и рыжеватыми усами, одетый в дорогой костюм-тройку, он выглядел уверенным в себе и

благополучным. И еще — богатым. Насте было жаль тратить на него время, уже две недели она корпела над анализом нераскрытых убийств, работа шла неровно, то и дело стопорясь, и визит родственника казался ей неуместным и заранее раздражал. Но она понимала, что отказать нельзя: может быть, ему действительно нужна помощь. Брат все-таки, хоть наполовину и не родной, но на другую-то половину единокровный.

— А мы с тобой здорово похожи, — улыбнулась она, стараясь сгладить неловкость первых минут. — Оба в отца, наверное. Ты, правда, помоложе. Тебе двадцать шесть уже исполнилось?

— В прошлом месяце, — кивнул Александр.

— Женат?

— Да, уже четыре года скоро.

— Дети есть?

— Девочка, Катенька, — ласково произнес он, и стало сразу понятно, как сильно любит он свою Катеньку.

— Саша, ты извини, но у меня со временем туговато, поэтому давай сразу к делу перейдем, ладно? — предложила она без обиняков, сочтя, что реверансов уже, пожалуй, достаточно.

— Да, конечно, конечно.

Саша вдруг умолк, явно не зная, как начать.

Пальцы его нервно пробежали по галстуку, задержались на пуговицах пиджака и замерли.

— Так какие у тебя проблемы?

— У меня есть девушка, — вдруг выпалил он.

— И что?

— Мне кажется, что с ней не все в порядке.

— В каком смысле? — нахмурилась Настя, приготовившись выслушать какую-нибудь душещипательную глупость, не имеющую никакого отношения к милицейским заботам.

— Лучше я начну с самого начала. Мы с ней познакомились примерно два месяца назад. А в последнее время у тех людей, у которых мы бывали вместе, начались неприятности. И я боюсь, что это из-за нее.

— Нет, дружок, начать с начала ты не сумел, — усмехнулась Настя. — Давай-ка я попробую. У твоей девушки есть имя?

— Даша. Сундиева, — уточнил он.

— Возраст?

— Девятнадцать. Скоро двадцать исполнится.

— Чем занимается?

— Она продавщица в магазине «Орион», в секции женского платья. И учится в Гуманитарном университете, хочет стать визажистом.

— Ух ты! — хмыкнула Настя. — Очень модная

специальность. Где ж ты с ней познакомился?

— В магазине. Покупал костюм для жены…

— Банально до зубной боли, — прокомментировала она. — Дальше как события развивались?

— Как обычно. Пригласил пообедать, на другой день — поужинать…

— Ну да, а на третий день — вместе проснуться и позавтракать. Ты сразу начал водить ее в гости к своим друзьям?

— Да нет, недели через две-три, пожалуй.

— А почему не сразу? — поинтересовалась Настя, выключая чайник и открывая банку с кофе.

— Выжидал, хотел быть уверен, что через день-два это не кончится. Не люблю, когда мои приятели говорят, что меня бросила очередная красотка.

— А она — красотка? — уточнила Настя, разрезая пакет с печеньем. За стеной, в комнате, послышалось жужжание работающего принтера. Лешка занял компьютер, работает, а она тратит время на какие-то бредни. Не любит он, видите ли, когда его красотки бросают! Не заводи шашни с красотками, тогда и бросать не будут.

— Даша очень красивая, — спокойно ответил брат, не обращая внимания на Настин саркасти-

ческий тон.

— Сделай привязку к календарю, — попросила она. — Когда вы познакомились?

— В конце августа.

— А точнее?

— У жены день рождения 23-го. Значит, числа 19-го или 20-го.

— Когда в первый раз пошли в гости к твоим друзьям?

— Ну… Где-то в середине сентября.

— «Где-то» меня не устроит. Давай точнее. Почему вообще ты решил повести ее в гости?

— Когда мы встретились в тот день, оказалось, что квартира, на которую я рассчитывал, занята. Деваться было некуда, и я позвонил приятелю, напросился на кофе.

— Приятель-то деликатный оказался?

— Конечно.

Саша ничуть не смутился. Он вел себя словно на приеме у врача, когда ни в одном вопросе не видишь ничего стыдного или неприличного.

— Телевизор включали, пока пили кофе в гостях?

— Да, у них телевизор на кухне стоит.

— И что показывали?

— Не помню. Фильм какой-то, кажется.

— Какой фильм? — допытывалась Настя. Она и сама не могла бы сказать, почему вдруг проявляет такую дотошность. Пока что она не видела никакого криминала, но что-то подсказывало ей, что даже такой ерундой, как любовные переживания брата, нужно заниматься на совесть.

— Не помню я, какой был фильм. — Саша пожал плечами. — Мы же его не с начала смотрели, да и вообще не смотрели, а разговаривали.

— Постарайся вспомнить что-нибудь, актера или хотя бы реплику.

— По-моему, там играл Бельмондо, — неуверенно произнес Саша. — Что-то комедийно-детективное.

— Ясно. Подожди, я сейчас.

Настя вышла в прихожую, достала с антресолей ворох газет и притащила их в кухню.

— Разбирай, — бросила она, плюхаясь на табуретку. — Ищи телевизионные программы за сентябрь.

Минут через 15 они установили, что первый совместный визит Александра Каменского и Дарьи Сундиевой в гости состоялся 14 сентября.

— Так, и что же было дальше? — устало спросила Настя, которой надоело исполнять сестринский долг.

— Потом мы еще несколько раз ходили к моим знакомым. И у них начинались неприятности.

— Какого рода неприятности?

— Кражи, — тихо ответил Саша, глядя куда-то в сторону.

— Конкретнее, пожалуйста, — в Насте вмиг проснулся охотничий инстинкт.

— Один из них пришел с работы, а дверь в квартиру взломана.

— Что пропало?

— Вроде ничего.

— Как это? — вскинулась Настя. — Совсем ничего?

— Документы, но их на другой день вернули. Подбросили в почтовый ящик.

— Милицию вызывали?

— Нет, зачем? Ничего же ценного не пропало. Дверь только испорчена. А с милицией хлопот не оберешься. Извини, — спохватился он.

— Чего там, — она махнула рукой. — Я сама в прошлом году пришла домой, а дверь открыта. Тоже не стала милицию вызывать, и по тем же соображениям.

— Да ты что?! И тебя обокрали?!

— Нет, меня шантажировали. Не отвлекайся, Саша, рассказывай дальше.

— Ну… Потом другого моего знакомого ограбили прямо в подъезде.

— Что-нибудь взяли?

— Только документы. И тоже на другой день вернули.

— Замечательно! — Настя отчего-то развеселилась. — Давай дальше.

— Потом еще одного ограбили, а у четвертого — снова квартирная кража.

— И у всех брали документы и на другой день подбрасывали?

— У всех. Вот я и боюсь, что Даша — наводчица. Только она работает не на воров, а на каких-то мафиози, которым нужны поддельные документы. Они высматривают людей с подходящими данными, потому что документы слесаря дяди Пети им сто лет не нужны для их махинаций. А среди моих знакомых большинство — предприниматели, банкиры, биржевики, короче, финансово-кредитная публика.

«А ведь прав братишка, — подумала Настя. — Пользоваться краденными документами опасно, хозяева обращаются в милицию и в ГАИ за новыми, а похищенные ставят на учет. Гораздо безопаснее сделать копию. Документ в розыске не числится, номера настоящие, бумага и печати

— комар носа не подточит, сейчас мастера на все руки есть, такие умельцы, что Монетному двору и не снилось. И имя в документе настоящее, только фотография другая. Случись проверка — полный порядок, паспорт или водительские права именно с этой серией и этим номером выданы там-то и тогда-то именно такому-то гражданину. Все как в аптеке. Не исключено, что красавица Даша связана с группой, у которой изготовление «липы» поставлено на поток. Преступный промысел переходит на узкую специализацию, как у Райкина».

— Сколько раз вы вместе ходили в гости? — спросила она, наливая себе вторую чашку кофе. Стоявшая перед братом чашка с чаем оставалась нетронутой. Несмотря на внешнюю уверенность в себе и спокойствие, разговор давался ему нелегко.

— Шесть раз.

— Ты точно помнишь?

— Настя, я ведь не сразу к тебе побежал. Я долго прикидывал, перебирал в памяти, сомневался. Получается, что мы приходили в гости, а через 2 — 3 дня — кража или ограбление.

— Вы были у шести разных хозяев?

— Да, мы ни в одном месте по два раза не бы-

ли.

— А кражи, значит, только у четырех?

— У четырех, — подтвердил Саша.

— А почему? Есть какое-нибудь объяснение?

— Сам не понимаю.

— Когда была первая кража?

— 4 октября, во вторник. Перед этим мы в субботу, 1-го числа, были в гостях, а во вторник хозяев обокрали.

— А те, у кого вы бывали раньше, до 1 октября, не пострадали?

— В том-то и дело, что нет. Мы в сентябре были у двух моих друзей, и у них все в порядке. Все началось только в октябре. Вот я и думаю, что сначала она просто присматривалась к кругу моих знакомых, пока не убедилась, что это подходящие кандидатуры для копирования их документов.

— А ты сам веришь в это? Логика — это хорошо, но сердце-то что-нибудь подсказывает?

Саша надолго умолк, сосредоточенно размешивая сахар в чашке с остывшим чаем.

— Мне трудно судить, Настя, — осторожно начал он. — Даша — она необыкновенная. Это словами не выразить. У меня даже язык не поворачивается сказать ей про эти кражи. Это все равно что купить букет свежих цветов и тут же

выбросить их на помойку. Нелепо и жестоко. Это то, что говорит сердце. А ум говорит несколько иное.

— Что, например?

— Зачем я ей? Я далеко не красавец и не супермен. Завидным любовником я не являюсь ни с какой стороны. Деньги у меня, правда, есть, и немалые, но Дашка этих денег не видит и никакого навара с них не имеет. Как возможного супруга она меня рассматривать не может, потому что разводиться я не намерен ни при каких условиях, и она прекрасно это знает. Так зачем я ей? Поэтому я вынужден думать, что у нее есть какой-то корыстный интерес.

— А любовь? — насмешливо спросила Настя. — Про любовь ты забыл?

— Любовь? — Он озадаченно посмотрел на сестру и вдруг расхохотался. — Да разве меня можно любить? Ну, ты и скажешь, сестренка! Меня в жизни никто никогда не любил, с детства дразнили белобрысым придурком или белесым чучелом, а еще крысенком и бледной спирохетой. Я некрасив, и у меня отвратительный характер. Я всегда покупал себе женщин, начиная с самой первой, с которой лишился невинности. Меня и жена не любит. Она прекрасно ко мне относит-

ся, мы с ней друзья, но она меня не любит. Она выходила замуж за деньги и перспективы, а не за меня.

— Зачем же ты на ней женился?

— Я не женился. Я купил себе мать своего будущего ребенка. И благодарен судьбе за то, что она стала не только матерью моей девочки, но и моим другом. Я на это даже не рассчитывал.

— Погоди, но ты же сказал, что на Дашу денег не тратил. Значит, ее-то ты не купил?

— Я пытался, как обычно, делать ей подарки, разумеется, дорогие, но она отказывалась. Это как раз меня и настораживает. Что ей от меня нужно?

— Бред какой-то, — в сердцах сказала Настя. — Ты несешь абсолютную чушь. Почему тебя нельзя любить? Потому что ты сам это придумал? Наговариваешь на себя и на девочку черт знает что.

— А кражи? — тоскливо спросил Саша. Было видно, что ему самому муторно от своих подозрений.

— Да, кражи, — задумчиво произнесла Настя. — О кражах надо подумать. Давай-ка я посмотрю на твою красавицу сама. Она завтра работает?

— Во вторую смену, с трех до восьми. Где магазин, знаешь?

— Знаю. Ты ей про меня не рассказывал?

— Нет.

— Ладно, завтра схожу.

Саша неожиданно улыбнулся и вытащил бумажник.

— Возьми деньги, — он протянул ей пачку купюр в банковской упаковке.

— Это еще зачем? — удивилась Настя.

— Купишь себе что-нибудь для виду. Там все очень дорого.

«И то верно, — подумала она. — Чтобы присмотреться к этой Даше, нужно перемерить не меньше десятка платьев. А если после всех этих мучений ничего не купишь, это может показаться подозрительным. Братец-то у меня далеко не дурак. Хотя и с огромным тараканом в голове».

Закрыв за Сашей дверь, Настя вошла в комнату, где Леша сосредоточенно работал на компьютере.

— Знаешь, Лешик, у меня очень любопытный родственничек, — сказала она, подходя и обнимая его за плечи. — Он считает, что его нельзя любить.

— Да? — рассеянно отозвался Чистяков, не прекращая работу. — И почему же?

— Он некрасивый, и у него плохой характер.

— И только-то? Бедолага, знал бы он, какой характер у его сестры! И ведь нашелся идиот в моем лице, который ее любит. Тебе место освободить? Я уже заканчиваю.

— Спасибо, Лешенька. А что у нас на ужин?

— Там, по-моему, еще котлеты остались.

— А по-моему, мы их уже доели, — усомнилась Настя.

— Все. — Леша закончил программу и вышел из-за стола. — Садись, светоч борьбы с убийствами. Я наконец понял, почему ты не выходишь за меня замуж.

— Почему? — полюбопытствовала она, отыскивая свою директорию в компьютере. — Скажи, я хоть знать буду.

— Потому что ты ленивая и нехозяйственная. Пока я прошу твоей руки, а тому без малого полтора десятка лет, я от тебя якобы зависим, и ты помыкаешь мной как хочешь. Если я на тебе женюсь, то обрету свободу и независимость, а кто будет тебя, поганку, кормить?

— Если не будешь кормить, я с тобой разведусь, — пообещала Настя, рисуя на экране таблицу.

— Да куда тебе! Разведется она, — проворчал Чистяков, собирая со стола свои записи. — Тебе

даже бутерброд сделать лень, не то что разводиться.

2

Дмитрий Сотников с улыбкой смотрел на семерых ребятишек, старательно рисующих натюрморт. Хоть они и одаренные дети, но все равно — дети, непосредственные, непоседливые, ужасно забавные. Дмитрий любил своих учеников, он вообще любил детей и ни за что не согласился бы взять группу подростков постарше. В художественной школе, которая в последний год приобрела пышное название Академии искусств, он работал больше десяти лет, и за все эти годы у него в группе не было ни одного старшеклассника.

Общение с детьми всегда радовало его, но сегодня к концу занятий легкий, радостный настрой постепенно стихал, уступая место смутному недовольству. Конечно, промелькнула мысль, сегодня же четверг, сегодня придет Лиза. Опять будут воспоминания, разговоры об Андрее, слезы, потом обязательные, как кофе к завтраку, занятия любовью. Все это будет тягостно, но утешает хотя бы то, что Лизе станет немного легче. Совсем чуть-чуть, но легче.

Закончив занятия и отпустив учеников, Сот-

ников отправился домой, заходя по дороге в магазины за продуктами. Лиза придет, как обычно, в восемь, до этого он хотел успеть сделать уборку в квартире и поужинать. Лиза никогда не садилась за стол вместе с ним, и если он не успевал поесть до ее прихода, то приходилось терпеть голод, пока она не уйдет.

Дома Дмитрий с тоской оглядел свое неухоженное жилище. Холостяцкая жизнь художника наложила свой отпечаток на всю квартиру, начиная от немытых стекол и кончая кастрюлями с отломанными ручками. Он изо всех сил старался поддерживать чистоту, регулярно мыл полы и вытирал пыль, но до мытья окон руки все не доходили, а уж про приобретение новой посуды и ремонт подтекавшего крана в ванной он и не помышлял.

Лиза пришла вскоре после того, как старинные часы на стене пробили восемь. Последние девять лет она ходила только в черном, вот и сегодня на ней были надеты черные брюки и черный свободный свитер. Дмитрию не нравился этот затянувшийся траур, к тому же глаз художника, требовательный к гармонии цвета и формы, видел, что черное ей совсем не идет. Статная, широкая в кости, с темно-русыми волосами и се-

рыми глазами, спортивной подтянутой фигурой, она могла бы лучиться здоровьем и смехом, и ей как нельзя лучше подошли бы белые джинсы и яркая майка с веселым рисунком. Но вместо этого Лиза упорно носила траур, редко улыбалась, а скорбное выражение, казалось, навсегда прилипло к ее лицу.

— Как провела день? — спросил Дмитрий, пристраивая Лизину куртку на вешалку в прихожей.

— Нормально. Была на кладбище, вымыла памятник, положила цветы.

— Когда ты выходишь на работу?

— Через недельку, наверное. Посмотрим. Я еще не решила.

— А что врач говорит?

— Да что он скажет умного, врач этот! — пренебрежительно ответила Лиза. — Что я захочу, то и скажет. Посмотрим, — повторила она, — если будет настроение работать, закрою больничный.

После пережитого девять лет назад шока, когда на глазах у Лизы четверо мальчишек убили ее младшего брата, она периодически лежала в больнице по поводу нервного расстройства, а потом долечивалась дома.

— Ты знаешь, — оживленно заговорила она, устроившись в уютном глубоком кресле, которое

вместе со старинными настенными часами досталось Диме от прабабки, — Андрюше понравились голубые хризантемы, которые я ему приносила в прошлый раз. Я давно заметила: если ему цветы нравятся, они долго не вянут. Сегодня я снова положила такие же. Как ты думаешь, ему нравятся именно хризантемы или то, что они голубые?

«Ну вот, началось, — устало подумал Сотников. — Бесполезно объяснять ей, что Андрюше уже ничего не может нравиться или не нравиться, потому что уже девять лет как его нет в живых. Лиза не хочет этого понимать, она не желает смиряться со смертью брата, но поскольку против факта его гибели она бессильна, то и ударилась в религиозную муть о бессмертии души. Отсюда и разговоры эти, и посещение кладбища каждую неделю, а то и чаще, и ежедневная уборка его комнаты, в которой все годы после его смерти поддерживается порядок, словно он ушел в школу и через два часа вернется. Дескать, Андрюшина душа здесь, с нами, она все видит и все понимает, и мы должны обращаться с ней, как будто он жив. Лиза-то еще ничего, а вот мать ее совсем свихнулась, ходит в церковь чуть не каждый день, даже крещение приняла. Превратили квартиру в мавзолей, увешали все

стены картинами и фотографиями мальчика и культивируют в этом мавзолее свое горе, чтобы оно еще пышнее расцветало. А я терплю все это девять лет, потому что мне ужасно жалко Лизу. Ее брат был гениальным художником, более одаренного ученика у меня никогда не было. Андрей был настоящим вундеркиндом, не только художником, но и блестящим поэтом. А Лиза была Сестрой вундеркинда, причем Сестрой с большой буквы, а ведь для этого тоже нужен талант. Она умела быть терпимой, знала, как вывести его из кризиса, когда Андрей начинал швырять на пол кисти и кричать, что он — ничтожный мазила и больше никогда в жизни не прикоснется к краскам. В мальчике была вся ее жизнь, все надежды, она дышала им, и признать окончательность его небытия было для нее равносильно смерти. Бедная моя, сумасшедшая девочка».

— Нет, наверное, главное все-таки то, что цветы — голубые, — продолжала Лиза, не замечая, что Сотников ее почти не слушает. — Помнишь, Андрюша рисовал мой портрет в костюме принцессы? Я там в платье с голубыми цветами. На самом деле цветы были розовые, но он сделал их голубыми, сказал, что так лучше. Помнишь?

— Помню, — улыбнулся Дима. — Портрет был

изумительный.

— Да-да, — подхватила Лиза, встряхивая головой, — на выставке его увидел какой-то иностранец и захотел приобрести, но Андрюшенька ответил ему: «Это портрет моей сестры, моей принцессы. Он не продается, потому что я хочу, чтобы моя Лиза всегда была со мной».

Голос ее задрожал, по щекам потекли слезы. Воспоминания о брате были по-прежнему болезненными. Дмитрий присел рядом на подлокотник кресла, обнял девушку, прижал ее голову к своей груди. Он знал, что успокаивать и утешать ее — пустая трата времени, нужно просто переждать, когда она перестанет плакать.

— А помнишь, как мы с тобой точно так же сидели в мастерской, ты гладил меня по голове и говорил, что Андрюша необычайно талантлив и его картины повезут на выставку в Париж, а мы с тобой поедем вместе с ним и будем гулять по бульвару Круазетт? — всхлипнула Лиза.

— Конечно, помню, — тихо отозвался Сотников. На самом деле он этого совершенно не помнил, но спорить с Лизой было опасно.

— Мне было шестнадцать, и я была влюблена в тебя по уши, а ты этого даже не замечал. Верно?

— Верно. Ты была тогда ужасно милой девоч-

кой, но всего лишь девочкой, а я был учителем твоего брата, старым и солидным, мне было целых двадцать семь лет.

— Ну да, а когда ты меня обнимал и говорил про Париж, у меня сердце замирало. Это было как в сказке. Дим, а когда ты понял, что любишь меня?

«Никогда», — мысленно произнес Дима, но вслух сказал, разумеется, совсем другое.

Отношение его к Лизе было сложным и запутанным. Она действительно до какого-то времени была для него всего лишь милой девочкой, сестрой его ученика. Как опытный педагог он, конечно же, видел, что она влюблена в него, но кто из мужчин-учителей с этим не сталкивался? Дело обычное, на это даже внимания обращать не принято. Лиза приводила брата на занятия, терпеливо сидела в уголке и ждала, пока кончится урок, тихонько болтая с Сотниковым о разных пустяках. Иногда Дмитрий просил ее попозировать во время занятий, и она охотно соглашалась.

После гибели одиннадцатилетнего брата Лиза продолжала приходить к художнику, словно ничего не изменилось, говорила с ним об Андрее, о его картинах и стихах. Визиты эти были регулярными и как будто само собой разумеющимися. Сначала Дима ждал, что со временем

раны зарубцуются и эти тягостные визиты постепенно прекратятся, но шли месяцы, годы, а Лиза по-прежнему, если не была в больнице, приходила к нему в школу каждый четверг. Когда он спохватился, было уже поздно что-либо менять. Ну что ей сказать? Как объяснить, что ей не нужно приходить к нему? Такое говорят либо сразу, либо не говорят никогда. Это одна из самых распространенных ловушек, которые могут расставить жалость и сострадание. И Дмитрий терпел. Ему было искренне жаль Лизу, а сам себе он казался черствым и бездушным, потому что не мог заставить себя переживать потерю мальчика с такой же неистовой силой.

Они стали любовниками, когда Лизе уже исполнилось двадцать лет. Никакой радости ему это не доставило, но Лиза будто бы немного ожила, встряхнулась, выглянула, пусть ненадолго, из своей траурной скорлупы, в которой пребывала постоянно. И Дима Сотников тогда решил, что если он может хоть что-то сделать для нее, то он должен это сделать, несмотря ни на что, несмотря на других женщин, в которых он влюблялся и с которыми спал. Если есть иллюзия, помогающая Лизе справиться с горем, то он не имеет права эту иллюзию разрушать. Если любовь к нему

может ее поддержать, он не должен лишать ее этой поддержки. Разумеется, решение это было принято в ситуации, когда Дима после неудачного кратковременного брака твердо знал, что в ближайшие три-четыре года повторять опыт супружества не станет. Как быть с Лизой, если в его жизни появится женщина, на которой он захочет жениться, Сотников не знал, но полагал, что, когда это случится, тогда и видно будет. Мысль сделать предложение Лизе ему и в голову не приходила. Он прекрасно относился к ней и даже мог раз в неделю продемонстрировать это в постели. Но он ее не любил.

3

Время подходило к шести часам, и Настя подумала, что, если Лесников в течение десяти минут не объявится, ей придется тащиться в магазин «Орион» одной.

Она уже не помнила, когда в последний раз уходила с работы в шесть, обычно она засиживалась допоздна, размышляя над фактами и событиями, чертя замысловатые схемы, выстраивая самые невероятные версии и придумывая хитроумные и оригинальные способы их проверки. Однажды для того, чтобы раскрыть серию убийств, ей пришлось даже прочесть несколько триллеров на французском и итальянском языках. Настины коллеги первое время пожимали плечами и недоверчиво усмехались, когда их начальник Виктор Алексеевич Гордеев по прозвищу Колобок заявил, что взял в отдел человека, который будет заниматься аналитической работой. Особого смысла в этой работе они не видели и полагали, что шеф по чьей-то просьбе просто-напросто пристроил чью-то дочку, а поскольку она сыщицкого дела не знала и ничего делать не умела, ей и придумали эту самую мифическую аналитическую работу.

Идея казалась правдоподобной еще и потому, что Настин отчим Леонид Петрович четверть века проработал в уголовном розыске и был добрым приятелем Колобка.

Было это почти десять лет назад, и понадобилось немало времени, чтобы ехидные усмешки и недобрые ухмылки постепенно сползли с лиц сотрудников отдела по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями. Настя работала на всех, выполняя любые просьбы и поручения. К ней можно было прийти и сказать: «У меня не получается комбинация, которую я задумал. У меня срывается вот здесь и вот здесь». Каменская запирала кабинет изнутри, доставала свои знаменитые листочки, чертила на них непонятные стрелочки и кружочки, а через два часа давала полную раскладку причин, по которым срывается комбинация, и советовала, как эти причины устранить. Обладая четким мышлением математика, для которого не существует слов «этого не может быть», она обычно не упускала ни одной версии и ни одного объяснения, какими бы невероятными они ни казались на первый взгляд, а прекрасная память позволяла ей держать в голове множество сведений, которые по первому требованию она извлекала на свет божий,

сопоставляла, и после таких сопоставлений они порой представали в совершенно ином свете.

Сегодня Настя собиралась выполнить данное брату обещание и присмотреться к странной девушке Даше Сундиевой. Для лучшего выполнения задуманного ей хотелось подъехать к магазину на хорошей дорогой машине. Поэтому она и ждала с нетерпением своего коллегу Игоря Лесникова, который был владельцем сверкающего «BMW». Она еще утром просила его помочь, и Лесников, всегда строгий и серьезный, молча кивнул и умчался по делам. Настя так и не поняла, собирался он выполнять ее просьбу или нет.

Когда стрелки часов показали без двух минут шесть, Настя стала одеваться. Ждать дольше бессмысленно, если она собирается провести в магазине как минимум час, а магазин в восемь закрывается. Уже запирая дверь кабинета, она увидела в конце коридора неторопливо шагавшего Лесникова.

— Куда это ты собралась без меня? Ты что, изменила планы? — спокойно спросил он.

— Нет, я просто не надеялась, что ты объявишься.

— Но я же обещал, — невозмутимо ответил Лесников. — Как же я мог не объявиться? Если бы

мне что-то помешало, я бы позвонил тебе.

Об обязательности и пунктуальности Игоря Лесникова по МУРу ходили легенды, порой превращавшиеся в анекдоты. Более серьезного и спокойного человека коридоры Петровки, 38, наверное, не видели со дня постройки здания. Вдобавок он был красив, и половина женского населения страны, именуемой «ГУВД Москвы», тихонько вздыхала по нему. Но Лесников был примерным семьянином, любящим мужем и счастливым отцом, и даже при всем желании упрекнуть его было абсолютно не в чем: за много лет ни одна сотрудница Петровки не получила от него ни единого знака внимания.

Подъезжая к «Ориону», Настя попросила:

— Поставь машину так, чтобы ее было видно из магазина через витрину. Я зайду, минут через десять-пятнадцать выйду, поговорю с тобой, и после этого можешь уезжать.

— Хорошо, — коротко отозвался Игорь, аккуратно пристраивая автомобиль на парковку.

«В моей жизни началась полоса знакомства с богатством, — насмешливо подумала Настя. — Сначала Лешик с платьем за шесть сотен долларов, потом братец-миллионер, а теперь еще и магазин, где цены даже в валюте какие-то за-

предельные».

Дашу Сундиеву Настя увидела сразу. В таком дорогом магазине покупателей было совсем мало, а в секции женского платья и вообще пусто.

Брат не покривил душой, Даша и в самом деле была красавицей. Причем красивой в полном смысле слова она не была, при внимательном взгляде Настя заметила, что черты лица у нее не совсем правильные, кожа не очень хорошая, а ноги могли бы быть чуть подлиннее. Зато у нее были роскошные густые волосы золотисто-медового цвета, плотными волнами сбегающие по плечам, ярко-синие глаза, очаровательный румянец на скулах и ямочки на щеках. Но главным достоинством девушки было выражение лица, приветливое, радостное, открытое и доброжелательное, отчего лицо это казалось бы, наверное, красивым, даже если бы было на самом деле откровенно уродливым.

Настя вошла в секцию и остановилась, оглядывая кронштейны с разнообразными образцами женской одежды.

— Добрый вечер. Могу я вам помочь? — немедленно подошла продавщица, улыбаясь отрепетированной профессиональной улыбкой.

— Может быть, — загадочно ответила Настя. —

У меня довольно сложная проблема.

Она ожидала, что при этих словах Даша поскучнеет, однако ошиблась. Девушка встрепенулась и радостно вспыхнула.

— Я надеюсь, что мы с вами вместе решим вашу проблему, даже если она очень сложная.

«Одно очко ты заработала, — подумала Настя. — Тебе интересно то, что ты делаешь. Сейчас посмотрим, насколько грамотно ты делаешь то, что тебе интересно».

— Мне нужен деловой костюм, чтобы ходить в нем на работу. Но у меня есть ряд условий: во-первых, юбка не должна быть короткой, во-вторых, он не должен стеснять движения, в-третьих, он должен быть таким, чтобы к нему можно было надевать туфли на низком каблуке или вообще без каблука, в-четвертых, он не должен быть ярким или нарядным, в-пятых, он должен быть из немнущейся ткани и не требовать ежедневной утюжки. И наконец, в-шестых, он должен мне идти. Это, пожалуй, самое трудное. Ну как, справимся?

Даша весело улыбнулась.

— Чем труднее задача, тем интереснее ее решать. Вы согласны?

— Ну… В общем, да, — растерялась Настя от

этих слов, потому что это были ее собственные слова, которые она произносила неоднократно. Любопытная девочка эта Даша Сундиева. Без малейшего усилия заработала второе очко.

— Тогда начнем с главного. Давайте решим, какие костюмы вам идут, а уж потом из них будем выбирать такие, которые удовлетворяли бы вашим условиям.

— Вся сложность в том, что мне костюмы вообще не идут, поэтому я не знаю, каким он должен быть. Просто я поставлена перед необходимостью ходить на работу в костюме, поэтому вынуждена его купить. Вообще-то я предпочитаю другую одежду.

Даша отошла на несколько шагов и принялась разглядывать свою покупательницу.

— Повернитесь, пожалуйста. Так, хорошо. Расстегните куртку, а лучше снимите ее совсем. Грудь сорок восемь-пятьдесят, талия сорок шесть, бедра сорок шесть, рост четвертый. Немудрено, что вы не можете ничего себе купить.

— Почему? — удивилась Настя. Она как-то не задумывалась над этим, потому что ничего себе и не покупала. У нее был вполне приличный гардероб, так как постоянно выезжающая за границу и подолгу там живущая мать часто присылала ей

дорогие модные тряпки, которые Настя практически никогда не надевала, предпочитая джинсы, майки летом и свитера зимой, а также удобные кроссовки.

— По двум причинам. Во-первых, вещи, которые хорошо сидят на талии и бедрах, тесны в груди, а вещи, которые в груди не тесны, на талии болтаются или даже сваливаются. У вас от природы сорок восьмой размер, но вы при вашем росте слишком худы. Вы не болеете?

— Нет. Просто неправильно питаюсь, да и работа нервная, — пояснила Настя, не успев сообразить, что чуть ли не откровенничает с этой незнакомой, да еще и подозрительной девушкой. Дар у нее такой, что ли, располагать к себе людей?

— Вторая проблема состоит в том, что у вас нет индивидуальности внешнего образа. Вы по какой-то причине его прячете или не создаете. Поэтому вам ничего не идет.

— Не поняла, — нахмурилась Настя. На самом деле она прекрасно все поняла и вынуждена была признать, что девчонка попала не в бровь, а в глаз. Умна, быстро соображает, хороший словарный запас, позволяющий формулировать свои мысли достаточно точно и в то же время аккуратно и

тактично. Наметанный глаз профессионала. Природное обаяние, притягивающее людей. Умение разговорить и вызвать на откровенность. Сколько очков ты набрала, Дарья Сундиева? Шесть. Молодец. Неудивительно, что брат Александр влюбился в тебя до умопомрачения. Но если он прав в своих подозрениях, то ты чертовски опасная преступница, потому что с твоими данными можно о-го-го каких дел наворочать.

— Я постараюсь объяснить, — продолжала продавщица. — Что мы имеем в виду, когда говорим, что платье идет женщине или не идет? Во-первых, сочетание цветов: цвет волос и глаз должен выгодно оттеняться или подчеркиваться цветом одежды. Во-вторых, сочетание стилей: фасон и стиль одежды должен соответствовать тому образу, который женщина создает и поддерживает прической, макияжем, украшениями, осанкой, даже походкой и манерами, даже речью. Вы меня понимаете?

Настя кивнула.

— Продолжайте, пожалуйста. Это очень интересно.

— Согласитесь, когда женщина в потертых джинсах и ковбойке делает вечерний макияж, сложную прическу и обвешивается бриллианта-

ми, это нелепо. Точно так же нелепо, когда одетая в дорогой костюм женщина ходит лохматой и с дешевой бижутерией на шее и в ушах. Или дама в вечернем платье вдруг начинает говорить хриплым голосом и ругаться как извозчик. Образ должен быть единым, понимаете?

— Да, конечно.

— Чтобы подобрать костюм, который вам идет, нужно видеть ваш образ. А у вас его нет.

— То есть вы хотите сказать, что я — никакая?

— Вы делаете себя никакой, — горячо возразила Даша. — Вы с вашими природными данными можете быть какой угодно, но вы этого почему-то не хотите. Или не знаете, как это сделать. Поэтому давайте решим, какой вы хотите быть, а потом уже пойдем дальше.

«Семь очков, — мысленно сосчитала Настя. — Первым природные особенности моей внешности мне открыл отчим много лет назад, когда объяснил, что на моем невзрачном бесцветном лице можно нарисовать все что угодно, от уродства до ослепительной красоты. Можно умело накладывать косметику, менять цвет волос и глаз, прическу и походку, голос и манеру говорить. Всему этому я училась с юности, а мама из-за границы присылала мне разноцветные контактные

линзы и специальную косметику. Так что искусством создания образа я владею не хуже этой визажистки. Другое дело, что для повседневной жизни я этим искусством почти не пользуюсь, потому что мне совершенно не интересно, как я выгляжу и нравлюсь ли мужчинам. Мне интересно решать задачки».

Она торопливо взглянула на часы, потом бросила взгляд через витрину на улицу. Сверкающая машина Лесникова стояла совсем рядом и была хорошо видна.

— Я чувствую, что мы с вами займемся моими проблемами всерьез. Мне нужно отпустить водителя на ужин. Я сейчас вернусь.

Подойдя к машине, Настя открыла дверцу со стороны пассажирского места.

— Спасибо, Игорь, выручил. Посмотри-ка мне за спину, через витрину. Девушку видишь?

— Блондинку? Вижу.

— Она на нас смотрит?

— Нет, она стоит к нам спиной.

— Выйди, пожалуйста, — попросила Настя, — я не могу стоять согнувшись, спина болит.

— Может быть, лучше ты сядешь в машину?

— Нет, я хочу, чтобы она видела меня вместе с тобой и машиной. Создаю образ состоятельной

дамы с причудами.

Игорь вышел из машины и встал лицом к витрине.

— Ну что она? — нетерпеливо спросила Настя. Ей хотелось скорее вернуться в магазин к непростой и даже подозрительной девушке Даше и продолжить свой эксперимент.

— Вышла из секции. Ага, вот она пошла в соседнюю секцию, говорит с продавщицей, подходит к манекенам, — тихо комментировал Лесников. — Снимает с них парики. Один, два, три, четыре парика, опять подходит к продавщице, возвращается в свою секцию. Раскладывает парики на столе. Повернулась. Смотрит на нас.

— Точно смотрит?

— Точно. Улыбается.

— Тебе, что ли, улыбается?

— Нет, каким-то своим мыслям. Лицо задумчивое.

— Все еще смотрит?

— Угу. По-моему, она тебя изучает с ног до головы.

— Ладно, хватит, — решила Настя. — Красивую машину с красивым водителем она увидела, можно возвращаться. Счастливо, Игорек!

Вернувшись в магазин, Настя сразу увидела, что

кронштейн возле стола продавщицы заполнен костюмами. Она точно помнила, что, когда разговаривала с Дашей, этот кронштейн был пустым.

— Все в порядке? — приветливо улыбнулась ей продавщица. — Тогда продолжим, если вы не передумали. Я подобрала для вас костюмы и парики, чтобы мы могли прикинуть, какой образ вы будете создавать. Предлагаю вам на выбор платиновую блондинку с оливково-зеленой цветовой гаммой или средне-русую с серыми и бледно-сиреневыми оттенками.

— А в чем разница? — поинтересовалась Настя, чувствуя себя экзаменатором. Она прекрасно знала, в чем разница, но ей важно было услышать ответ, чтобы проверить Дашу.

— Платиновая блондинка в сочетании с оливково-зелеными оттенками даст нам образ женщины с прошлым, страдавшей, любившей, сдержанной, внешне холодной, но, вполне возможно, страстной по натуре. Средне-русые волосы вместе с серыми и бледно-сиреневыми цветами складываются в образ мягкой, покладистой, доброй, домашней женщины, открытой и ласковой. Выбирайте.

Через час Настя ушла из магазина «Орион», унося с собой купленный на деньги брата костюм

из оливкового шелка и смутное ощущение, что синеглазая золотоволосая Даша Сундиева гораздо сложнее, чем может показаться даже самому пристрастному и склонному к подозрениям судье. Умные и проницательные люди редко бывают открытыми и доброжелательными, потому что умные и проницательные люди всегда видят тебя насквозь вместе с твоими нелицеприятными мыслями. После этого доброжелательности у них резко убавляется. Таких, как Даша, просто не бывает. Настя была уверена, что в чем-то она притворяется. А поскольку, будучи безграмотным глупцом, имитировать ум, профессионализм и проницательность невозможно, остается думать, что искусственными являются приветливость, доброта и открытость. Очень похоже, дорогой братец, что ты не ошибся. Что-то с твоей девушкой определенно не так.

Едва открыв дверь своей квартиры, Настя услышала телефонный звонок.

— Подойди! — крикнул ей из глубины квартиры Чистяков. — Это наверняка опять твой брат, он уже раз десять звонил.

Это действительно был Александр Каменский, с волнением ожидавший вынесенного Настей приговора.

— Не могу пока сказать ничего определенного, — честно сказала Настя. — Похоже, что ты прав, но полностью быть уверенной я не могу.

— Как же быть? — расстроенно спросил он.

— Не суетись. Веди себя как ни в чем не бывало, встречайся с Дашей, только в гости ее не води. А я через пару дней повторю заход. Может, что-нибудь прояснится.

— Спасибо тебе, сестренка. Ты прости, что я у тебя время отнимаю, — поблагодарил Саша.

4

Ведя белые «Жигули» по Ленинградскому шоссе из аэропорта Шереметьево в город, он думал, что бензина едва-едва хватит, чтобы доехать до дома. День выдался беспокойный, Игорь Ерохин мотался по всей Москве, но если он приезжал куда-то на одной машине, а уезжал на другой, то его преследователь машину не менял, и под конец дня проблема горючего встала весьма остро.

За весь период наблюдения, которое длилось около трех месяцев, человек, следящий за Ерохиным, побывал в Шереметьеве не меньше десятка раз. Игорь то сам улетал, то провожал кого-то, то встречал людей, везущих с собой многочисленные чемоданы и сумки. Наблюдение велось несистематически, от случая к случаю, когда у этого человека выпадало свободное время, поэтому детальной картины о перемещениях и образе жизни Ерохина у него пока не было, но такая картина и не была ему нужна. Человек в белых «Жигулях» точно знал, какие сведения хочет получить, и он терпеливо, используя для этого каждый свободный час, следил за Игорем, отмечая, где и когда тот бывает, что делает, с кем

встречается, какими маршрутами возвращается вечером домой. Человек этот был терпелив, он умел затаиться и ждать, непреодолимая потребность действовать была ему незнакома.

В последние дни преследователь заметил, что Игорь следит за какой-то молодой женщиной, причем делает это не один, а по очереди с двумя приятелями. Впрочем, приятелей могло быть и больше, ведь водитель «Жигулей» присматривал за Ерохиным не постоянно. Это показалось ему забавным. Наблюдение за наблюдающим. Он не испытывал интереса к этой женщине и не пытался выяснить, кто она и почему Игорь вместе с дружками за ней следит. У него была совсем другая задача.

Микроавтобус, в котором находился Игорь, въехал во двор и остановился у подъезда. Вместе с Ерохиным вышли еще трое мужчин и начали выгружать огромные чемоданы и безразмерные сумки. Человек в «Жигулях» во двор въезжать не стал, он видел эту процедуру не один раз и знал, что в сумках и чемоданах лежат привезенные челноками из Турции или Греции кожаные и меховые изделия, которые завтра появятся на рынке в Лужниках или в Конькове. Ничего интересного в этом не было.

Выгрузив товар и затащив его в дом, Игорь сел в микроавтобус и поехал в сторону своего дома, где пересел в собственный автомобиль «Ауди» и направился в центр, на Тверскую. Вышел из машины неподалеку от памятника Долгорукому, подошел к молодому человеку кавказского типа, обменялся с ним несколькими словами, после чего молодой кавказец ушел, а Ерохин вернулся к своей «Ауди», сел в нее, но никуда не поехал. Мужчина в «Жигулях» уже знал, что теперь объект его интереса будет ждать, когда появится та женщина, потом будет преследовать ее до тех пор, пока она не вернется поздно вечером домой. И в этом тоже не было ничего интересного. Где живет женщина, он уже узнал, наблюдая за Игорем на прошлой неделе, и маршрут, которым тот потом будет возвращаться к себе, мужчину не устраивал.

Поглядев на часы и на счетчик топлива, он решительно развернулся и поехал на заправку. На сегодня он наблюдение закончил.

Глава 3

1

Собираясь нанести второй визит в магазин «Орион», Настя примерно представляла себе, как и что будет делать, чтобы составить более четкое впечатление о Даше Сундиевой. Она провела необходимую проверку и выяснила, что ни на каких учетах девушках не состояла, ни в чем криминальном никогда замечена не была и биография у нее кристально чистая. Все, что Даша рассказывала о себе Александру Каменскому, подтвердилось.

И в то же самое время характер ее, как он виделся Насте, выглядел совершенно неправдоподобным. Откуда в конце XX века в измученной и истерзанной неурядицами России мог взяться такой странный характер, такое удивительное сочетание увлеченности профессией, бесспорного ума, проницательности, с одной стороны, и трогательной наивности, доброты, готовности оказать услугу — с другой. То ли Дарья выросла все-таки не здесь и получила другое воспитание, хотя документы утверждают, что она коренная москвичка. То ли она — прекрасная актриса, и тогда встает неприятный вопрос о том, а зачем,

собственно, нужен весь этот спектакль.

Но Насте не удалось использовать свои домашние заготовки для разговора с загадочной продавщицей. Даша встретила ее как родную, стала расспрашивать, какое впечатление произвел костюм на Настиных сотрудников, и выразила полную готовность продолжить работу над образом богатой некрасивой покупательницы, дабы превратить ее из Золушки в принцессу. Настя решила бросить пробный камень.

— У меня довольно обширный гардероб, мне привозят много вещей из-за границы, но они все какие-то разноплановые, да и носить их я не умею, — бросила она словно невзначай, застегивая «молнию» на предложенных Дашей облегающих брюках и надевая элегантный длинный пиджак.

— Если хотите, я могу приехать к вам домой и помочь разобраться с вашим гардеробом, — тотчас же откликнулась продавщица, подходя к примерочной с очередным костюмом в руках. — Может быть, нам удастся создать такой образ, к которому подойдет большинство ваших вещей. Жалко, если хорошие вещи валяются в шкафу только потому, что они вам не идут.

— Неужели вам не лень ехать на окраину

города ради какой-то случайной покупательницы? — удивилась Настя, стягивая брюки и беря протянутую Дашей юбку.

— Нет, что вы, мне очень интересно! — оживленно воскликнула та. — Это же моя профессия.

Такой оборот Насте не понравился. Должен же быть какой-то предел услужливости и доброжелательности! Или Дарья переигрывает, или она вообще не от мира сего. Может быть, ей очень хочется заполучить Настины документы, тогда готовность приехать к ней домой совершенно оправданна. Богатая дама с хорошим автомобилем и красивым молодым шофером — это заманчиво. Нужно взглянуть, как она живет, и, если обстановка в квартире соответствует требуемому стандарту, а сама хозяйка окажется представительницей финансово-коммерческого мира, можно копировать ее документы и использовать их по своему усмотрению. Нет, такой расклад Насте решительно не нравился. Она уже собралась было делать следующий шаг для прояснения ситуации, как вдруг заметила, что Даша изменилась в лице.

— Что с вами? — встревоженно спросила Настя. — Вам нехорошо?

Даша помотала головой, не сводя испуганных

глаз с окна. Настя проследила за ее взглядом и увидела парня в коричневой кожаной куртке. Парень стоял у киоска, торгующего горячими бутербродами, жевал гамбургер и запивал чем-то горячим из пластикового стаканчика, над которым вился легкий парок.

— Вы знаете этого парня? — спросила Настя.

Даша снова помотала головой, будто у нее язык прилип к гортани.

— Тогда чего вы так перепугались? На вас же лица нет, голубушка. Такое впечатление, что вы вот-вот грохнетесь в обморок.

— Я его боюсь, — едва слышно пробормотала Даша. Прелестный румянец, так украшавший ее личико, мгновенно растаял, кожа стала землисто-серой, а губы побледнели.

— Почему? Что в нем особенного?

— Он за мной следит.

«О Господи! — взмолилась Настя. — Не хватало мне еще мании преследования! Я-то ломаю себе голову над странностями ее характера, а она может оказаться просто сумасшедшей. Вот так номер!»

— С чего вы это взяли? — Настя тщательно разыгрывала вежливое недоумение.

— Я его уже раньше видела и здесь, возле мага-

зина, и возле дома, и возле университета, когда шла вечером с занятий.

— Может, вам показалось? Смотрите, как он одет: типовая куртка, типовые брюки, типовая стрижка, обыкновенное лицо. А теперь посмотрите на других прохожих. Видите, вон пошел мужчина в похожей куртке, а вон еще один, на нем вообще куртка точно такая же, да в них пол-Москвы ходит. С брюками то же самое, посмотрите повнимательнее и сами увидите. Я уверена, что вы просто приняли разных людей за одного и того же человека.

Даша отвернулась от окна и внимательно посмотрела на Настю.

— Вы принимаете меня за сумасшедшую? — тихо и внятно спросила она. — У этого мужчины над верхней губой с правой стороны родинка, а еще две — с левой стороны, на щеке у самого уха. На воротнике куртки приколот маленький значок, синий с красным. Нагрудный карман сверху немножко порван. Я видела этого человека несколько раз, поэтому хорошо разглядела его и запомнила.

— Ну и что? — Настя пыталась сохранить хладнокровие. — Почему вы решили, что он непременно следит за вами? Может, он просто ча-

сто здесь бывает, ждет, например, свою девушку, которая работает где-то рядом. Возле университета вы могли встретить его случайно, ничего невероятного в этом нет. А возле вашего дома вообще был не он, вы обознались от страха. Ну как? Я вас убедила?

— Нет. Я все равно его боюсь.

— И давно за вами следят?

— Недели две примерно.

Даша поежилась, отошла от окна и облокотилась на стойку кронштейна.

— Чем же вы так провинились?

— Понятия не имею. Если бы вы только знали, как мне страшно.

— Ну, если вам так безумно страшно, то почему бы вам не обратиться в милицию? — посоветовала Настя, все еще не принимая девушку всерьез.

— В милицию? — Даше удалось выдавить из себя жалкую улыбку. — Да вы что? Они же примут меня за сумасшедшую. Подумают, что у меня мания преследования.

«Она мысли умеет читать, что ли? — с недоумением сказала себе Настя. — Подумать не успеваю, а она уже вслух произносит. Что это за история со слежкой? Если она врет, то возможны два варианта: либо она этого парня знает и боится его по

совершенно определенной причине, но отнюдь не потому, что он за ней следит, либо она его не знает, но историю со слежкой все-таки выдумала, тогда нужно быстренько придумать, зачем ей это может быть нужно. А если она не врет? Час от часу не легче. Нужно что-то предпринимать, иначе я совсем запутаюсь и ничего в этой девочке не пойму».

— Вы напрасно плохо думаете о милиции, — спокойно отозвалась Настя, снимая с вешалки понравившиеся ей черные брюки с болотно-зеленым свободным пиджаком. — Сколько стоит этот костюм? Я его возьму.

Расплатившись, она вышла из магазина и пошла в сторону метро. Пройдя метров двести, внезапно развернулась и медленно двинулась обратно к «Ориону». Когда в поле зрения показался мужчина в кожаной куртке, она остановилась и огляделась. В двух шагах от нее стояли перпендикулярно друг другу цветочный и табачный киоски, один из них был развернут витриной на Тверскую, другой — на площадь, и между ними образовался уютный уголок. Купив в табачном киоске пачку сигарет, Настя хотела спрятаться в уголке и закурить. Если ее кто и увидит, то никому и в голову не придет, что она скрывается

от чьего-то взгляда или за кем-то следит. Просто стоит женщина в уголке и курит. Что тут такого?

Она стала рыться в сумке в поисках зажигалки, но пакет с новым костюмом мешал и стеснял движения, сумка то и дело выскальзывала из рук, и ей никак не удавалось нащупать зажигалку среди множества мелких предметов, бумаг и пакетов. Она беспомощно оглянулась и встретилась глазами с высоким мужчиной лет пятидесяти, который курил, прислонясь к цветочному киоску, и с насмешливой улыбкой наблюдал за ней. Мужчина тут же вынул из кармана зажигалку и поднес ей огонь.

— Спасибо, — пробормотала Настя, пытаясь справиться одновременно с не желавшей закрываться «молнией» на сумке и с выпадавшим из рук пакетом.

В десять минут девятого из магазина вышла Даша Сундиева вместе с продавщицей из секции сувениров. Они пошли к троллейбусной остановке, а мужчина в кожаной куртке неторопливо сел в стоящую неподалеку «Ауди» и медленно поехал вдоль тротуара. Насте было видно, как девушки сели в троллейбус, а «Ауди» пристроилась ему в хвост.

И все это майору милиции Каменской совсем

не понравилось.

2

Он спрятал зажигалку в карман и снова облокотился о киоск. Опять Ерохин пасет эту блондиночку из магазина. Значит, сегодня вечером вряд ли подвернется удобный случай. Игорь потащится за ней до места встречи с ее кавалером, будет таскаться за ними по пятам, пока они будут искать, где бы поужинать, потом кавалер повезет блондиночку домой, а от ее дома Игорь поедет, как обычно, к себе. Ничего интересного на этом пути случиться не может.

Глядя на Ерохина, жующего уже третий за последний час гамбургер, мужчина с привычным недоумением думал о том, что этот молодой, еще так мало проживший двадцатитрехлетний парень уже успел отнять жизнь у двух человек, а жизни троих других людей полностью искалечить. А ведь со стороны он выглядит совершенно обыкновенным, ничем не примечательным, в меру симпатичным парнем. Интересно, сам-то Игорь хотя бы понимает, сколько зла он сделал за свою короткую жизнь? Нет, наверное, он над этим даже не задумывается.

Мужчина бросил взгляд на молодую женщину

в джинсах и синей ветровке, которой он помог прикурить. Женщина стояла неподвижно в уголке между двумя киосками, видно, кого-то ждала. На лице у нее было написано безграничное терпение и готовность стоять здесь столько, сколько понадобится, без малейшего недовольства или раздражения. Он усмехнулся. Конечно, такая некрасивая, невзрачная мышка не посмеет взбунтоваться, будет смиренно ждать своего хахаля хоть до завтрашнего утра и не скажет ему ни слова упрека за опоздание. Судя по ее позе и выражению лица, она привыкла ждать. Ну что ж, пусть ждет.

Мужчина повернулся всем корпусом и пошел к своим белым «Жигулям». Рано или поздно Игорь перестанет тратить все свободное время на блондиночку-продавщицу, тогда он снова начнет по вечерам навещать свою подругу, которая живет в очень удобном месте. Недалеко от ее дома находится заброшенный пустырь. Ерохин трясется над своей «Ауди» и никогда не оставляет ее на ночь без присмотра, всюду находит платные стоянки, платит сторожам бешеные бабки, чтобы позволили поставить машину до утра. Там, где живет подружка Ерохина, платная стоянка находится далековато, чтобы сократить путь,

надо идти через тот самый пустырь. А пустырь нехороший… Вот и нужно будет поймать момент, когда Игорь раненько поутру побежит к своей ненаглядной «Ауди» через нехороший пустырь. Утро — время самое подходящее с точки зрения безопасности. Люди сонные, соображают плохо. А кто успел проснуться и начать соображать, тот торопится, опаздывает. Это одинаково применимо и к свидетелям, и к милиции.

Водитель белых «Жигулей» хотел убить Игоря Ерохина.

3

Виктор Алексеевич Гордеев по прозвищу Колобок заканчивал утреннюю оперативку.

— Если ко мне нет больше вопросов, все могут быть свободны. Анастасия, останься.

Сотрудники торопливо потянулись из кабинета начальника, чтобы разбежаться по своим не терпящим отлагательства делам. Настя осталась сидеть в дальнем углу.

— Чего прячешься? — пробурчал Колобок. — Садись ближе.

— Зачем? — улыбнулась она. — Бить будете?

— Горло у меня болит, — пожаловался Гордеев, — громко разговаривать не могу. Оперативку еле-еле протянул, как будто наждаку в глотку напихали. Ангина у меня, что ли?

— Похоже, — согласилась Настя. — Полощите горло раствором йода с солью, он хорошо дезинфицирует, особенно если там гнойнички.

— А эти… как их… Ну, которые по телевизору рекламируют? Может, их попробовать?

— Вы имеете в виду «Колдрекс» и «Панадол»?

— Вот-вот.

— Не знаю, тут я вам не советчик. Я вообще-то

боюсь новых лекарств, но это потому, что у меня аллергия.

— Ладно, обойдусь народными средствами, — вздохнул Колобок.

Похоже, он и вправду заболевал. Обширная лысина его была покрыта капельками пота, несмотря на прохладный октябрьский день, нос покраснел, глаза слезились, голос сел и с каждым словом становился все более сиплым.

— Что с аналитической справкой? — спросил он. — Когда будет готова?

— Да она практически готова, теперь мне нужен ваш совет. Нет, два совета, — поправила сама себя Настя.

— Валяй, — махнул рукой Виктор Алексеевич. — Когда я болею, у меня сопротивляемость падает, и с меня можно даже два совета бесплатно содрать. Пользуйся.

— Я обнаружила несколько групп убийств, можно даже назвать их сериями, которые расследовались поодиночке, и вопрос об объединении дел даже не ставился. Я уверена процентов на девяносто пять, что это все-таки серии, каждая из которых объединена либо своим исполнителем, либо каким-то другим признаком. Я могу просто указать на это в справке, а могу дать развернутый

анализ с объяснениями, но тогда начнут мелькать фамилии тех, кто это просмотрел, упустил, кто схалтурил. Есть третий вариант: я в справке для Штаба только упоминаю об этом, а отдельно делаю подробный анализ по этим сериям. Короче, как вы скажете, так и будет.

— Как скажу, как скажу, — брюзгливо проворчал полковник Гордеев, обматывая горло серым форменным шарфом. — Никак я не скажу. Я болею. Твоя справка, как напишешь, так и хорошо.

— Ну Виктор Алексеевич, — взмолилась Настя, — может, не стоит ребят подставлять? Давайте я напишу без фамилий. В конце концов, справка-то нужна не для того, чтобы делать оргвыводы, а для того, чтобы учитывать ошибки и типичные промахи. Разве нет?

— Ну, правильно, — кивнул Колобок, переходя на хриплый шепот. — Раз ты сама все знаешь, чего ж спрашиваешь?

— На всякий случай, вы же начальник.

— Плохо, Анастасия. Ты уже большая девочка, кончай прятаться за мою спину, учись сама принимать решения. Не сегодня-завтра уйду на пенсию, что будешь делать без меня?

— Без вас я пропаду, — твердо ответила она.

— Чушь, — поморщился полковник. — Давай

быстрее становись на ноги, набирайся смелости, чтобы я мог со спокойной совестью отойти от дел. Один совет я тебе, считай, дал. Чего ты еще хотела?

— Ну, в свете того, что вы мне только что сказали, выходит, что ваш второй совет мне не нужен. Поэтому я не советуюсь и не спрашиваю разрешения, а просто ставлю вас в известность.

— О чем?

— О том, что мне необходимо провести оперативную проверку некоторых обстоятельств, и я собираюсь использовать для этого собственные возможности.

— Какие это, интересно, у тебя возможности? — от удивления у Колобка на мгновение прорезался голос. — Ты десять лет сидишь на аналитике, у тебя нет ни одного агента, ни платного, ни какого-либо другого. Насколько я знаю, других источников информации у тебя тоже нет. Ты что это задумала, а? Ну-ка быстро признавайся.

— Не признаюсь ни за что, — засмеялась Настя. — Вы же сами велели набираться смелости и принимать решения самостоятельно.

— Смелость заключается не в том, чтобы перечить начальству и утаивать от него информацию.

— И в этом тоже, — упрямо возразила Настя. — Но я утаивать не буду. Я хочу попросить помощи у Денисова.

— У кого?! — поперхнулся полковник.

— У Эдуарда Петровича Денисова, — невозмутимо повторила Настя. — Во-первых, вы совершенно правы в том, что собственных источников информации у меня нет. Во-вторых, Эдуард Петрович остался мне должен, так что я могу прибегнуть к его помощи без зазрения совести. И я очень вас прошу, Виктор Алексеевич, не запрещайте мне делать то, что я задумала, потому что я все равно буду это делать, только буду вынуждена вам врать, а мне этого не хочется.

— Зачем тебе это? — тоскливо просипел Гордеев, держась руками за горло. — Что ты хочешь выяснить?

— Пока не скажу. И не давите на меня, Виктор Алексеевич, я инструкции знаю.

— Ладно, делай как решила, — неожиданно миролюбиво отозвался Колобок. — Ты у меня девочка умненькая, ничего катастрофически глупого не сделаешь. Только поосторожней с Денисовым, этот старый зубр тебя одним зубом перекусит и не заметит.

4

Эдуард Петрович Денисов был полновластным хозяином старинного Города с полумиллионным населением. Год назад он обнаружил, что на территории его владений какая-то криминальная банда затеяла незаконную охоту. Эдуард Петрович потратил немало сил и средств, чтобы создать в своем Городе единую и монолитную мафию, тщательно оберегал свое хозяйство от конкурентов, и нахальное поведение чужаков его до глубины души возмутило. А тут возьми и случись убийство в городском санатории, да еще явно связанное с этой бандой. Купленная Денисовым милиция ничего толком сделать не сумела. И тогда ему пришла в голову идея использовать для раскрытия убийства некую Каменскую, которая как раз в это самое время отдыхала в санатории, лечила свою больную спину и даже была знакома с убитым.

Для самой Насти ситуация оказалась далеко не простой. Она мучительно пыталась понять, может ли пойти на сотрудничество с мафией, если речь идет о разоблачении группы опасных убийц и предотвращении новых кровавых

преступлений. Кроме того, она ужасно боялась Денисова и возглавляемой им криминальной структуры, потому что никого в Городе не знала и прекрасно отдавала себе отчет в том, что в случае осложнений или неприятностей бежать за помощью и защитой ей будет не к кому: при наличии единой и монолитной мафии родная милиция ей не подмога, она вся на корню закуплена.

В конце концов ей удалось победить страх и найти моральное оправдание своим действиям. Убийц она вычислила, а с Денисовым у нее сложились отношения теплые и почти дружеские. За свою работу она не взяла с Эдуарда Петровича ничего, кроме билета на поезд в Москву, и при прощании он сказал ей:

— Мне уже за шестьдесят, Анастасия, не ровен час — умру. Умирать должником мне бы не хотелось. Поймите меня правильно. Дайте слово, что позвоните мне, если в вашей жизни возникнут хотя бы малейшие трудности. Вы успели неплохо меня узнать и понимаете, что нет такого, чего я не смог бы сделать. А для вас я сделаю даже то, что в принципе невозможно.

Миновал год, и сейчас содействие Денисова было как нельзя кстати. Больше никто Насте помочь не мог.

Она набрала десятизначный телефонный номер. А вдруг Денисов забыл и ее саму, и свои обещания? А вдруг он умер? Или его посадили? Умом она понимала, что посадить Эдуарда Петровича невозможно — не за что, да и некому. Идеологическое руководство — это еще не повод для следствия и суда, не говоря уже о том, что в Городе просто нет следователей и судей, которым было бы под силу свалить эдакую махину. Когда в трубке послышался знакомый голос, Настя с облегчением перевела дыхание.

— Здравствуйте, Эдуард Петрович, — осторожно начала она, приготовившись деликатно напомнить ему о себе и о данных им год назад обещаниях.

— Анастасия, — тут же радостно отозвался он. — Боже мой, деточка, если бы вы знали, как я рад вас слышать!

— А я рада, что вы меня не забыли, — ответила Настя.

— Да вы с ума сошли! — искренне возмутился Денисов. — Меня можно упрекать в чем угодно, только не в неблагодарности и забывчивости. И потом, Анастасия, вас не так просто забыть.

— Вы грубо льстите мне, Эдуард Петрович, — засмеялась она.

— Ни в малейшей степени. Вы просто не цените себя. Вы еще очень молоды и поэтому обращаете внимание на всякие глупости вроде красивой внешности. А я уже стар и умею ценить людей по-настоящему. Так что я могу для вас сделать?

— Эдуард Петрович, мне нужны люди здесь, в Москве.

— Для чего?

— Это имеет значение?

— Конечно. Я имею в виду характер выполняемой работы. Вам нужны специалисты в какой области?

— Наружное наблюдение.

— Понял. Сколько человек?

— А сколько можно просить?

— Анастасия, не выводите меня из себя, — засмеялся Денисов. — Я дам столько людей, сколько нужно. Тридцать? Пятьдесят? Сто?

— Что вы, человек пять-шесть.

— Не скромничайте, деточка. Десяти человек хватит?

— Более чем.

— Техника нужна?

— Непременно. Чтобы все как в лучших домах Парижа и Вены.

— Сроки?

— Чем скорее, тем лучше. Завтра можно?

— Не задавайте мне вопросов, милая моя. Выставляйте свои требования, а уж как я буду их выполнять — это моя забота. В котором часу вы завтра проснетесь?

— Завтра суббота, значит, попозже, часов в девять.

— В девять тридцать вам позвонят. Номер телефона у вас не изменился?

— Нет, номер тот же.

— Завтра начиная с девяти тридцати десять человек с техникой будут в вашем распоряжении.

— Эдуард Петрович, я вас обожаю! — от души поблагодарила Настя.

— И я вас, деточка, — улыбнулся в трубку Денисов. — Не считайте, что я вернул вам долг. То, что вы попросили, — это такая малость, что о ней даже говорить стыдно. Все наши договоренности остаются в силе. Удачи вам.

Положив трубку, Настя удовлетворенно улыбнулась. Завтра она начнет разбираться с этой Дашей Сундиевой. Может, там на самом деле ничего и нет… Но ведь кражи и грабежи были. И парень в коричневой куртке с сине-красным значком и порванным карманом был. В конце концов, ей просто интересно попробовать ре-

шить еще одну задачку, а если ее попытаются упрекнуть в том, что она удовлетворяет собственное любопытство за чужой счет, она сможет ответить с чистой совестью, что государству ее интеллектуальные забавы не стоят ни копейки. За все платит Денисов. А стало быть, это уже ее, Анастасии Каменской, частное дело, в котором она никому отчитываться не должна.

5

Мужчина запер свои белые «Жигули» и быстрым упругим шагом вошел в красивое здание на Юго-Западе Москвы. Пройдя мимо постового, он легко взбежал по лестнице на пятый этаж, где находился его кабинет. Запершись изнутри, он переоделся в форму, аккуратно повесив штатское платье в шкаф. Отпер дверь, открыл форточку, достал из сейфа папки и принялся за работу.

В кабинет заглянул майор из отдела по работе с личным составом.

— Товарищ генерал, в пятнадцать тридцать служебная подготовка.

— Хорошо, — ответил тот, не отрываясь от бумаг.

На служебную подготовку он, конечно, не пойдет. У него масса дел, которые накопились за последние недели и которые нужно наконец закончить, чтобы потом снова тратить все свободное время на Ерохина.

Почему так получилось, что он, генерал Владимир Вакар, гоняется за двадцатитрехлетним мальчишкой, к которому не чувствует ни ненависти, ни злобы, вообще ничего? Как он позволил

загнать себя в эту ловушку? Он, боевой генерал, участник множества войсковых операций, командовавший воздушно-десантной дивизией, всегда четко понимал, что такое долг и обязанности. Может быть, именно это его и погубило?

Он родился в последний военный год, через два месяца после того, как погиб на фронте его отец. Мать умерла, когда Володе было четыре года, и его взял к себе двоюродный дед, дядя отца. Старик Вакар был дворянских кровей и военную службу считал достойной и почетной, а поскольку растить мальчика на нищенскую пенсию, которую Володя получал за отца, ему было трудно, отдал его в суворовское училище.

Детство и юность Володи Вакара прошли в казарме. Что такое жизнь в семье, он узнавал только из книг, которые брал у деда и запоем читал. Тургеневские девушки, чеховские семейные чаепития с самоварами, патриархи, восседающие во главе стола в окружении детей и внуков, — все это сформировало его представление о семейной жизни. Дородная улыбчивая жена, не меньше троих детей, запах пирогов, безусловная преданность мужу и готовность следовать за ним, кочуя по гарнизонам, — вот идеал, к которому он должен стремиться. И он стремился.

Будущую жену Владимир приглядел на новогоднем балу, когда в гости к курсантам военного училища пришли студентки педагогического института. Елена была статной и носила толстую длинную косу, чем выгодно отличалась от своих сокурсниц, которые в середине шестидесятых помешались на «бабетте», начесах и стрижках с челками. Рослый широкоплечий Вакар с мужественным подбородком, белозубой улыбкой и серьезными глазами сумел без труда завоевать свою избранницу.

Через год после свадьбы Елена сделала аборт. Вакар почернел от горя, он вообще не понимал, как можно не хотеть детей. Детей должно быть много, считал он, чем больше — тем лучше. Он умолял жену дать ему слово, что в следующий раз она так не поступит. Он старался быть примерным мужем и угождал Елене во всем, только бы она родила первого ребенка. И он вымолил, выпросил у нее первенца, девочку, Лизоньку. Елена, словно сделав ему огромное одолжение, упорхнула на работу, едва перестав кормить малышку грудью. Лизу отдали в ясли.

Она росла настоящей папиной дочкой, она и внешностью пошла в Вакара, и характером — высокая, спортивная, длинноногая, улыбчивая и

покладистая. Владимир приучал ее к физическим нагрузкам, водил на плаванье и фехтование, учил читать и считать, сам отвел в первый класс с голубым портфельчиком и огромным букетом гладиолусов. Лиза тянулась к нему больше, чем к матери, которая в основном была занята собой.

Сын Андрей родился только через пять лет после Лизы. Вакар подозревал, что главную роль здесь сыграла тяжелая скарлатина, которую Лиза перенесла в четырехлетнем возрасте. В какой-то момент Елена по-настоящему испугалась, что Лиза умрет. Страшная мысль о возможной потере ребенка в один миг перевернула всю ее душу. Если еще вчера она воспринимала Лизу как существо, из-за которого она не может вечером пойти с мужем в театр, то уже сегодня, пылко отдаваясь Владимиру, она шептала:

— Ничего не бойся, я хочу, чтобы у нас был еще ребенок.

Андрей не был, в отличие от Лизы, папиным ребенком. Но, что еще хуже, он не был и маминым. Он был совершенно особенным, независимым, погруженным в себя и абсолютно не нуждался ни в родителях, ни в сестре, ни в ком бы то ни было. О том, что их ребенок — вундеркинд, Вакары узнали, когда Андрею исполнилось три года, а Ли-

зе — восемь. Мальчик оказался сверходаренным художником и поэтом. С этого момента в семье все переменилось.

Елена стала относиться к сыну как к божеству. Она ничего не понимала ни в его картинах, ни в стихах, но твердо знала одно: ее сын — гений, и она это чудо произвела на свет. Ее долг — преданно служить этому чуду, терпеть его странности и жестокие выходки, ибо это странности и выходки гения, который имеет на них право.

Мальчика и его творения показывали специалистам — художникам и литераторам, и все в один голос твердили, что Андрей Вакар — вундеркинд, талант, необыкновенное создание. Елена боялась, что в один момент все рухнет, окажется неправдой, сном, случайностью, поэтому долго оберегала сына от известности, умоляя тех самых художников и литераторов не предавать огласке факт существования Андрея. Она не стремилась к славе, она чувствовала себя Богородицей, и этого ей было достаточно. Мальчик продолжал ходить в обыкновенный детский сад и, когда пришло время, отправился учиться в обыкновенную школу, куда периодически вызывали его родителей и просили воздействовать на сына, который то грубил учителям, то жестоко дрался на перемен-

ках, то дерзил и демонстративно отказывался заниматься на уроках. В один прекрасный день Елена не выдержала.

— Нельзя больше мучить ребенка, — сказала она. — В школе к нему относятся как к обыкновенному мальчику, а он — вундеркинд, он требует к себе особого отношения, бережного, внимательного. Нельзя заставлять его ходить на физкультуру, если он хочет в это время рисовать. Искусство — его призвание, а он вынужден тратить время на всякую ерунду. В конце концов, учителя должны считаться с тем, что он — не обычный ребенок. В противном случае они его загубят.

Факт необычайной одаренности Андрея Вакара был предан огласке, когда ему было уже восемь лет, когда вся квартира была увешана его картинами, а написанные им стихи и поэмы занимали несколько толстых тетрадей. И в семью пришла Слава.

Прошло еще три года, и однажды Владимир Вакар стоял у окна, смотрел на проливной дождь и ждал, когда из-под арки покажутся две фигурки: сына и дочери. Лиза отвела брата на занятия в художественную школу и должна была привести его обратно. Вакар увидел Лизу, которая почему-

то несла мальчика на руках. Владимир в первый момент даже не понял, в чем дело, только заметил, что струи дождя, стекая с голубой курточки Андрея, становились розовыми. Лиза шла очень медленно. Дойдя до середины двора, она подняла глаза, увидела в освещенном окне отца и рухнула на землю.

Через два дня усталая толстая женщина-следователь сказала Вакару:

— Что мы можем с ними сделать? Ни одному из них нет четырнадцати лет, уголовной ответственности они не подлежат. Разумеется, мы направим их в специнтернат, но больше ничего мы сделать не можем.

— А как же мой сын? — растерянно спросил Владимир. — Он же умер. Кто-нибудь должен за это ответить?

Следователь пожала пухлыми плечами.

— А как же закон? Он считает, что ребенок, которому нет четырнадцати лет, за свои действия не отвечает и его нельзя наказывать.

— Но мой мальчик… — раздавленно повторил Вакар. — Моя дочь сошла с ума от пережитого ужаса, она лежит в больнице и может не оправиться от шока. За это тоже никто не отвечает?

— Я вам искренне сочувствую, — тихо сказала

следователь. — Но поверьте мне, закон не поддерживает идею возмездия.

— Значит, это плохой закон, — твердо сказал Вакар и ушел.

На следующий день Елена сказала ему недоумевающим тоном:

— Чего ты, собственно, ждешь? Разве ты не собираешься отомстить за нашего сына?

— Я не могу мстить детям, — возразил Владимир, пораженный словами жены.

— Они убили нашего мальчика, — упрямо повторила она.

— Елена, как бы там ни было, они — дети, и я больше не хочу говорить на эту тему, — отрезал Вакар.

— Хорошо, — неожиданно согласилась Елена. — Я подожду, пока они вырастут. Но ты все равно должен это сделать, иначе Андрюшина душа никогда не успокоится и тебе никогда не будет прощения.

С тех пор прошло девять лет. Из четырех малолетних убийц в живых остался только Игорь Ерохин. Генерал-майор Вакар знал, что его долг — защитить семью, дать покой жене и дочери. Пусть они тысячу раз не правы, но они — его семья, и он выполняет свой долг мужчины, мужа

и отца. Сейчас, когда ему вот-вот стукнет пятьдесят, он с горечью начинал сознавать, что всю жизнь неправильно понимал два самых главных слова: «долг» и «семья». Но уже поздно, он уже в ловушке, за его спиной — три трупа. И скоро будет четвертый.

Глава 4

1

— Вы можете называть меня просто Бокр.

Настя с изумлением разглядывала человечка, возглавлявшего присланную Денисовым группу. Про таких обычно говорят: метр с кепкой. Правда, вместо кепки на нем была шерстяная лыжная шапочка, надвинутая низко на лоб и обтягивающая запавшие виски и выступающие скулы. Маленькие глазки, спрятанные глубоко под кустистыми бровями, кривой перебитый нос с подергивающимся кончиком, узкая ленточка бескровных губ и мощный раздвоенный подбородок — все это делало его похожим на ящерицу, экзотическую и опасную. Он был худ, но отнюдь не немощен и состоял, казалось, из стальных тросов-жил. Кроме того, он был невероятно подвижен, ни секунды не стоял спокойно на месте, но это не выглядело нервозной суетливостью. Из него ключом била энергия.

Как и обещал Эдуард Петрович Денисов, ровно в 9.30 утра раздался телефонный звонок, а уже через полчаса в Настиной квартире стоял этот чудной типчик в серой шапочке с голубой полоской и высоким тенорком произносил:

— Вы можете называть меня просто Бокр.

«Странная кличка, — быстро подумала Настя. — «Бокр» по-венгерски означает «колодец». Почему именно «Бокр»?»

Смутное воспоминание шевельнулось в мозгу, что-то связанное с детством, с изучением иностранных языков. Но заостряться на мысли и додумывать ее до конца времени не было.

Человечек по кличке Бокр старательно расшнуровал высокие ботинки на толстой подошве, без которых он стал еще ниже ростом. Снять пальто он и не подумал.

— Куда можно пройти? — деловито осведомился он, отказавшись от предложенных хозяйкой тапочек. Настя с трудом удержалась от улыбки, глядя на него, такого нелепого в своей шапочке, длинном сером пальто и трогательных голубых носочках.

Она решила проявить гостеприимство.

— Вы уже завтракали? Выпьете со мной кофе?

От кофе Бокр отказался так же вежливо и твердо, как и от тапочек.

— Ладно, тогда перейдем к делу.

Она достала сделанную «Полароидом» фотографию Даши Сундиевой и Александра. Они стояли обнявшись возле станции метро «Площадь Рево-

люции». Эту фотографию Саша сделал по просьбе сестры.

— Вот эта девушка полагает, что за ней следят. Я склонна этому верить, но полной ясности у меня нет. Я хочу, чтобы ваши люди посмотрели, что она собой представляет. Кроме того, если за ней действительно следят, выясните, кто это у нас такой любознательный. И наконец, мне нужно знать, следят ли только за девушкой или за ее кавалером тоже. Их имена, адреса и места работы записаны на обороте фотографии. Через три дня должны быть первые результаты.

— Будут, — невозмутимо кивнул Бокр, не сводя с Насти внимательного цепкого взгляда. — Что еще?

— Пока больше ничего. Дальше будем действовать в зависимости от первых результатов.

— Вторая итерация, — понимающе кивнул человечек.

«Ого! Денисов мне подсунул урку-интеллектуала. Это что же, дань уважения, насмешка или у него все прислужники с высшим образованием? Любопытный тип. Бокр, Бокр… О чем же мне это напоминает? Спросить, что ли? Почему бы и нет, в конце концов. Корона не свалится, если спрошу».

— Скажите, откуда у вас такое странное прозвище?

Бокр, до этого неторопливо расхаживавший по комнате, остановился и принялся покачиваться, перекатываясь с пятки на носок.

— Когда-то мне попала в руки книга Успенского… — начал он, и Настя тут же вспомнила.

— Ну конечно, «Слово о словах». Знаменитая «глокая куздра». Как я сразу-то не сообразила!

Человечек глянул на нее с нескрываемым уважением:

— Впервые встречаю человека, который знает про «куздру». Примите мои поздравления. Я отрыл эту книжку в библиотеке, когда мотал срок за грабеж. Представьте себе, фраза меня просто покорила, околдовала, заворожила. «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка», — вдохновенно продекламировал он нараспев. — Это же песня! Поэма! Романс русской морфологии!

Он мгновенно воодушевился, и его шишковатое лицо вдруг стало почти привлекательным.

— Эта фраза помогла мне выжить в зоне. Я полез в учебники русского языка, чтобы вспомнить, что такое морфология. Это оказалось весьма полезным, если учесть, что в юные годы я относился

к школьному образованию с непростительной небрежностью. А кроме того, я занял голову придумыванием новых слов и даже сочинял, лежа на нарах, целые рассказы. У меня был любимый герой, вернее, героиня, я назвал ее «гурильная шаболда» и придумывал про нее всякие истории. Все слова, разумеется, были искусственные, но со строгим соблюдением правил морфологии русского языка. Игра настолько увлекла меня, что я смог продержаться до конца срока, не утратив способности нормально соображать. В колонии из-за моего увлечения мне дали кликуху Куздра, но на воле я ее поменял на Бокра, хотя Куздра, конечно, смешнее.

И он зашелся высоким заливистым смехом, всхлипывая и постанывая, как впавший в истерику разгневанный попугай. Кончик носа его при этом задергался еще сильнее, а глазки куда-то закатились, и Насте даже на какое-то мгновение показалось, что они уже никогда не выкатятся обратно. Вид у Бокра при этом был даже не смешной, а абсолютно дебильный.

Смех прекратился так же внезапно, как и начался.

— Должен вам сказать, Анастасия Павловна, что не менее интересно использовать уже из-

вестные слова в новом контексте. Вот, например, слово «примочка». Знаете такое слово?

— Это которая свинцовая, от геморроя? — уточнила Настя.

— В том числе и от него. Я использую это слово для обозначения явной глупости, которая засела у кого-нибудь в голове. Вы послушайте, как звучит: «У него теперь новая примочка — он хочет жениться». А? Каково? Песня! — восторженно добавил он. — Поэма!

Теперь расхохоталась Настя. Мать в детстве приучала ее к иностранным языкам, Настя умела чувствовать слово, и лингвистические изыскания Бокра были ей понятны и близки. Урка-лингвист. С ума можно сойти!

Проводив гостя, она какое-то время бесцельно слонялась по квартире. Леша еще вчера уехал домой, в подмосковный Жуковский, на сегодня у него назначена встреча с аспирантом. Аналитическая справка по нераскрытым убийствам за пять лет готова, но впереди еще вся суббота и воскресенье, и можно попользоваться Лешкиным компьютером, пока он его не увез.

Каждый месяц Настя готовила для Гордеева аналитические материалы по убийствам и изнасилованиям в Москве, как раскрытым, так и

нераскрытым. Пока есть возможность, нужно собрать эти многочисленные многостраничные справки в единый файл, с которым потом можно будет работать. Она подключила сканер и принялась «сбрасывать» в компьютер результаты десятилетней кропотливой работы.

2

Стоя в подъезде напротив дома, где жил Дмитрий Сотников, Лиза нетерпеливо посмотрела на часы. Ну где же он? Занятия в художественной школе закончились два часа назад, а Дима все не идет домой. Сегодня не четверг, но она все-таки стоит здесь и ждет, хотя понимает, что скорее всего он придет значительно позже. Или придет не один. Или не придет совсем. Но она все равно стоит и ждет.

Она вынула из сумки пластмассовую коробочку, достала две таблетки и сунула в рот. Спрятав коробочку, вынула плоскую бутылку, отвинтила пробку и сделала большой глоток. Спиртное уже не обжигало горло, она почти не чувствовала его вкуса. Через несколько минут придет «кайф», без которого она не может обходиться.

Лиза уже давно перестала довольствоваться теми лекарствами, которые в изобилии прописывали ей врачи. Сначала она просто увеличивала количество принимаемых таблеток, обращаясь к разным врачам и от каждого систематически получая рецепты на психотропные препараты. Потом где-то услышала, что хороший эффект

дает сочетание таблеток со спиртным. Эффект оказался и в самом деле хорошим, правда, врачи с этим вряд ли согласились бы. Очень скоро она превратилась в вялую и безвольную наркоманку, одержимую идеей отмщения за разрушенное счастье и не интересующуюся больше ничем. «Я могу бросить пить таблетки в любой момент, — говорила она себе, — и я это сделаю, когда все закончится, когда всех четверых не будет на свете. Троих уже нет. Вот скоро не станет четвертого, и я брошу». Она обманывала себя и свято верила в свой собственный обман.

Она уже давно не любила Диму Сотникова, ее страстная, острая влюбленность сначала притупилась, а потом умерла, разъеденная ржавчиной сильных успокоительных лекарств. Но Димка был частью *той* жизни, и перестать приходить к нему она не могла. Не могла, и все. Лиза понимала, что не нужно приходить, но все равно приходила каждый четверг, скучно отдавалась ему, нетерпеливо ожидая минуты, когда можно будет поговорить об Андрюше, вспомнить его слова, поступки, его стихи. Отец разговоров о сыне не поддерживал, месть убийцам давалась ему слишком тяжело. Мать стала совершенно сумасшедшей и говорила только об Андрю-

шенькиной душе, которая витает над ними и не находит себе покоя, пока «эти изверги» ходят по земле. И только Дмитрий разговаривал с Лизой о брате так, как хотела она сама, бережно относясь к ее воспоминаниям.

На душе у Лизы лежала огромная тяжесть. Этой тяжестью было сознание того, что не брата она оплакивала все девять лет, а ту прекрасную яркую жизнь, которая не состоялась из-за того, что Андрея не стало.

…Ей было четырнадцать, когда в одно прекрасное утро, идя в школу, она услышала за спиной:

— Смотри, смотри, это же сестра Вакара!

— Того самого?

— Ну да, вундеркинда.

Она обернулась и увидела двух старшеклассниц. Модно одетые, броские красавицы глядели на Лизу с нескрываемым интересом. И еще — с завистью. Подумать только, эти девицы завидовали ей! Ей, Лизе Вакар! Незаметной, ничем не выдающейся, средненькой восьмикласснице. У нее всего-то успехов, что отличные отметки по физкультуре, а по остальным предметам она перебивалась с троечек на четверки с минусом.

Впервые лучик Андрюшиной славы коснулся ее, и девочка почувствовала его завораживаю-

щее, но коварное тепло.

Вскоре она стала замечать и заинтересованные перешептывания одноклассников, и меняющееся к лучшему отношение к ней учителей. Быть сестрой Андрея Вакара оказалось очень приятным. Провожая брата в художественную школу, где все его знали, Лиза с упоением ловила на себе взгляды симпатичных юношей с этюдниками, а также разодетых в меха и кожу мамаш, поджидавших своих чад в сверкающих автомобилях. Она ходила, гордо подняв голову и крепко держа за руку братишку, всем своим видом говоря: «Пусть у вас есть все, чего нет у меня, но и у меня все это со временем будет. А вот такого гениального Андрюши у вас не будет никогда».

Она ни секунды не сомневалась, что Андрей станет знаменитым на весь мир, и она будет вместе с ним ездить на его выставки за границу, и будет слава, почет, а значит — достаток. Деньги. Автомобили. Меха и бриллианты. И мужчины, которые будут ею интересоваться. Может быть, она даже выйдет замуж и будет жить за границей в собственном доме с бассейном и прислугой.

И все начало сбываться… Семью Вакаров пригласили на прием в бельгийское посольство, когда Андрюшины работы отобрали для готовя-

щейся в Брюсселе выставки картин одаренных детей, и сам атташе по культуре поздравил ее с братом-вундеркиндом и поцеловал ей руку, а какой-то англичанин, обратившись к ней, назвал Лизу «миледи». На вечере в Доме литераторов, где брат читал свои стихи, к ним подходили самые лучшие, самые известные поэты и писатели, и один из них, тот самый, по которому сходили с ума ее одноклассницы, сказал Лизе: «Одно из достоинств вашего брата в том, что у него такая очаровательная сестра. Будь я помоложе, я бы знал, кому сделать предложение».

Журнал «Огонек» посвятил мальчику целый разворот и цветную вклейку, поместив не только репродукции его картин, но и фотографию семьи. Лиза получилась на снимке очень хорошо: задумчивая, с нежным ртом и выразительными глазами.

Она старалась постоянно быть рядом с Андреем. Чтобы он почувствовал ее незаменимость и привык всегда быть с ней. Чтобы окружающие уже не мыслили себе Андрея Вакара отдельно от его сестры. Чтобы греться в лучах его славы. И неожиданно для самой себя Лиза открыла в брате личность нестандартную, непонятную, но притягательную. И потом, он был ребенком.

Ее братиком. Его кожа нежно пахла детством, у него немножко искривленный передний зубик и аллергия на апельсины, он любит спать без подушки и терпеть не может зубную пасту с мятным привкусом, ему нравится распускать длинные Лизины волосы и зарываться в них лицом, и он приходит в бешенство, если в его комнате кто-нибудь сдвинет с места хоть один предмет. Лиза в четырнадцать лет впервые узнала, что такое нежность и умиление.

Отныне она посвятила брату всю себя. В нем — ее будущее. В нем — ее счастье, благополучная, устроенная жизнь, которую никогда не смогут обеспечить ей скучная недалекая мать и примитивный служака-отец. Мальчик — та ракета, уцепившись за которую она вырвется в огромный блистающий мир.

И еще был Дмитрий, Андрюшин учитель в художественной школе, ее первая любовь, которая тогда казалась единственной и последней.

И было приглашение в Париж на выставку, персональную выставку Андрея Вакара. Боже мой, как она мечтала об этой поездке!

И был болезненно-душный летний день, к вечеру разрыдавшийся проливным дождем. Она вела брата домой после занятий живописью. Они

шли под одним зонтом, тесно прижавшись друг к другу, и им было так хорошо вместе. Она так и не поняла, откуда взялись эти мальчишки.

Один из них сильно толкнул ее, и она упала, выронив зонтик. Тут же подскочил второй и ударил несколько раз ногой в живот. На какое-то мгновение у нее потемнело в глазах от боли, и она не увидела, как еще двое мальчишек напали на Андрюшу с огромными ножами.

Лиза не кричала. От ужаса у нее внутри все словно омертвело. Двигаясь, как автомат, она, рослая и сильная шестнадцатилетняя девушка, подняла на руки худенького мальчика и понесла его домой. Она не звала на помощь, не пыталась вызвать «скорую», ее разум наглухо захлопнул все двери, чтобы не допустить в сознание страшную мысль о том, что с братом случилось непоправимое. Этого не может быть. Этого не должно быть. Это просто не имеет права случиться.

Она медленно несла брата под проливным дождем, почти не чувствуя тяжести. И только подойдя к дому, подняв глаза к окнам своей квартиры и увидев отца, рухнула на мокрый асфальт, потеряв сознание.

С тех пор она каждый день пила лекарства, сначала по две-три таблетки, потом горстями.

Незрелая психика ее не справилась с крушением надежды на ту жизнь, которую она себе вымечтала и которая уже почти стала реальностью.

Но было и другое. Было постоянное, неугасающее и не притупляющееся чувство вины.

Тогда, много лет назад, мать часто пеняла отцу за то, что он совсем не уделяет сыну внимания.

— Ты даже не можешь приходить пораньше со своей дурацкой работы, чтобы водить ребенка по вечерам на живопись, — выговаривала она отцу. — Разве это дело, когда дети возвращаются одни затемно.

При этих словах Лиза холодела. Ни за что на свете она не отказалась бы от походов с братом в художественную школу. Ведь для Андрея это был всего лишь урок живописи, а для нее — свидание с Дмитрием. Нет, ни за что не уступит она право видеть своего кумира, сидеть с ним рядом, смотреть на него, говорить с ним. Если Дима просил Лизу позировать, то усаживал ее, придавал нужную позу, легкими движениями рук поворачивал ее лицо к свету, укладывал в живописном беспорядке волосы. От его прикосновений девушка умирала. Да разве можно было от этого отказаться?

— Ну что ты, папа, — мягко говорила она от-

цу, — не обращай внимания на мамины слова. Я уже достаточно взрослая, чтобы приводить Андрюшу по вечерам. Я же понимаю, как много ты работаешь, как устаешь, а мне все равно делать нечего.

После гибели сына Елена без конца твердила мужу:

— Если бы ты был с ребенком, этого не произошло бы. Для тебя всегда твоя дурацкая работа была важнее семьи и детей.

Отец бледнел и закусывал губу, а Лиза в отчаянии думала: «Если бы я нашла в себе силы пожертвовать свиданиями с Димой, если бы не цеплялась за них как идиотка, Андрюша был бы жив. Это я во всем виновата. Это из-за меня самой рухнула вся моя жизнь. Отец страдает, чувствуя себя виноватым, а ведь он ни при чем, это же я не позволяла ему ходить с Андрюшей по вечерам. Я, я сама своими руками все разрушила».

Мысль о собственной вине была непереносимой, и Лиза глушила ее ненавистью к малолетним убийцам. Нет, не она виновата, а они, они, они! Отец должен отомстить. Пусть они умрут…

…Стоя в полутемном подъезде, Лиза всматривалась в двери дома напротив. Уже совсем стемнело, но она была уверена, что Дмитрия

сможет узнать даже в кромешной тьме. Что же он так долго не идет? Хорошо бы он пришел не один, а с женщиной. Может быть, хоть в этот раз у Лизы получится то, что она пытается сделать уже давно, но на что у нее не хватает ни сил, ни мужества.

Лишь огромным усилием Лиза могла заставить себя дожидаться очередного четверга, чтобы вместе с Дмитрием окунуться в воспоминания о ТОЙ жизни. Если бы было можно, она приходила бы чаще. Но в первый же раз, когда она решилась нарушить заведенный порядок и явиться к Диме в неурочное время, она увидела, что вместе с ним из машины вышла женщина и они вдвоем поднялись в его квартиру. Тогда же Лиза впервые испытала вместо ревности чувство безысходности и безмерную усталость.

В другой раз она специально подкарауливала Дмитрия, выбрав в качестве поста наблюдения подъезд дома напротив, в надежде, что он снова придет с женщиной, и, может быть, на этот раз ей удастся испытать хоть что-нибудь, что поможет ей перестать приходить к нему по четвергам. Воля Лизы была совершенно подавлена лекарствами, но чутье у нее еще осталось. Дима ее не любит. У него есть другие женщины. Она, Лиза

Вакар, ему надоела, ему в тягость ее визиты, ее разговоры, необходимость спать с ней. Он просто жалеет ее. И надо было сделать что-нибудь, что помогло бы ей порвать с Дмитрием, освободить его, оставить наконец в покое. Лиза очень надеялась на ревность и поэтому периодически приходила в этот, уже почти ставший ей родным, подъезд и поджидала Дмитрия. Иногда подолгу. Иногда напрасно. Иногда видела его с женщиной. Но, к своему ужасу, ничего при этом не испытывала. Каждый раз, глядя в спину входящего в дом Дмитрия и его спутницы, она говорила себе: «Сейчас они придут, лягут в постель и будут трахаться. Потом Димка принесет ей кофе. Потом они вместе пойдут в душ. Потом опять будут трахаться. Потом уснут, обнявшись, и проснутся, обнявшись. Боже мой, ну почему же я не бегу с этого проклятого места, рыдая и не разбирая дороги? Почему же я ничего не чувствую? Я все равно приду в четверг, потому что не могу не прийти. Бедный, бедный Димка, как же я тебя измучила!»

Лиза снова посмотрела на часы. Уже двенадцатый час, наверное, дольше стоять тут бесполезно. Димка ночует где-то в другом месте. Надо возвращаться домой.

Дома она тихонько открыла дверь и постара-

лась проскользнуть к себе в комнату, но из кухни вышел отец. Лиза в который раз подумала, что даже в джинсах и в майке он все равно выглядит как настоящий боевой генерал: рослый, подтянутый, мускулистый, прямой, с военной выправкой, короткой «уставной» стрижкой и каким-то особенным выражением лица. У нее никогда не получалось описать словами это выражение, просто она чувствовала, что оно — особенное, «генеральское».

— Порядок? — коротко спросил отец, окидывая дочь внимательным взглядом. Он никогда не ложился спать до ее прихода, даже если приходилось ждать далеко за полночь. Он очень любил Лизу.

— Жива-здорова, — вымученно улыбнулась она.

— Голодная?

— Нет, поела.

— Какие проблемы?

Генерал Вакар привык пользоваться дома лаконичными фразами. Зачем тратить силы на слова, если слова твои никому не интересны? Елена после гибели сына вдохновенно отдавалась трауру, полностью забросив домашние дела, а дочь… Что ж, нужно уметь смиряться с тем, что родители

никогда не бывают интересны своим детям.

— Никаких проблем, папа. Устала. Сейчас приму душ и лягу спать.

— Ладно. Тогда до завтра.

Вакар уже повернулся, чтобы уйти к себе, когда Лиза тронула его за руку.

— Папа, — осторожно окликнула она.

— Да?

— Папа… ты… скоро?

— Как только будет возможность, — сухо ответил генерал. Он делал то, что обязан был сделать, но обсуждать это не желал ни при каких обстоятельствах.

— Папа, пожалуйста, — Лиза вдруг тихо и беспомощно заплакала, — сделай это побыстрее. Я больше не могу. У меня нет больше сил ждать.

— Перестань, — холодно оборвал ее Вакар, хотя сердце его разрывалось при виде плачущей дочери. — Я сделаю все, что смогу. Больше ничего не обещаю.

Он ушел спать, а Лиза опустилась на пол в прихожей и еще долго тихонько плакала, уткнувшись лицом в колени. Пусть все скорее кончится. Тогда, может быть, мать одумается и снова станет такой, как была раньше. И может быть, ее, Лизу, не будет так сжигать жажда мести, с которой она

не может справиться даже лекарствами. И может быть, она перестанет тогда пить таблетки и сможет наконец перестать терзать Диму. Может быть, может быть…

3

Когда чудаковатый Бокр появился у Насти во второй раз, в квартире был Леша, который с ужасом глядел на человечка в длинном пальто и в натянутой до самых бровей шерстяной шапочке, расхаживавшего по комнате в одних носочках. В этот раз, правда, носочки были изумительного цыплячьего цвета.

Вежливо поздоровавшись, Леша быстро ретировался на кухню и принялся готовить ужин, с недоумением прислушиваясь к взрывам странного заливистого хохота вперемежку с повизгиваниями и всхлипами. Ася с утра предупредила, что вечером к ней придет человек, выполняющий ее задание, и Лешка был уверен, что этим человеком непременно будет сотрудник милиции. А как же иначе? Но что сотрудники милиции бывают *такими*, Алексей Чистяков не мог предположить даже при самом смелом полете фантазии.

Настя с ногами забралась на диван, разложив перед собой цветные снимки и внимательно слушая доклад Бокра.

— За вашей девушкой ходят трое. Вот этот — Сурен Удунян, дважды судимый, первый срок был

условный, второй раз ходил в зону. Хитрый, злой, в общем, нехороший. Мне он не понравился.

— Глазки у него симпатичные, — заметила Настя, разглядывая снимки, на которых был запечатлен миловидный армянин с огромными лучистыми глазами.

— Обман, — авторитетно заявил Бокр. — Второй — Игорь Ерохин, несудим, живет один, не женат. Мать проживает отдельно. Средних способностей, но физически хорошо развит. Ездит на ярко-красной «Ауди». Третий — самый забавный. Виктор Костыря.

— Чем же это он вас так рассмешил? — поинтересовалась Настя, беря фотографию ничем не примечательного парня лет двадцати семи с большими залысинами и длинными висячими усами а-ля «Песняры».

— А у него речь интересная. Я у него подслушал массу забавных выражений. Например, Ерохин на него прикрикнул, а он спокойненько так отвечает: «Не ори — пломбы выпадут». Каково, а?

И Бокр залился своим потрясающим попугайским смехом.

— Короче, мы около них потолкались и вот что выяснили. Все они — челноки. Постоянно ездят в Турцию и Грецию за шмотками. У них есть

свои продавцы, которым челноки сдают товар оптом. Сами они за прилавком не стоят. Их дело — ездить. Ну и контролируют, конечно, чтобы продавцы их не обманывали. Например, продавец говорит им, что шубы из нутрии идут плохо, максимум за тысячу долларов, если дороже — то народ не берет, поэтому у челноков они эти шубы скупают по семьсот. Потом челнок приходит на рынок и видит, что на шубе ценник висит, а на нем указано полторы тысячи, и шубу эту покупают. Значит, непорядок.

— Чем еще они занимаются?

— Конъюнктуру изучают. Что пользуется спросом, какие цвета, размеры, модели, почем готовы платить, чтобы не зависеть полностью от того, что им продавцы напоют. В общем, вся их деятельность крутится вокруг торговли.

— За Дашей ходят только эти трое?

— За три дня мы видели только их.

— А за ее кавалером кто-нибудь смотрит?

— Нет, кавалер чист, как душа младенца. Кстати, они и за девочкой ходят не постоянно. Например, проводят ее утром на работу и уезжают, а потом появляются часа через два-три, еще какое-то время постоят около магазина, потом снова уезжают. Но к концу дня — как штык, и водят ее

уже до самого конца, пока она спать не ляжет. Вот такая эпидерсия, Анастасия Павловна.

«Эпидерсия — это что-то вроде непонятной истории», — быстро перевела про себя Настя.

— Опишите мне круг общения этих челноков, — попросила она.

— Круг весьма широкий, весьма, — почему-то хмыкнул Бокр, продолжая размеренное движение по комнате от окна к двери. — Но однообразный. Челночно-торговая публика, турагентства, где они приобретают билеты на самолет, аэропорт Шереметьево, рынки Коньково, Петровско-Разумовский, Лужники, комплекс ЦСКА, рестораны. Каждый из троих за время наблюдения побывал в контакте с сотней человек. Но из всех этих людей ни один в глаза не бросился, ни один не показался нам выпадающим из этого круга.

— Это плохо, — помрачнела Настя. — Отталкиваться совершенно не от чего. Вы мне оставите фотографии?

— Разумеется. Я еще привез вам видеокассеты, чтобы вы сами посмотрели. Мы ведь могли и упустить что-то.

— У меня нет видеоприставки, — вздохнула она.

— У вас нет приставки?! — Бокр даже задохнулся от изумления. — Ну, это полный пердимонокль! Как же вы живете?

«Пердимонокль — слово для обозначения сильных эмоций. Надо будет запомнить. В самом деле, как я живу? Так вот и живу, на милицейскую зарплату по-другому и не проживешь. Знал бы он, что у меня и компьютера своего нет, этот — Лешкин».

— Я привезу вам приставку, это не вопрос. Какие будут задания?

— Мне нужно узнать об этих троих как можно больше. Я жду ваших сообщений ежедневно. У вас много техники?

— Достаточно, — тонко улыбнулся Бокр.

— Какая именно?

— Любая, — спокойно ответил он. — Пусть вас это не беспокоит. У нас будет любая техника, которая нам понадобится, чтобы получить ту информацию, которую вы ждете. Но есть одна тонкость.

— Какая? — нахмурилась Настя.

— Дядя Толя предупредил нас, что вы очень трепетно относитесь к вопросам законности.

— Дядя Толя? Кто это?

— Старков Анатолий Владимирович. Помните

такого?

Старков был начальником разведки у Эдуарда Петровича Денисова. Год назад, во время пребывания в Городе, Настя хорошо узнала его. Старков был ей симпатичен. Тогда же, год назад, она узнала, что приближенные называют Эдуарда Петровича Эдом Бургундским, однако о том, что Старкова называют дядей Толей, она слышала впервые.

— И что же сказал вам Старков?

— Что мы должны непременно получать у вас разрешение на те или иные действия, потому что, если мы сделаем что-то, что вам не понравится, вы можете сильно разгневаться. Дядя Толя сказал, что в гневе вы страшны.

И снова Бокр, запрокинув голову, зашелся хохотом, закатывая глаза и постанывая. Настя расхохоталась вместе с ним.

— Анатолий Владимирович большой шутник, — заметила она, вытирая выступившие от смеха слезы. — Но в главном он прав. Я хочу, чтобы вы понимали, что делаете. Я веду частное расследование в отношении обстоятельств, которые сама пока плохо понимаю. Ко мне обратился мой брат Александр с просьбой проверить его девушку, поведение которой кажется ему подо-

зрительным. Мне, как оперативнику, девушка не особенно понравилась, но сама она утверждает, что за ней следят. Я пытаюсь выяснить, что же происходит на самом деле. Официальные органы не имеют к моему расследованию никакого отношения, потому что пока во всем этом нет никакого криминала. Мой начальник в курсе, что я пользуюсь вашей помощью, так что ничего незаконного я не делаю. Это первое. При выполнении моих заданий вы можете использовать любые приемы, какие сочтете нужными, за исключением таких, которые могут нанести вред здоровью, не говоря уже о жизни. Проще говоря, бить нельзя, пользоваться оружием и химпрепаратами тоже нельзя. Это второе.

— А врать можно? — серьезно спросил Бокр.

— Врать можно. Это без ограничений. Внедряйтесь в среду, делайте оперативные установки, используйте технику, но дайте мне полную картину жизни и связей этой троицы.

Бокр как-то смешно подергал кончиком носа.

— По-моему, ваш повар передержал соус на огне. Вы сами не чувствуете?

— Нет, — призналась Настя, которая во время разговора с Бокром вообще забыла и о Леше, и об ужине.

— Сначала запах был правильный, я уж хотел было выразить свое восхищение, сейчас мало кто специально делает соусы к мясу и рыбе. А теперь вот чувствую, запах слегка изменился. Так бывает, когда передержишь соус на огне. Я сейчас уеду, Анастасия Павловна, и вернусь с видеоприставкой.

Закрыв за Бокром дверь, Настя заглянула на кухню.

— Лешик, а что ты делаешь? — спросила она, виновато заглядывая ему в глаза. Ну куда это годится, в самом деле: держит мужика на кухне голодным, а сама лясы точит с каким-то уркой-эрудитом.

— Мясо с курагой, — деловито ответил Чистяков, переливая что-то вкусно пахнущее из сковороды в жаростойкую миску. — Ты освободилась?

— Ага. Давай быстрей ужинать, слюнки текут.

— Где твой гость?

— Уехал за видеоприставкой, — сообщила Настя, доставая тарелки и приборы.

— За чем? — не понял Леша.

— За видеоприставкой. Они сняли интересующих меня людей видеокамерой, я хочу посмотреть.

— Странный он какой-то, — заметил Леша, раскладывая по тарелкам дымящийся картофель и издающее умопомрачительный аромат мясо.

— Почему странный?

— Ну, — он помялся, — на работника милиции не похож. И смеется как-то придурковато.

— Так он и не работник милиции.

Настя спокойно принялась за еду.

— А кто же он? — допытывался дотошный профессор Чистяков.

— Урка, — коротко ответила она, подцепив вилкой кусочек маринованного огурца и отправляя его в рот.

— Кто?! — Леша поперхнулся и закашлялся.

— Урка, — повторила она невозмутимо. — Уголовник. Преступник, одним словом.

— И ты с ним вместе весело хохотала? — с ужасом спросил Чистяков.

— А что я должна была делать с ним вместе? Плакать? Спать? Лешенька, миленький, забудь ты эти книжные глупости. Жизнь устроена так, как она устроена, и признак здоровой психики и развитого интеллекта — это умение приспособиться к тому, как жизнь устроена, адаптироваться. Понимаешь? А устроена она вовсе не так, как написано в книжках и показано в кино. Нет

абсолютно плохих людей, как нет и абсолютно хороших, потому что нет абсолютного зла и абсолютного добра. Ну нет их, и все тут. Нужно уметь с этим считаться.

— Но какое это имеет отношение к тому, что ты приглашаешь в дом уголовника и веселишься в его компании? Это же уголовник, преступник. Как же ты можешь?

— А почему нет? — Она пожала плечами. — Он такой же человек, как и все остальные. Пока что он не совершил ничего противозаконного, о чем я бы знала. За все то, что он натворил раньше, он уже отсидел. Пойми же, Леша, если человек совершает преступление, он должен быть разоблачен и наказан, но это совершенно не означает, что с ним при этом нельзя общаться, нельзя посмеяться над сказанной им шуткой, нельзя предложить ему выпить вместе кофе или даже присоединиться к трапезе. Ему можно оказать услугу. Можно точно так же принять услугу от него. Есть нормальные человеческие отношения, которые не должны зависеть от официальных отношений преступника с системой правосудия. Судья может сказать ему, что он виновен и заслуживает наказания, но конвоир при всем том не должен иметь права называть его сукой

и сволочью. Понимаешь? Потому что лично конвоиру он ничего плохого не сделал. Он нанес ущерб конкретным людям, людей этих защищает государство и за них, хотя и от своего имени, заступается. А конвоир здесь вовсе ни при чем. Его дело — охранять, а не судить и не высказывать моральные оценки.

Леша отставил пустую тарелку и внимательно посмотрел на Настю.

— Аська, а тебе не кажется, что то, что ты говоришь, — глубоко безнравственно?

— Может быть. Но я точно знаю, что еще более безнравственно делить всех людей на плохих и хороших, на преступников и праведников. Такая позиция всегда приводит к трагедии.

Получив от Бокра видеоприставку, Настя уселась в кресло и начала всматриваться в лица, движения, манеры Сурена Удуняна, Игоря Ерохина и Виктора Костыри. Вот они в аэропорту, помогают тащить необъятный багаж, грузят его в микроавтобус. Вот в ресторане, в компании трех таких же челноков, женщин с ними нет. Вот Удунян на Тверской, меняется с Ерохиным. Ерохин доедает бутерброд, делает торопливый глоток из пластикового стаканчика, кидает его в урну и садится в ярко-красную машину. Удунян

занимает пост и терпеливо ждет, когда Даша Сундиева выйдет после смены из магазина.

Виктор Костыря. Идет за Дашей поздно вечером, когда она возвращается из университета. Даша входит в подъезд своего дома, Костыря садится на лавочку, поднимает голову и смотрит на окна. Таймер в нижнем углу показывает 23.06. Следующий кадр обозначен временем 23.54. Костыря по-прежнему смотрит на окна. В Дашином окне свет гаснет, Виктор встает и идет к телефону-автомату. Он куда-то звонит, но разговаривает совсем недолго. По-видимому, просит, чтобы за ним приехали, потому что в следующих кадрах, на фоне которых таймер показывает уже 0.31, Костыря садится в «Ауди» Ерохина.

Игорь Ерохин. Тот самый, которого Настя видела на Тверской, которого так испугалась Даша. Большой любитель поесть. Перехватывает горячие бутерброды при каждом удобном случае. Вот он идет от метро «Коньково» к рынку. Кругом много народу, сплошной людской поток. И что-то в этом потоке Насте не нравится.

Она решила посмотреть фильм дальше в надежде на то, что ощущение станет более определенным, но ошиблась. Она досмотрела до конца обе кассеты, но тревожное чувство холодка

в желудке больше не появилось. Тогда она перемотала кассету, нашла эпизод в Конькове и стала просматривать его кадр за кадром, останавливая пленку и внимательно вглядываясь в изображение на экране. Нет, ничего.

Настя принесла себе кофе, снова уселась перед телевизором, закурила и начала всю процедуру сначала. В какой-то момент ей показалось, что вот сейчас… Вот оно… Вот… Но нет, чувство тревоги оставалось, но причина его ускользала от сознания.

Надо было отвлечься на какое-то время, чтобы потом вновь вернуться к фильму. Она подошла к Леше, все это время сосредоточенно работавшему за компьютером.

— Лешик, тебе чем-нибудь помочь?

— Господи! — Он откинулся в кресле и сладко потянулся. — Нам грозит экологическая катастрофа.

— Это почему еще?

— Потому что ты захотела мне помочь. Не иначе завтра подохнут все медведи, а послезавтра наступит тропическая жара. Ты в самом деле хочешь мне помочь?

— Честное слово. Мне нужно отвлечь мозги минут на двадцать, а то я, кажется, зациклилась.

— Тогда введи в таблицу вот эти данные. А я пока напишу программу для обработки.

Настя добросовестно принялась за работу. Терапия оказалась действенной, потому что нужно было быть максимально внимательной и сосредоточенной, чтобы не допустить ошибку. Через полчаса она закончила таблицу и снова пересела к телевизору. Опять перед ней был рынок в Конькове, Игорь Ерохин в своей неизменной коричневой кожаной куртке с чуть порванным нагрудным карманом, с маленьким красно-синим значком на воротнике. Ей даже удалось разглядеть родинки, о которых говорила Даша, — одну над губой и две возле уха. Тревожное чувство стало еще сильнее, ей показалось, что дверь, ведущая в подвалы подсознания и кладовую памяти, стала медленно приоткрываться, шире, шире, еще шире, вот сейчас в темное помещение хлынет поток света и она увидит…

Раздался телефонный звонок. Настя почти физически ощутила, как дверь захлопнулась с оглушительным стуком. Опять у нее ничего не получилось.

Звонил брат Александр. Ему не терпелось узнать, есть ли какие-нибудь новости.

— Нужно, чтобы ты привез свою красавицу ко

мне, — сказала Настя. — Только я не хочу, чтобы у меня потом пропало милицейское удостоверение. Поэтому ты поговори с ней, объясни, что к чему, а завтра позвони мне на работу, я тебя проинструктирую, что и как надо делать.

— Ты выяснила что-нибудь… плохое? — осторожно спросил он.

— Ничего плохого, — успокоила его Настя, — поэтому я и хочу поговорить с ней открыто, а не под видом покупательницы. Похоже, она попала в неприятную историю и сама об этом не знает.

— А как же кражи документов?

— А про это я с ней говорить не буду. Это — отдельная песня. За ней действительно следят, и я хочу понять, чем это вызвано. Иди спать, Санечка, и ни о чем не беспокойся.

— Спасибо тебе, — сказал он.

— На здоровье, — усмехнулась Настя, а про себя добавила: «Спасибо не мне, а главному мафиози Города. Это он оплачивает сбор сведений о твоей красавице Дашеньке. Интересно, как бы ты, братец, отреагировал, если бы узнал об этом? В обморок бы не грохнулся, это точно, но мой образ в твоих глазах, наверное, потускнел бы. Надо много общаться с преступниками и потерпевшими, чтобы перестать делить мир на белое и черное».

Глава 5

1

С утра моросил отвратительный мелкий холодный дождь, и к концу дня вся одежда на Викторе была влажной и противной. Но он мужественно терпел тяготы и неудобства, связанные с постоянным пребыванием на улице и с наблюдением за золотоволосой синеглазой девушкой. Девушка Виктору нравилась. Он был на все сто процентов уверен, что Артем что-то поднапутал или просто перестраховывается, что никакой опасности эта девушка не представляет. Но Виктор Костыря был человеком добросовестным и исполнительным: раз велено следить за синеглазкой, он будет неукоснительно все выполнять. Хотя и зря все это, девушка, как говорится, «совершенно не из той оперы»…

Виктор медленно прошелся вдоль витрины «Ориона», чуть повернул голову, скосил глаза и увидел Дашу, стоящую, как обычно, возле своего стола и листающую журнал. В ее секции было по обыкновению пусто, все-таки цены на женское платье непомерно высоки. Через сорок минут закончится рабочий день и девушка побежит или в университет, или на свидание со своим

белобрысым хмырем, или поедет домой. За три недели Виктор Костыря, Игорь Ерохин и Сурик Удунян выучили ее расписание наизусть. Если в первые две недели девушка хоть иногда ходила в гости со своим хахалем, то теперь и этого нет. Непонятно, чего Артему от нее надо? Совсем простенькая девчушка, личико наивное, улыбка как солнышко, работает, учится, ходит на свидания с женатым мужиком. Нет, при всем желании Виктор не видел в ней решительно ничего, что оправдывало бы эти изнурительные многочасовые прогулки по городу.

К магазину подъехал белобрысый хахаль синеглазки, запер машину и вошел внутрь. Виктор видел через окно, как они поцеловались, потом Даша начала собираться, укладывать в сумочку разные мелочи, натягивать сапоги и пальто. Виктор отошел подальше от входа, чтобы не столкнуться с ними, когда они будут выходить, и чтобы при этом хорошо видеть машину белобрысого.

Через некоторое время синеглазка и белобрысый вышли, не торопясь подошли к машине, но садиться не стали. Наоборот, белобрысый взял из машины большую сумку для продуктов и снова запер дверь. Они неспешно пошли по Тверской,

заходя во все попадавшиеся на пути гастрономы, и сумка постепенно наполнялась разными дорогими и, наверное, вкусными продуктами. В киоске на улице они купили «Мартини-бьянко», но при этом так долго совещались, что Виктору удалось сократить расстояние и подойти к ним почти вплотную.

— Я точно помню, что не «Розе» и не «Россо», — говорила синеглазка, — не розовый и не красный. Он сто раз говорил, что у него аллергия на красные вина. А вот насчет того, «Бьянко» или «Супер-драй», я не знаю.

— Ну я-то тем более не знаю, — рассудительно возражал белобрысый. — Это же твой шеф, а не мой, ты лучше должна знать его вкусы.

— Ладно, рискнем, — решилась девушка. — Берем белый. Сухой я сама не люблю.

Они зашли в очередной магазин, и Костыря снова остался ждать их на улице. Заходить вместе с ними он не видел никакого смысла. Это было даже опасно, в большом переполненном людьми магазине он мог легко потерять их. Его задача — выяснить, на кого может работать прелестная синеглазка, и ответ на этот вопрос вряд ли отыщется в магазине, в очереди за копченой колбасой или бананами.

Виктор спохватился, когда толпы в магазине стали редеть, а к входной двери подошла бабка в белом халате и встала в позу «всех выпускать — никого не впускать». Он быстро прошелся вдоль витрин, внимательно вглядываясь в пустеющие помещения. Даши и белобрысого нигде не было. Черт возьми, куда же они запропастились?

Костыря быстро побежал за угол в поисках служебного входа в магазин. Да, вот он, но он находится так близко к тому месту, где стоял сам Виктор, что они никак не смогли бы выйти через этот вход и остаться незамеченными. Он обязательно увидел бы их. Да куда же они подевались, в конце-то концов?

В магазине осталось всего несколько человек, и Виктора вдруг осенило: а что, если девушке или белобрысому стало плохо и они попросили разрешения воспользоваться туалетом? Он, дурак, нервничает, с ума сходит, а они скоро выйдут как ни в чем не бывало, может быть, даже спустя какое-то время после закрытия магазина. Надежда была слабенькой, но все-таки надежда…

Еще через десять минут Виктор надеяться перестал. Совершенно очевидно, что синеглазка и ее хахаль из-под наблюдения ушли. Да еще как мастерски! Ухитрились пройти прямо у него

под носом. Значит, прав был Артем, не такая уж простенькая наша синеглазка.

Возвращаясь пешком к тому месту, где оставил свою машину, Виктор Костыря думал о том, какой все-таки умный Артем Резников, как сразу почуял в золотоволосой девчушке опасность. А он, Виктор, эту опасность три недели разглядеть не мог. И вот теперь она оставила его с носом, как полного придурка. Сейчас он приедет к Артему, все ему расскажет, и Артем опять разорется и начнет поливать Виктора отборной бранью за то, что не уследил за девчонкой. Ничего, он все стерпит, за большие деньги можно и не такое вынести.

2

— Ой, Анастасия Павловна, когда мне Саша рассказал про вас, я чуть с ума не сошла. Надо же, какая вы актриса! Два раза покупали у меня костюмы, а мне и в голову не пришло, что вы — Сашина сестра и работаете в милиции. Ой, Анастасия Павловна, мне так стыдно за то, что я вам тогда сказала.

— Ты о чем?

— Ну, когда вы спросили, почему бы мне не обратиться в милицию, а я ответила, что в милиции меня примут за сумасшедшую. Вы на меня не сердитесь?

Даша щебетала уже полчаса, взбудораженная таинственными событиями. Вчера поздно вечером позвонил Саша и сказал, что ему нужно сегодня с утра поговорить с ней об очень серьезных вещах. Он рассказал ей про свою сестру, которая работает в уголовном розыске и которая готова помочь разобраться с тем, кто и зачем следит за Дашей. Потом вдруг оказалось, что Сашина сестра — та самая покупательница, которая на днях дважды покупала в Дашиной секции очень дорогие вещи и которой Даша рассказала о том,

что за ней следят. Едва Даша успела прийти в себя от неожиданности, как Саша сказал, что, раз за ней следят, нельзя открыто приходить к его сестре, поэтому вечером после работы они должны будут дойти до магазина, который находится рядом с гостиницей, и там им помогут.

Событий оказалось многовато для той размеренной жизни, которую привыкла вести Даша Сундиева, и она все никак не могла успокоиться. Настя потихоньку начала раздражаться, ей хотелось приступить к делу, но для этого нужно было, чтобы Даша стала спокойной и сосредоточенной.

— Ой, Анастасия Павловна, как же вы не боитесь работать в уголовном розыске? Это же, наверное, очень опасно.

Настя вежливо улыбалась и коротко объясняла, что опасность есть в любой работе, что, даже если ты работаешь дворником, на тебя может упасть кирпич, сосулька или тебя может переехать автомобиль.

— Анастасия Павловна, а оружие у вас есть? А стрелять вам приходилось? А…

— Все, Дарья, — твердо прервала ее Настя. — Время ограничено, поэтому давай приступим к делу.

Восторженная улыбка мгновенно растаяла на

Дашином милом лице, оно стало сосредоточенным и спокойным.

— Простите, — серьезно сказала она. — Я не подумала, что задерживаю вас. Конечно, вы же работаете, а я вам голову морочу своими ахами и охами. Извините, Анастасия Павловна.

«Это тебе урок, голубушка, — зло сказала себе Настя. — Ты же видела ее два раза, ты обратила внимание на ее интуицию, проницательность, ты насчитала ей столько очков, сколько по твоей шкале не зарабатывал почти никто. Зачем же сейчас ты отнеслась к ней как к пустоголовой дурочке? Можно было сразу, в первую же минуту, сказать ей, что на восторги и удивление времени нет, и все было бы по-другому. Ты, Настасья, видно, никогда не научишься вести себя так, чтобы не обижать людей».

Она разложила на столе цветные фотографии, которые ей вчера принес Бокр.

— Посмотри внимательно на эти снимки. Кого-нибудь узнаешь?

Даша наклонилась над столом.

— Вот этот, — она указала на фото Ерохина. — Это тот самый, которого я вам показывала возле «Ориона», помните?

— Кто еще?

Девушка продолжала пристально вглядываться в снимки, потом неуверенно взяла в руки фотографию Удуняна.

— Этого я тоже видела. Только где-то в другом месте, не могу вспомнить где… Я точно помню, что обратила внимание на него, брюнет со светлыми глазами — сочетание достаточно необычное, а у него глаза такие большие и сияющие… Но где же это было?

— Но он за тобой не следит? — уточнила Настя.

— Я не видела, — твердо ответила Даша. — У меня очень четкое ощущение, что я его видела и запомнила не в связи с тем, что за мной следят.

— Интересно, а как ты это определила? — заинтересовалась Настя. — Помнишь, что видела, но не помнишь где, зато точно знаешь, где *не видела*? Я правильно поняла?

— Понимаете, Анастасия Павловна, я смотрю на его лицо, и мне не страшно. Вот когда я вижу этого, — она ткнула пальцем в фотографию Ерохина, — мне дурно делается от страха, потому что я его прочно связываю со слежкой. А на этого глазастенького я смотрю — и мне не страшно, значит, в моей голове он связан с какой-то нейтральной ситуацией, когда я его не боялась.

— Логично, — согласилась Настя, которую уже

целые сутки мучил вопрос о снятом на видеокамеру эпизоде в Конькове. Она до сих пор не смогла подобрать ключ к ответу на вопрос, что же ее так встревожило в этом эпизоде.

— А вот этого, — Даша показала на снимок, где Виктор Костыря пил пиво из банки, — я ни разу не видела. Его лицо мне ни о чем не говорит.

— И тем не менее он ходит за тобой по пятам, — вздохнула Настя. — Можешь убедиться.

Она включила видеоплеер, и на экране снова показалась Даша, затем идущий за ней следом Виктор Костыря. Виктор сидит на лавочке возле ее дома, смотрит на окна. Свет в окнах гаснет, Виктор вызывает машину и уезжает.

Даша сидела перед телевизором белая как полотно.

— Знаете, — робко сказала она, — мне так не хотелось верить в это! Конечно, я боялась, ужасно боялась, но всегда где-то в глубине души таилась спасительная мысль, что я ошибаюсь, что ничего этого нет, что мне привиделось. Теперь я уже не смогу этим утешаться.

Насте стало жаль эту перепуганную девчушку, которая, сама того не ведая, вдруг стала для кого-то опасной. «А кражи документов? — одернула она себя. — Не забывай про кражи документов,

когда начнешь жалеть Дарью».

Она перемотала кассету и попросила Дашу посмотреть всю запись с начала до конца.

— Смотри внимательно, вдруг увидишь еще какие-нибудь знакомые лица.

Даша отнеслась к заданию более чем добросовестно. Она часто останавливала кадр и подолгу вглядывалась в лица на экране, несколько раз перематывала пленку и возвращалась назад, к уже просмотренным эпизодам. Настя сидела на диване, откинув голову на спинку и закрыв глаза, ей хотелось расслабиться и уснуть, а вместо этого она должна ждать, пока эта странная девочка просмотрит две полуторачасовые кассеты. Лешка на кухне развлекает светской беседой братца Александра, времени уже десять часов, и лечь спать удастся не раньше часа ночи, а завтра опять вставать в семь…

— Я видела этого дядьку, — раздался уверенный голос. — Я точно помню, это было в метро как раз в тот день, когда ко мне псих пристал.

Сна как не бывало. Настя вскочила с дивана как ужаленная и припала к экрану.

— Который?

— Вот этот.

Даша остановила пленку и указала на полного

лысоватого мужчину в коричневом плаще, который вместе с Ерохиным и Костырей входил в ресторан.

— Ты не ошиблась?

— Анастасия Павловна, у меня профессиональная память. Погодите, — она запнулась, потом вдруг порозовела, — да, конечно, и этого глазастенького я тоже видела в тот день. И тоже в метро.

Насте вмиг стало жарко. Она поняла, что нашлась наконец та точка, в которой все должно сойтись. Только бы не сорвалось!

— Дарья, успокойся и рассказывай. Медленно, по порядку, старайся не перескакивать с одного на другое. И попробуй быть максимально точной, ничего не преувеличивай и не придумывай.

«Дура, — тут же спохватилась Настя. — Ты же только что убедилась, что она не пустоголовая барышня. Зачем же ты продолжаешь ее обижать?»

К счастью, Даша и не думала обижаться.

…В тот день она ехала от подруги на «Таганскую», где договорилась встретиться с Сашей. У подруги маленький ребенок и ужасно забавный пес, которые, пока мама и гостья пили чай на кухне, затеяли возню со стоявшей на полу Дашиной сумкой. Когда встревоженные подозри-

тельной тишиной дамы вышли в прихожую, то увидели, как малыш сосредоточенно пробует на вкус все предметы, которые он сумел вытащить из сумочки и зажать в ладошке, а спаниель Гоша не менее сосредоточенно рассовывает по углам и щелям то, что удалось отвоевать ему: записную книжку, ключи, пачку салфеток, перчатки. Поскольку Даша не хотела опаздывать на свидание, а времени оставалось в обрез, она спешно собрала свое разворованное имущество, запихнула обратно в сумочку и побежала к метро.

Спускаясь на эскалаторе, она вдруг испугалась, что Гоша мог утащить и спрятать что-нибудь нужное, без чего она не сможет обойтись. Даша тут же открыла сумку и стала на ощупь проверять ее содержимое, главным образом ключи. Ключи от квартиры обнаружились сразу же, но ей показалось, что она не может найти ключ от сейфа, который стоит на работе. Директор магазина неоднократно предупреждал продавщиц, что с сейфом и ключами следует быть особенно аккуратными.

Сойдя с эскалатора, она замедлила шаг и остановилась, решив до конца прояснить ситуацию с ключом: при необходимости можно было вернуться к подруге и поискать его, правда, при-

шлось бы бежать, но это все равно лучше, чем выслушивать выговор директора.

Она попала во встречный поток людей, сошедших с поезда и ринувшихся к эскалатору, и ей пришлось пройти еще немного вперед, где было поспокойней. Прямо перед ней мужчина в коричневом плаще открывал кейс, неловко повернулся, и все содержимое кейса оказалось на полу. Даша стояла совсем рядом с ним и продолжала настойчиво рыться в своей сумочке. Мужчина в плаще принялся собирать с пола вещи, при этом двигался как-то скованно, будто у него что-то болит. В этот момент проходящий мимо молодой человек нагнулся и подал ему откатившуюся в сторону зажигалку. У этого молодого человека на руке был совершенно необычный перстень, и Даша буквально впилась в него глазами. Перстень представлял собой что-то вроде кольчуги шириной примерно сантиметра полтора, а закрепленные в ячейках небольшие черные камушки образовывали замысловатый символ.

Через мгновение, когда мужчина с перстнем подал неловкому толстяку зажигалку, Даша сообразила, что ведет себя просто неприлично. Стоит и пялится на совершенно незнакомого мужчину. Она робко подняла глаза на толстяка, собираясь

мило улыбнуться, но наткнулась на такой холодный и злой взгляд, что поспешила ретироваться.

Перейдя на параллельную станцию, она снова предприняла попытку найти злополучный ключ и даже пропустила подошедший поезд. Ключ, слава Богу, нашелся.

Когда подъехал следующий поезд, Даша вошла в вагон вместе с толпой пассажиров и в этот момент почувствовала чью-то руку между ног. Ощущение было неприятным, но хорошо знакомым с детства, когда в переполненном транспорте к ней приставали сексуально озабоченные взрослые дядьки. Она резко обернулась и увидела обращенные внутрь себя безумные темные глаза на бледном худом лице с запавшими щеками.

— Пошел вон, — сказала Даша тихо, но очень четко и внятно. Ярость и гнев переполняли ее настолько, что свело мышцы лица.

Мужчина стал пробираться к другой двери, а она достала из сумки блокнот и быстро записала приметы полового психопата, разгуливающего по московскому метро в час «пик». Даша ни минуты не сомневалась, что нужно сообщить о нем в милицию, но она не хотела опаздывать на свидание с Сашей. Поэтому избрала, как ей

казалось, самый простой и правильный вариант: написать записку с приметами и передать ее милиционеру, который обязательно дежурит в метро, а уж он сообщит куда надо.

Набрасывая текст записки, она то и дело бросала злобные негодующие взгляды на развратника и обратила внимание, что одну руку он держит в кармане. Ну конечно, подумала она, одной рукой он лезет под юбку, а другой онанирует, подонок вонючий. Вот тут она и увидела светлоглазого кавказца, который стоял совсем неподалеку от онаниста. В какой-то момент Даша встретилась с ним глазами и хотела было приветливо улыбнуться, но кавказец отвернулся.

Доехав до «Таганской», Даша поднялась наверх и подошла к милиционеру, молоденькому, с розовыми, еще по-детски припухлыми щеками.

— У вас по «Кольцевой» линии половой психопат разгуливает, — сказала она, протягивая ему записку. — Вот, я записала его приметы, вы уж сообщите кому следует.

Милиционер и слова не успел сказать, как Даша уже побежала к выходу. На улице ее ждал Саша, она села к нему в машину и уехала. Вот и все…

— Какого числа это было? — спросила Настя.

— Это точно был четверг, — быстро ответила

девушка, — по вторникам и четвергам у меня вечера свободные, занятий нет. Кажется, последний четверг сентября. Да, именно так.

— Не путаешь? Не вторник, а именно четверг?

— Не путаю, — твердо заявила Даша. — Это не мог быть вторник, потому что как раз во вторник был день рождения у моей подруги, я поздравляла ее по телефону и мы договорились, что я заеду к ней в четверг.

Настя посмотрела на календарь, последний четверг сентября приходился на двадцать девятое число. У нее затряслись руки. Двадцать девятое сентября, станция метро «Таганская», убийство сержанта Малушкина из отдела по охране порядка на метрополитене.

3

Артем Резников грузно перекатился на другой бок и приложил резиновый пузырь со льдом к правой стороне живота. Все-таки для его возраста у него здоровья маловато: то здесь заболит, то там, то желчегонные лекарства пьет, то антигистаминные. Полнеть стал в последние годы, хотя за диетой следит, жирного и сладкого старается есть поменьше, да, видно, обмен уже нарушился, теперь диеты не помогут, лечиться надо или уж смиряться.

— Ну как ты, лапусик? — заглянула в комнату жена, худощавая и совершенно седая, с короткой мальчишеской стрижкой.

Она была на восемь лет старше Артема, замуж за него выходила без любви, но с расчетом, который все равно оказался ни к чему. Молоденький Резников был в нее влюблен долго и страстно, а она, его соседка по дому, живущая двумя этажами выше, вела образ жизни, абсолютно несовместимый ни с замужеством, ни со смешным очкариком Артемом. У нее было много мужчин, много денег, много красоты и шарма и высокие запросы, а у Артема денег было мало,

красоты и шарма не было совсем, зато у него было много самолюбия и несомненные способности к точным наукам. Роскошная Ирина смешного очкарика привечала, ибо помнила, что от сумы да от тюрьмы… Так оно и случилось.

Когда Ирина осталась без обещанной поддержки, она была уже на седьмом месяце, и избавляться от беременности было поздно. Ребенка она не хотела, рожать собиралась только для того, чтобы удержать при себе того самого мужчину, который казался ей сказочной жар-птицей. У него было все, что нужно Ирине, и она на эту карту поставила даже больше, чем могла себе позволить. Отказалась от всех других мужчин, категорически порвав с ними. Обменяла квартиру, ибо о ее похождениях в доме знали слишком хорошо, и в этот обмен вгрохала все свои сбережения и драгоценности, чтобы квартира была не только в центре (и *ему* было бы удобнее ездить на работу), но и с улучшенной планировкой, двухэтажная. Дело было за малым: он должен был оформить развод, после чего должна была начаться новая жизнь, полная любви, удовольствий, путешествий и прочих радостей.

К сожалению, в этот самый момент объект Ирининых притязаний собрался уезжать за рубеж,

натурально, вместе с законной супругой, которая, как ни странно, тоже оказалась беременной, причем, в отличие от Ирины, уже не в первый раз. Вопрос о том, в чью пользу принять решение, мучил ее любовника ровно две с половиной минуты, после чего она осталась в одиночестве, но с прекрасной квартирой и довольно большим животом, без образования и профессии, без надежного источника доходов, зато с радужной перспективой пеленок, бессонных ночей, детских болезней и безденежья.

Вот тут-то она и подумала о смешном нелепом Артемчике, так трогательно любившем ее с незапамятных времен. Иногда, еще с тех пор, как ему было девятнадцать, а ей двадцать семь, она жаловала ему свое любвеобильное тело в виде объедков с барского стола, но Резников был и за это благодарен. Теперь его даже не пришлось уговаривать, он все понял с полуслова.

— Конечно, Ира, мы поженимся и ребенок будет считаться моим. Я постараюсь создать ему хорошие условия. И тебе, разумеется.

С тех пор прошло четырнадцать лет. И ни разу Ирина не пожалела о сделанном ею шаге. Теперь, когда ей сорок пять и ее четырнадцатилетний сын учится в закрытом колледже в Англии, а муж

ворочает огромными деньгами, она с благодарностью думает о том мужчине, который ее бросил. С ним было бы все то же самое с точки зрения благосостояния, но с одним маленьким исключением: он не любил бы ее так преданно и нежно, как Артемчик. И Ирина отвечала мужу почти полной взаимностью, трогательно ухаживала за ним, когда он плохо себя чувствовал, доставала все мыслимые и немыслимые лекарства, возила его к профессорам-светилам, носила ему завтраки в постель и меняла лед в резиновых пузырях…

— Как ты, лапусечка? — ласково спросила она мужа.

— Ничего, — хмуро пробурчал Артем.

— Тебе что-нибудь принести?

— Не надо, я сам встану. Сейчас Костыль с Игорем придут, потом Сурик подъедет.

— Что-нибудь случилось? — встревоженно спросила Ирина. Она была полностью в курсе криминальных дел мужа. — С чего это они притащатся на ночь глядя?

— Костыль девку упустил, — морщась от боли, процедил Резников. — Недоносок хренов. Она, видно, та еще штучка, три недели ангелом прикидывалась, а они сопли распустили, бдительность потеряли, и вот, пожалуйста. Ладно,

сейчас разберемся.

Когда явились гости, Ирина проворно накрыла на стол. В доме было железное правило: холодильник должен быть полон, для любого пришедшего накрывается стол.

— Ну, рассказывай, как же ты так лопухнулся, — спокойно потребовал Артем. — Недосмотрел? Или она тебя засекла?

— Я все делал по правилам, — огрызнулся Костыря. — Близко не подходил, у меня рожа приметная. Как только она куда-нибудь входила, тут же контролировал возможность выхода через другую дверь.

Тут Виктор слегка приврал. Про вторую дверь он, конечно, забывал, но в данном конкретном случае служебный вход действительно находился прямо перед глазами, и он мог бы поклясться, что синеглазка с белобрысым через нее не выходили.

— Так как же получилось, что она оторвалась?

— Не знаю, — пожал плечами Костыря. — Я проверил все здание, других выходов из магазина нет.

И здесь он соврал, но и эта ложь казалась ему вполне безобидной. Какая, в конце концов, разница, как именно улизнула девчонка. Может, там

есть еще десять запасных выходов, сейчас-то это уже ничего не изменит. Но, солгав, он по крайней мере оградит себя хотя бы от части упреков и издевательств.

— Она растаяла, как утренний туман над Араратом, — насмешливо протянул Сурик, взмахнув своими необыкновенными ресницами.

— Закрой рот, а то зубы замерзнут, — грубо оборвал его Костыря.

— Мальчики, кому курицу полить чесночным соусом — поднимите руки, — шутливо встряла Ирина, стараясь сгладить грубость Виктора. Она очень не любила конфликтов в своем доме.

— Мне, — тут же отозвался Сурик.

— И мне, — поднял руку Игорь.

— Мне не нужно, — сказал Артем, прижимая локтем к боку пузырь со льдом.

— А ты, Костыльчик? — ласково окликнула Виктора Ирина. — Тебе курицу соусом полить?

— Ни в коем случае, Ирина Всеволодовна, — опять подал голос Сурик. — Чеснок ослабляет обоняние, а Костыль сегодня так опростоволосился, что рисковать обонянием он, как охотничья собака, не может.

— Заткни фонтан, а то все мысли из башки выльются, — мрачно пообещал Костыря, — их там у

тебя и так не густо.

— Все, прекратили гоношиться, — сердито произнес Артем. — Костыль, что еще можешь рассказать?

Виктор открыл было рот, чтобы рассказать про подслушанный им разговор про какого-то шефа, но вовремя осекся. Девочка исчезла не одна, а вместе с белобрысым. Может быть, вообще все дело в нем, а не в ней. Может быть, он — главный. Но фокус в том, что первую установку на белобрысого Александра Каменского делал именно он, Виктор Костыря. И ему же было поручено повнимательней посмотреть за ним в последующие дни. И это именно он, Костыль, детально изложил результаты своих наблюдений за Александром и твердо настаивал на том, что Каменский — не та фигура, которая их интересует. В его поведении и в его связях нет ничего подозрительного. Тогда Артем положился на его слова, на его мнение, и все внимание в дальнейшем было сосредоточено на синеглазке и на людях, с которыми она вступала в контакт. А теперь очень похоже, что Виктор Костыря ошибся и дело, вполне вероятно, все-таки в белобрысом. Ой, что будет, если окажется, что это и в самом деле так! Артем не только будет орать и поливать грязью, это-то

черт с ним, а может лишить очередной пайки, разделив долю Виктора между остальными. В наказание за ротозейство и самоуверенность.

Стало быть, лучше смолчать о том, что девочка была с Каменским. А коль так, то и о разговоре у киоска нужно молчать. Не сама же с собой вслух разговаривала прелестная синеглазка?

Так и вышло, что на вопрос Артема: «Костыль, что еще можешь рассказать?» — Виктор ответил коротко и ясно:

— Больше ничего.

— Ну что ж, — Артем с раздражением отбросил в сторону лед, уселся поудобнее и сложил перед собой руки. Следов от ожога почти не осталось, и рука уже не болела. — Будем подводить итоги. Девица оказалась крепким орешком. Три недели она морочила нам голову, вела праведный образ жизни, ни разу не «проверилась» и не показала, что знает о нашем интересе к ней. При этом она ни разу не вступила в такой контакт, который мог бы пролить свет на вопрос, какая же контора ее к нам подослала. Иными словами, она ни разу не «засветилась». Исключение составляет тот день, с которого все и началось. Она вступила в контакт с Берковичем, который совершенно явно принадлежит к группе наших конкурентов.

Однако по несчастному стечению обстоятельств Беркович умирает как раз в тот момент, когда к нему на улице подходит наш дорогой армянский друг Сурен Шаликоевич. Если бы не эта трагическая случайность, мы могли бы заставить Берковича рассказать нам все, что нас интересует. К сожалению, Сурен Шаликоевич не оказался в должной мере дальновидным и приступил к разговору с Берковичем так грубо, что невольно поспособствовал немедленному наступлению смерти последнего.

— Кончай туфтеть, — злобно пробормотал Сурик, опуская веки и показывая Артему холодное лицо убийцы. — Я же не нарочно. Я же не хотел его убивать, сто раз тебе объяснял.

— А мне не нужны твои объяснения. — Артем взял со стола вилку и начал мерно постукивать черенком по льняной салфетке, заботливо подстеленной под тарелку. — Какого хрена они мне сдались? Мне нужно, чтобы в ответственные минуты ты принимал правильные решения и совершал продуманные поступки. А ты ведешь себя как победитель конкурса мудаков и думаешь, что мне будет легче от твоих мудацких объяснений. Ты убил Берковича, и мы потеряли ценный источник информации. Девка, если она работает на

наших конкурентов, может вообще не знать, кто и зачем ее нанял. Ей заплатили, и она на них работает. А Беркович, профессионально связанный с той средой, из которой вышли наши конкуренты, работающий в этой сфере, не мог не знать то, что нас интересует. Теперь единственное, что нам остается, это ждать, пока девка вступит в контакт хоть с кем-нибудь, кто приведет нас к этим сраным конкурентам. Мы потеряли уже три недели, и неизвестно еще, сколько потеряем, а время-то идет. Один контакт мы уже пропустили. Следовательно, одно денежное поступление проскочило мимо наших счетов в банке. Завтра я должен был бы улететь в Афины, чтобы договориться о следующем контакте, но я не могу этого сделать, потому что мы до сих пор ничего не прояснили, а рисковать пока не можем. Значит, еще одна доза долларового вливания пролетит мимо, как фанера над Парижем. Однако, помимо наших денежных интересов, есть еще интересы наших покупателей. Они долго ждать не будут. Если мы окажемся ненадежными, они прервут отношения с нами и найдут другой источник товара, может быть, тех же самых наших пресловутых конкурентов. Поэтому надо решать нашу проблему как можно быстрее. Девку взять в тиски,

глаз с нее не спускать ни днем, ни ночью. Судя по всему, она — опытная и хладнокровная, поэтому не вздумайте успокаиваться, если она пришла на работу, в университет или легла спать. Она сегодня вам продемонстрировала свое истинное лицо, не забывайте об этом.

После ухода троицы Артем скинул халат и улегся в постель. Ирина присела рядом на краешек кровати, заботливо укрыла мужа одеялом, положила руку ему на лоб.

— По-моему, у тебя небольшая температурка, — озабоченно произнесла она.

— Да черт с ней, к утру пройдет, — вяло отмахнулся Резников.

— Слабоваты наши ребятки, верно? — осторожно начала Ирина. — Смотри, сколько ляпов допустили.

— Да уж, ничего не скажешь, слабоваты, — согласился Артем.

— Может быть, стоит их заменить? Давай подберем кого-нибудь покрепче, помозговитее.

— Поздно, киска, менять лошадей, мы как раз на середине переправы. Куда этих-то девать? От таких денег при минимуме работы ни один дурак не откажется добровольно. Не убивать же их всех. Их ведь пять человек. Не так это все просто.

И потом, если набрать ребят получше, то они и стоить будут больше. А стало быть, наша с тобой доля будет меньше.

— Ну и ладно, — легко согласилась с такой перспективой Ирина. — Нам ведь и без того много достается, ну, будет чуть меньше, подумаешь. Я боюсь, что при таких квелых помощничках мы вообще больше ничего не получим. Так уж лучше меньше, чем ничего.

Резников выпростал из-под одеяла руки, обхватил жену и повалил на кровать, крепко прижав к себе.

— Знаешь, Ирка, за что я тебя люблю? — спросил он, касаясь губами ее подбородка и шеи.

— За то, что я красавица и умница, — засмеялась Ирина.

— Нет, киска, за то, что ты не жадная. И еще за то, что не суетишься и умеешь ждать, не подгоняешь меня, не торопишь.

— А куда торопиться-то? — промурлыкала Ирина, пристраивая голову на плечо мужа. — Виталику еще шесть лет учиться в колледже. К тому времени, как он получит диплом, мы должны будем уже осесть, обжиться и встать на ноги. На это уйдет года два, самое большее — три. Так что три года у нас с тобой в запасе еще есть, и ничего

страшного, если мы проживем эти три года здесь. Нам с тобой здесь очень даже неплохо.

— Неплохо, — согласно повторил Резников, расстегивая «молнию» на брюках Ирины. — Очень даже неплохо.

Глава 6

1

Настя Каменская задумчиво разглядывала фотографию молоденького Кости Малушкина, убитого 29 сентября около 19 часов на территории стройки возле станции метро «Таганская». Костю обнаружили бомжи, которые залезли на стройку в надежде устроиться на ночлег. Отсутствие Малушкина на месте было замечено почти сразу же, но поискать его на огороженной стройплощадке никому почему-то и в голову не пришло. В 37-м отделении милиции, на котором «висело» убийство милиционера, с Настей разговаривал симпатичный оперативник, почти такой же молоденький, как убитый Малушкин, и оттого, наверное, горящий желанием раскрыть преступление и найти убийцу. Он не привык еще к мысли о том, что раскрываются далеко не все преступления, причем не из-за глупости и нерадивости сыщиков и следователей, а по естественным жизненным законам, и думал, что вот он, полный сил, энергии, новейших знаний и неистребимого желания работать, покажет всем этим заскорузлым лентяям и пьяницам, как надо искать преступников.

Он читал сообщение, которое написали для него на Петровке, в МУРе:

«Оперативно-розыскными мероприятиями установлено, что 29 сентября сего года около 18.30 к сержанту Малушкину, несшему службу в вестибюле станции метро «Таганская-радиальная», подошла девушка и передала ему записку следующего содержания: «Мужчина в светло-коричневом плаще, возраст примерно 35 — 38 лет, рост примерно 180 см, левую руку держит в кармане». Данная информация получена в результате оперативно-го контакта с человеком, написавшим записку. От участия в гласных мероприятиях установленное лицо отказалось, но достигнута договоренность об ее использовании в оперативно-розыскных мероприятиях.

Информация доводится для оперативного использования, все мероприятия по проверке и уточнению данной информации прошу согласовывать с нами.

Начальник отдела МУР ГУВД г. Москвы
полковник милиции В. А. Гордеев»

— Но при нем не было никакой записки, — растерянно сказал оперативник.

«Конечно, не было, — про себя ответила Настя. — Еще не хватало, чтобы она там была. Тогда меня можно было бы провожать на пенсию без выходного пособия».

— Может быть, он передал ее дежурному? — предположила она. — Все-таки это неприятно, когда по метро разъезжает сексуальный психопат, согласитесь.

— У меня таких сведений нет. Во всяком случае, никто из сотрудников милиции на «Таганской» об этом не упоминал, а ведь это было примерно за полчаса до его убийства, так что они не могли об этом не вспомнить или промолчать.

— Будем надеяться, что вы правы. Если Малушкина убили из-за этой странной записки, то появляется хоть какой-то проблеск.

— Анастасия Павловна, а почему ваша девушка не хочет дать показания?

«Потому что я сама этого не хочу. Как только моя девушка окажется в отделении милиции или в прокуратуре, последствия могут наступить

непредсказуемые. Эти челноки оказались жертвой собственного бизнеса. Они ездят в Турцию и Грецию и привозят оттуда товар дешевый, а значит, типовой и однообразный по расцветке и фасону. Вся Москва ходит, одетая в греческие шубы, турецкие дубленки, турецкие куртки и плащи. И все они как на подбор черного или коричневого цвета. Даша написала записку о человеке в коричневом плаще, который приставал к женщинам в метро, а оказалось, что это описание вполне подходит к совсем другому человеку примерно такого же роста и возраста, который тоже носит коричневый плащ. Только этот человек не худой, как тот, что приставал к Даше, а полный. Вот и вся разница. И еще рука в кармане. С рукой что-то не так. Это надо обдумать. Но так или иначе, написав эту записку, Даша мгновенно превратилась в опасную фигуру. Видно, они занимаются каким-то темным бизнесом, и им очень не хотелось, чтобы кто-то зафиксировал их пребывание в метро. Господи, бедная девочка, они три недели ходят за ней по пятам, проверяют весьма своеобразным способом ее контакты, воруя у людей документы, и чего-то ждут. Какое счастье, что они до сих пор не причинили ей никакого вреда. Да если Дашка только подойдет

к зданию милиции, ей конец».

— Будем считать, что вы не задавали мне никаких вопросов, — сухо сказала Настя юному ретивому оперативнику. — И никакой «моей девушки», которая что-то хочет и чего-то не хочет, не существует. А существует оперативная информация, которой я, добрая старая тетка Настасья, с вами поделилась. У меня свои дела, и, разбираясь с ними, я, вполне вероятно, раскрою убийство Малушкина раньше вас. Но я с вами, сударь, не соревнуюсь, поэтому если узнаю что-нибудь новое, то обязательно сообщу вам. При одном условии: вы никогда больше не будете задавать мне дурацких вопросов.

— Почему дурацких? — обиделся парнишка.

— Потому что когда у вас будет своя агентура, вы поймете, сколько труда, терпения, таланта, времени нужно потратить, чтобы завербовать мало-мальски стоящего человека, который может иногда быть хоть чем-то вам полезен. Хороший агент стоит дороже платины, и вы костьми ляжете, но никому не позволите его расшифровать только лишь потому, что этот кто-то хочет получить от него показания. Крутитесь сами, все, что нужно, вам написали в сообщении.

Выйдя из отделения милиции, Настя поплелась

на работу. В дежурной части взяла журнал и принялась делать из него выписки. Если Даша была так для них опасна, что они пошли на убийство милиционера, чтобы забрать написанную ею записку, то не попал ли в их поле зрения тот психопат, который подошел к ней вплотную и которому она сказала несколько слов?

Выписав данные о всех криминальных трупах, обнаруженных в течение периода от 29 сентября и до сегодняшнего дня, Настя стала прикидывать, как ей побыстрее и без лишних разговоров собрать фотографии убитых. Поразмышляв, она поняла, что нужно идти к начальству.

Виктор Алексеевич Гордеев, как обычно, «переходил» ангину на ногах, вследствие чего остался без голоса и общался с подчиненными при помощи мимики, жестов, а также ручки и бумаги. Для ведения телефонных переговоров он посадил в свой кабинет девушку из секретариата.

Настю Колобок встретил приветственным жестом и вопросительным взглядом. Потом перевел взгляд на телефонную барышню. Настя слегка кивнула. Полковник тут же начертал записку и сунул ее под нос девушке. Та прочитала и радостно вспорхнула с места.

— Если я понадоблюсь, вы мне позвоните, —

прочирикала она и умчалась.

— Виктор Алексеевич, у меня образовался выход на убийство милиционера, которое было в конце сентября на Таганке. Сержант Малушкин. Помните?

Колобок кивнул в знак согласия круглой лысой головой.

— В то же время по тому делу, по которому я использую людей Денисова, у меня ясности почти никакой нет.

Колобок сделал выразительный жест, означавший: «Значит, ты все-таки используешь людей Денисова? Упрямая непослушная девчонка!»

— У меня есть веские основания подозревать, что одновременно с убийством милиционера или, может быть, чуть позже, спустя несколько дней, был убит еще один человек. И убит он был теми же самыми людьми, которые убили Малушкина. Я не знаю, кто этот человек, как его зовут, где живет, я не знаю о нем совершенно ничего, кроме самых общих примет внешности. Но есть девушка, которая может его опознать. Она видела его всего один раз, но у нее профессиональная память на лица и приметы.

Колобок снова кивнул, всем своим видом показывая, что слушает очень внимательно.

— Я хочу попробовать предъявить ей для опознания фотографии всех убитых после 29 сентября. При этом фотографии лучше прижизненные. Например, те, которые есть в паспортных столах. Конечно, если убитый получал паспорт не в Москве, то придется предъявлять посмертный снимок.

Гордеев покрутил руками в воздухе и сделал круглые глаза, что должно было означать: «Ну так предъявляй. В чем проблема-то?»

— Проблема у меня всегда одна и та же, — вздохнула покаянно Настя. — У меня нет сил ездить по отделениям милиции и по следователям, ведущим эти дела, в поисках фотографий. Во-первых, вы же сами меня не отпустите на целый день.

И снова последовал утвердительный кивок круглой головы, мол, естественно, не отпущу, будешь еще в рабочее время всякими глупостями заниматься, когда дел — выше крыши.

— Во-вторых, — невозмутимо продолжала она, словно не видя выражения лица начальника, — я не могу ездить через весь город туда и обратно, у меня не хватит здоровья на эти путешествия. А результат предъявления фотографий может оказаться очень полезным для раскрытия убийства Малушкина. Конечно, на нас оно не висит, но

ведь коллега все-таки, грех не помочь, если есть возможность. Как вы считаете?

Гордеев безнадежно махнул рукой, достал из стола чистый бланк и принялся его заполнять. Потом написал на отдельном листке длинное послание, прикрепил его скрепкой к бланку. Наконец еще на одном листке накорябал:

> «Тебе уже за тридцать, перевоспитывать тебя поздно. Выпороть бы тебя как следует ремнем по заднице за твою лень, да боюсь, без толку. Работай. Желаю удачи».

2

На следующий день вечером Настя снова раскладывала перед Дашей фотографии, на этот раз уже другие. Они стояли в примерочной магазина «Орион», задернув шторку и используя вместо стола два сдвинутых вместе стула.

— Нет, его здесь нет, — наконец ответила Даша, перебрав и пересмотрев больше сотни фотографий.

— Дашенька, давай еще разок попробуем, — умоляюще попросила Настя. — Не торопись, смотри внимательно. Он обязательно должен здесь быть. Пойди принеси мне что-нибудь примерить, а то как бы наши друзья на улице не заволновались, и посмотри еще раз.

Но и вторая попытка успеха не принесла. Даша Сундиева твердо стояла на том, что среди предъявленных ей фотографий нет фотографии мужчины, приставшего к ней в метро. Сама Даша расстроилась не меньше Насти.

— Это плохо, что я его не опознала? — робко спросила она.

— Конечно, плохо, — вымученно улыбнулась Настя. — Это значит, что на самом деле я куда

глупее, чем выгляжу и нежели кажусь.

— Как вы сказали? — залилась смехом Даша.

— Это не я сказала, а Игорь Губерман. Есть такой замечательный поэт. Ладно, Дашенька, будем считать, что я грубо ошиблась и меня постигла заслуженная неудача. Забудем все, что было, и начнем сначала.

Она медленно шла по Тверской в сторону метро, отметив, что сегодня около магазина дежурит Костыря, и в какой-то момент острое тревожное чувство снова вернулось к ней, но сейчас голова ее была занята совсем другими вещами, и она не обратила внимания на сигнал, который посылало ей подсознание.

Даша не узнала среди убитых того мужчину, и это означает, что вся схема с самого начала была выстроена неправильно. Настя исходила из того, что Даша представляет для кого-то очень серьезную опасность, и поэтому тщательно проверяются ее контакты, причем не все, а лишь некоторые, которые охвачены каким-то общим признаком. Например, продавцов в магазинах, где Даша покупает продукты, никто, судя по всему, не проверяет. Хотя как знать, может быть, и их проверяют… Но если это так, то мужчину обязательно должны были проверить, и не про-

сто проверить, а убить, точно так же, как убили милиционера Костю Малушкина.

Что-то все время не сходится, думала Настя, в моей схеме есть какой-то дефект, из-за которого конструкция постоянно разваливается. Почему же они не убили этого психа? Ведь за ним пошел Удунян, Даша видела его рядом с мужчиной в светло-коричневом плаще, значит, контакт Даши и психа не остался незамеченным. Так почему же его не убили? Потому что он объяснил Удуняну, что никакого отношения к Даше не имеет, а просто пытался достичь оргазма, засунув руку ей между ног? Бред. Ни один человек, даже полный псих, не признается в этом первому встречному, если его не поймали с поличным. И потом, даже если допустить невероятное и псих во всем признался Удуняну, это должно было автоматически означать, что Даша — лицо случайное и никакой опасности не представляет. Более того, поговорив с психом, они должны были сообразить, что записка написана именно о нем, а не о том толстяке, который так неаккуратно обращается со своим «дипломатом». И в этом случае они не следили бы за Дашей целых три недели. А если они все-таки за ней следят, значит, не знают, что мужчина в светло-коричневом плаще с засунутой в карман

левой рукой является сексуальным психопатом, и считают, что он и Даша — звенья одной цепи. Значит, остается всего два варианта: либо они и за ним следят точно так же, как за Дашей, в надежде что-то выяснить, либо они его убили. Но если они его убили, то где труп? Спрятали? А если не убили, то почему?

Информация, исправно поставляемая Бокром и его командой, однозначно свидетельствовала о том, что те трое следят только за Дарьей, все остальное время тратя на шмоточные дела. Опять же получается два варианта: либо псих жив и за ним следят какие-то другие люди, либо за ним не следят совсем. Если в этой организации так много народу, что они могут себе позволить выделять на каждый объект по три человека, то опять-таки непонятно, почему эти люди не меняются. Куда разумнее было бы не заставлять одну и ту же троицу пасти на протяжении двадцати трех дней одного и того же человека, а перебрасывать их с объекта на объект, чтобы снизить риск, что их заметят и узнают. Что, руководитель этой организации не может додуматься до такой простой вещи? Тогда как же он руководит целой организацией, в которой одних «наружников» как минимум шесть штук?

А если псих жив и за ним не следят? Стало быть, знают, что он не опасен. Но тогда из этого неумолимо вытекает, что не опасна и Даша. Значит, его все-таки нет в живых. Так где же он, в конце-то концов, живой ли, мертвый ли, но где он?

Мучительно болела спина, и, войдя в метро, Настя села на скамейку, чтобы подождать, когда боль хоть немного утихнет. Мысль о том, что нужно ехать на край города, на «Щелковскую», приводила ее в ужас. Она прислонилась спиной и затылком к мраморной стене, крепко обхватила свою необъятную сумку и прикрыла глаза. Почему же не убили психа? Чтобы спрятать тело, нужны определенные усилия. Вот, например, тело милиционера Малушкина они же не спрятали, хотя по уму-то надо было бы это сделать. Значит, не было возможности, людей мало или еще какие-то причины. За психом поехал Удунян. Один? Или их было несколько? Если один, то вряд ли сумел бы спрятать тело так, чтобы его три недели не нашли. Такое возможно только при очень благоприятном стечении обстоятельств. Например, при наличии рядом глубокого водоема или если стоит снежная зима. Неужели Удуняну так повезло? Или психа все-таки не убили? Вопросы, вопросы, вопросы…

— Вы не проспите?

Настя быстро открыла глаза и с изумлением увидела рядом с собой Бокра в неизменном длинном сером пальто и серой шапочке с голубой полоской.

— Что вы здесь делаете, Бокр?

— Вас охраняю. Я как раз принес новую кассету своему парнишке, который ходит за Костырей и снимает видеокамерой каждый его шаг, смотрю — мать честная! Это же сама Анастасия Павловна из магазина выходит! И вид у нее какой-то усталый и болезненный, и ноги она еле-еле волочит, и личико бледненькое. Батюшки, думаю, уж не заболела ли моя работодательница, как хлопнется сейчас с сердечным приступом — мне же Эд Бургундский башку отвинтит, мол, не уберег, просмотрел, допустил до беды. А потом еще дядя Толя добавит. Так что я уж за вами следом, потихонечку, полегонечку, чтобы, значит, помочь, если надо будет. Так как, Анастасия Павловна?

— Что — как?

— Надо помогать?

— Надо. Отвезите меня домой, пожалуйста. У вас есть машина?

— Обижаете, хозяйка. У людей Эда Бургундского есть все, даже собственные самолеты, если

нужно. Хотя у меня лично нет ни кола ни двора. И машины, разумеется, тоже нет. Так что, идем?

— Идем.

Они поднялись наверх и вышли из метро обратно на Тверскую. Тут же перед ними остановился неприметного вида отечественный автомобиль, за рулем которого восседал веселый, круглый, как пончик, усатый парень в шапочке с цветным помпоном. Он был полной противоположностью Бокру: если тот состоял из одного серого цвета, то парень за рулем весь переливался, как цветной мультфильм: красно-зеленая куртка и красная шапочка с зеленым помпоном так бросались в глаза, что на лицо внимания уже не обращали. А уж если добавить к этому лазурно-синий шелковый шарф, мягко струящийся по выпуклому животику, то получался, пользуясь словами Бокра, полный пердимонокль. Грамотно, подумала Настя, если парня переодеть, его невозможно опознать. Окажется, что его лица никто не видел или не запомнил.

Она с удовольствием устроилась на заднем сиденье, повернулась боком и даже смогла вытянуть ноги. Бокр уселся впереди, рядом с водителем. В дороге он молчал и, только когда машина подъехала к дому на Щелковском шоссе,

спросил:

— Когда мне прийти с докладом?

— Пойдемте вместе, — предложила Настя. — Поужинаем, и вы мне все расскажете.

Бокр отрицательно покачал головой.

— Назначьте мне время. Ужинайте, отдыхайте, а я приду когда нужно.

— Но почему бы не сейчас? — продолжала настаивать она. — Зачем вам уезжать, потом снова приезжать, раз уж вы все равно здесь.

Но Бокр оказался на удивление упрям.

— Назначьте мне время, — твердо повторил он, и Настя вдруг поняла, что настаивать бесполезно. Он не пойдет к ней ужинать. Он точно и определенно знает свое место и не собирается сокращать дистанцию между собой и сотрудником уголовного розыска. Да, посмеяться, пошутить, выполнить поручение, посочувствовать, помочь… Но не сидеть за одним столом.

— Хорошо. Приходите через час, — сдалась она.

3

Генерал Вакар встал в конец бесконечно длинной очереди на почте. Почему-то прием денежных переводов осуществлялся в том же окошке, что и выплата пенсий, и очередь продвигалась медленно из-за того, что подслеповатые, с дрожащими руками пенсионеры долго искали, где расписываться, по полчаса вписывали в карточку полученную сумму, а потом дотошно, по десять раз переспрашивая, выясняли у девушки за стойкой, почему им в этот раз заплатили не столько же, сколько в прошлом месяце.

Уже скоро год, как он каждый месяц встает в эту очередь и переводит деньги женщине, которую совсем не знает, которую видел всего несколько раз. Но он знает, что обязан это делать. Это его долг.

В последнее время он стал ненавидеть это слово. Почти полвека оно было тем стержнем, на котором сформировалась личность Владимира Вакара и который не давал ей рассыпаться, развалиться, сломаться, как это произошло с его дочерью, с его Лизонькой. Вакар всегда знал, в чем состоит его долг солдата. И он всегда знал,

в чем состоит его долг мужа и отца. Он должен защитить свою семью. Он должен содержать свою семью. Он должен обеспечить своей семье если не счастье, то по крайней мере покой. Как он будет это делать, трудно ли ему это делать, никого касаться не должно. Важен результат.

Когда в дом пришло горе, Вакар знал, что его долг — сделать все возможное и невозможное, чтобы вернуть жене и дочери душевное равновесие. Он — муж и отец, и кто же еще обязан это сделать, если не он?

Сначала он думал, что обойдется «малой кровью».

— Я не могу мстить детям, — сказал он Елене, и она ответила:

— Хорошо, я подожду, пока они вырастут.

Троим из них было по тринадцать, и только одному из них как раз в тот день исполнилось четырнадцать. Собственно, отмечая его день рождения, они и напились, и уселись играть в карты со старшим братом именинника, отпетым уголовником, работавшим в магазине рубщиком мяса. Там, в подсобке, они и играли. Проигрыш пацанов оказался огромным, но они не обращали на него внимания, думая, что это не всерьез. Но мясник по фамилии Орешкин, старший брат

Юры Орешкина, заявил, что он с ними играл как со взрослыми, драгоценное время тратил, так что будьте любезны вернуть проигранное. Денег у ребят, естественно, не оказалось, и тогда долг был заменен «американкой» на первого же пацана в голубой куртке. Пьяные, полностью попавшие под кураж многократно судимого подонка мальчишки взяли ножи, встали у открытой двери на улицу и терпеливо ждали, когда мимо них пройдет мальчик в голубой курточке. Лил проливной дождь, народу на улице не было совсем, и ждать им пришлось долго. Но они дождались.

Следователь объяснила Вакару, что по закону ребенок считается достигшим четырнадцатилетия после двадцати четырех часов дня своего рождения. Поскольку убийство было совершено Юрой Орешкиным до полуночи, хотя и в день рождения, то и он считается тринадцатилетним и уголовной ответственности не подлежит. Остальным троим четырнадцать должно было исполниться в течение трех-четырех месяцев.

Таким образом, до их совершеннолетия нужно было ждать четыре года, и Владимир надеялся, что за это время жена и дочь придут в себя и оставят свою чудовищную идею. Четыре года прошли как в кошмаре. Дом, превращенный

в мавзолей, вечно черная одежда, постоянные походы в церковь, свечи, иконки, лампадки, разговоры о витающей над ними неотмщенной невинной душе ребенка… Вакар чувствовал, что сходит с ума. Но ему и в голову не приходило оставить жену или начать ее ненавидеть. Елена — его жена, мать его детей, и он будет любить ее, что бы ни случилось, какие бы отвратительные поступки она ни совершала, просто потому, что она его жена, данная ему судьбой до самой смерти. И его долг мужа — защитить Елену, дать ей душевный покой.

Спустя четыре года, в 1989-м, Елена напомнила ему:

— Им в этом году исполняется восемнадцать. Я жду, когда ты сдержишь свое слово. И Андрюшенька ждет, не забывай об этом.

Вакар навел справки обо всех четверых. Юрий Орешкин только что вернулся из колонии, где отбывал срок за злостное хулиганство, и призыву в армию не подлежал. Все остальные должны были идти служить. Вакар с облегчением вздохнул — ему дали отсрочку на два года. Но дома становилось все хуже.

Тогда он попросил направить его в Карабах. Два года, пока убийцы его сына были в армии,

он участвовал в боевых действиях, он просился во все «горячие точки», только чтобы поменьше бывать дома, чтобы не видеть жену и не слышать ее бесконечных упреков и причитаний по поводу не находящей покоя Андрюшенькиной души.

В 1991 году Елена снова проявила жесткость:

— У тебя больше нет причин тянуть. Или ты сделаешь это сам, или я найду людей и заплачу им, чтобы они сделали это.

Вакар с ужасом подумал о том, что она действительно найдет людей, которым заплатит за четыре убийства, но если они попадутся, то Елена пойдет в тюрьму вместе с ними как организатор. Этого он не мог допустить.

Орешкина он увидел случайно. Тот стоял в километровой очереди за водкой, пьяный, неопрятный, отвратительный. Владимир встал в сторонке и стал наблюдать за ним. Орешкин торговал очередью. Занимал ее постепенно в десяти-пятнадцати разных местах, потом подходил в конец и предлагал свое место за три рубля. Стал накрапывать мелкий дождик, и Вакар спрятался в ближайший подъезд, где стоял, не спуская глаз с опухшей небритой физиономии. Это не человек, думал Владимир Сергеевич, это уже давно не человек, а плохо функционирующий организм.

И эта гадость, это ничтожество отняло жизнь моего сына.

Орешкин продал очередь, сунул в карман очередную мятую «треху» и двинулся в сторону подъезда, где стоял Вакар. Не обращая внимания на стоящего рядом человека, расстегнул штаны и начал мочиться.

— Эй, мужик, здесь не общественный сортир, — миролюбиво и вполне спокойно заметил Вакар. В ответ раздалась такая грязная брань, какую Вакару не приходилось слышать ни в одной армейской казарме, а повидал он их немало в своей жизни. Хуже того, брань сопровождалась отчаянным зловонием, исходившим от Орешкина и его поганого рта. Владимир даже не успел сосредоточиться перед ударом, он просто нанес его коротко, сильно, профессионально. Автоматически. Десантная выучка, замешанная на отвращении и ненависти.

Орешкин умер сразу. Его тело смятым кульком валялось под ногами у Владимира, в подъезде пахло кошками и мочой, на улице шел дождь, и люди стояли в очереди за водкой. Все было как обычно. Ничего не изменилось. Генерал Вакар превратился в убийцу. Была осень 1992 года.

Он обшарил карманы Орешкина и нашел заса-

ленный паспорт. Спрятав его, спокойно вышел из подъезда и отправился домой. Жил он на соседней улице.

Дома молча подал жене грязный паспорт Юрия Орешкина. Та просветлела.

— Свершилась воля твоя, Господи, — торжественно произнесла Елена. — Наконец-то праздник пришел в наш дом.

В этот день впервые за много лет в доме снова запахло пирогами, и Владимир снова почувствовал пусть слабый, но все же аромат той *семьи*, о которой он мечтал в детстве и которую пытался построить, став взрослым. А в эту ночь Елена впервые после гибели сына пустила Владимира в свою постель.

Он не ожидал, что переживет первое убийство так легко. Он думал, что будет страдать, маяться, может быть, ему захочется напиться… Но ничего такого не произошло. У Вакара было такое ощущение, как будто он раздавил грязного таракана, бегущего по чистому кухонному столу.

Вторым на очереди был Николай Закушняк, мелкий рэкетир, собирающий дань «за охрану» на начавших в изобилии плодиться муниципальных рынках и базарчиках. За ним Вакар ездил несколько месяцев, пока не подвернулся удоб-

ный случай. Закушняк поставил свою машину в ремонт и несколько дней вынужден был передвигаться пешком или на общественном транспорте. Владимир подстерег его, когда Закушняк поздно вечером направлялся от подружки домой.

— Коля! — окликнул его Вакар, притормаживая рядом. — Николай!

Закушняк остановился и непонимающе уставился на солидного немолодого мужика.

— Вы меня? — неуверенно спросил он.

— Тебя, конечно, — засмеялся Вакар. — Ты же Колька Закушняк из дома 24? Верно?

— Верно. А вы кто?

— А я в соседнем доме живу. Да я тебя еще пацаном помню. Ты домой? Садись, подвезу.

Николай без колебаний сел в машину. Лицо водителя показалось ему знакомым, видно, он и впрямь частенько встречал его во дворе возле дома.

В тихом безлюдном переулке Вакар вдруг остановил машину и схватился за сердце.

— Что с вами? — испугался Закушняк.

— Ничего, — поморщился Вакар, — меня иногда прихватывает. Возраст, знаешь ли. Там, на заднем сиденье, сумка-визитка лежит, в ней лекарство. Достань, будь другом.

Николай повернулся спиной к Вакару и потянулся к правому углу заднего сиденья, где лежала небольшая черная кожаная сумочка. Через полминуты все было кончено. Генерал Вакар не пользовался ничем, кроме собственных рук, сильных, умелых и тренированных. Он отвез тело Николая обратно к дому, где жила его подружка, и осторожно занес его в подъезд. Время было позднее, и никто Вакара не видел.

И снова в доме был праздник, и снова Елена пустила Владимира к себе. На этот раз праздничная атмосфера длилась долго, почти два месяца. Елена повеселела, стала чаще улыбаться, иногда снимала свой черный наряд и надевала что-нибудь светлое. Вакару казалось, что и Лизе стало полегче.

Самым трудным оказался третий, Равиль Габдрахманов. К тому моменту, как Вакар его нашел, Равиль закончил банковский техникум, работал в сбербанке и учился на вечернем отделении экономического института. В 1993 году ему было двадцать два года, но он уже был не только мужем, но и отцом. Славный, субтильный, с хорошей доброй улыбкой, он никак не походил на человека, на совести которого чья-то смерть, хоть и давняя. И жена у него была молоденькая,

совсем девочка.

Вакар ходил за ним всю весну, лето, осень и никак не мог решиться. Не поднималась у него рука на Равиля Габдрахманова. Наконец поздней осенью 1993 года он сделал это. Но с тех пор каждый месяц исправно приходил на почту, отправлял деньги, а на бланке указывал адрес и имя получателя: «Габдрахмановой Розе Шарафетдиновне».

С каждым совершенным убийством, с каждым актом возмездия Елена расцветала, встряхивалась, и семья понемногу начинала приобретать черты той *семьи*, о которой когда-то мечтал Вакар. Владимир выполнял свой долг, как он его понимал, оберегая Елену от тюрьмы, а дочь — от пожизненной психушки, пытаясь вернуть им обеим душевный покой, пусть даже ценой разрушения собственной жизни. Но в последнее время он все чаще думал о том, что понимал свой долг мужа и отца совсем неправильно. Пятьдесят лет он прожил на свете с нежизнеспособной идеей, которая в конце концов обернулась трагедией. И он стал ненавидеть слово «долг».

4

Через час, минута в минуту, явился Бокр. Настя успела поужинать, переодеться и даже принять душ, чтобы горячей водой успокоить ноющую поясницу.

— Что ж, Анастасия Павловна, — доложил он, — могу сообщить, что ничего нового с нашими героями не происходит. Круг общения остался тем же, хотя нам удалось вычленить около двадцати человек, с которыми троица плюс Резников общаются более или менее постоянно. Вот их фотографии, вот их фамилии и кое-какие установочные данные. Небогато, конечно, но я, знаете ли, не люблю разбрасываться и судорожно бросаться проверять всех подряд. Вы посидите тихонечко, подумайте, кто из этого списка интересен вам в первую очередь, тогда мы займемся им вплотную.

Однако изучение списка и фотографий ни на что Настю не подвигло. У нее в руках не было никакого ключа, при помощи которого она могла бы выбрать из списка объекты первоочередной проверки. Все они были челноками, все до единого крутились вокруг «купи-продай», систе-

матически летали в Турцию, Грецию, Арабские Эмираты и Таиланд.

— Знаете, Бокр, у меня есть основания подозревать, что Удунян совершил убийство. Было это 29 сентября или чуть позже. Но трупа нет. То ли он его куда-то спрятал, то ли я не знаю что… Вы могли бы «прокачать» его на этот предмет?

— Сделаю все возможное, — кивнул серенький человечек, мелькавший перед Настей взад-вперед по комнате. Сегодня на нем опять были голубые носочки.

— Только не забывайте, пожалуйста, мои условия, — попросила Настя.

— Конечно, конечно, — усмехнулся Бокр. — Бить нельзя, травить нельзя, но врать можно. Вы можете назвать мне имя жертвы?

— В том-то и дело, что я не знаю. Просто мне достоверно известно, что Сурен Удунян увидел в метро одного человека и пошел за ним следом. Я не знаю, кто этот человек, но мне кажется, что Удунян должен был его убить. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Возможно, вам удастся выяснить, что он жив.

— Значит, человек из метро, — задумчиво протянул Бокр. — Не густо. Может, какие-нибудь особые приметы? Шрамы с головы до ног, лысина

до плеч или еще какой-нибудь прибамбас? Я же должен выстроить мизансцену и вплести в нее упоминание об этом человеке. Значит, он должен быть легко узнаваем.

— Не знаю, — честно призналась Настя. — Вы подумайте до утра, как вы будете «прокачивать» Удуняна, а я подумаю про идентифицирующие признаки. Позвоните мне в половине восьмого.

Бокр ушел, и Настя улеглась в постель. Сна не было. Ей не давала покоя мысль об убийстве, возможно, совершенном Удуняном. Почему же он не убил психа? Ведь по всей логике событий он должен был это сделать. А если убил, то где труп? Иногда в размеренный ход мыслей врывался противный холодок где-то в области желудка, и Настя вспоминала про встревоживший ее эпизод в Конькове. Что-то в нем было не так.

Часа в четыре утра она вдруг подпрыгнула на диване и включила свет. Поколебавшись минуту между нежеланием вылезать из теплой постели и стремлением решить очередную задачку, она встала и достала с полки несколько толстых томов энциклопедии. Притащив их на кухню, зажгла газ, поставила на огонь чайник и углубилась в чтение. Через полчаса, выпив две чашки кофе и просмотрев несколько десятков статей, она уже

мечтала о том, чтобы скорее наступило утро и она могла начать задавать новые вопросы.

Глава 7

1

— Ах ты, звездочка моя, пришла наконец к дедушке Гургену, порадовала старика, — гудел на всю секционную грузный громогласный судмедэксперт Гурген Арташесович Айрумян. — А я смотрю — двадцатое число прошло, а рыбочка моя молчит, не звонит, носа не кажет. Ну, думаю, не иначе в отделе по тяжким насильственным власть переменилась.

Каждый месяц к двадцатому числу Анастасия Каменская должна была готовить для Гордеева справку обо всех совершенных в Москве убийствах и о ходе работы по их раскрытию. В этих справках анализировались сами преступления, новые способы их совершения и сокрытия следов, новые причины и мотивы убийств, а также новые оригинальные приемы работы оперативных аппаратов и допускаемые ими ошибки и промахи. И каждый раз, готовя такую справку, Настя получала длительные и подробные консультации у старого опытного эксперта Айрумяна. Гурген Арташесович в Насте души не чаял, считая ее образцовой серьезной молодой женщиной с прекрасным образованием и без глупостей в голове.

Сам он без конца жаловался ей на своих двух внучек, бегающих на свидания и дискотеки, не желающих получать университетский диплом и ежедневно устраивающих на своих юных свежих личиках музей Прадо.

— Гурген Арташесович, я ищу труп, — начала Настя совершенно серьезно.

Айрумян огласил свое невеселое учреждение новым раскатом хохота.

— Эка удивила! А что ж еще здесь можно искать, если не покойников? Тебе какой? — деловито осведомился он.

— Какой-нибудь некриминальный, — попросила она.

— Это что-то новенькое в нашей практике. — Айрумян внимательно поглядел на Настю. — Ну-ка выкладывай, что у тебя за проблема.

— Понимаете, есть человек, который… Которого… Одним словом, его должны были убить, но среди убитых его нет. Остается два варианта: или труп спрятан и его пока не нашли, или он не проходит по разряду криминальных. Ведь такое может быть?

— Очень даже свободно, — кивнул Гурген Арташесович. — Тому есть масса исторических примеров. Помнишь в 1992 году Филатову?

Убийство, замаскированное под смерть от электротравмы. Нам ведь тогда чистая случайность помогла понять, что это было все-таки убийство, а то и прошло бы как несчастный случай. И еще ты ко мне как-то приходила по поводу давнего убийства спившегося алкаша, помнишь? Ты еще спрашивала меня, можно ли спаиванием умышленно довести до летального исхода человека, у которого вшита «эспераль».

— Помню, — кивнула Настя. — Вы сказали, что запросто можно. Так вот я хочу выяснить, не спрятался ли мой покойник где-нибудь среди таких случаев.

— Выясняй, — кивнул Айрумян. — Все, что знаю, — расскажу, попугайчик мой пестрокрылый.

— По-моему, я больше похожа на старую общипанную попугаиху, — отшутилась Настя. — Мне нужны сведения о мужчинах примерно 35 — 38 лет, высоких, худосочных, доставленных в морги в связи с внезапной смертью. К вам они могли и не попасть, если причина смерти явно не носит криминального характера.

— За какое время?

— Начиная с 29 сентября и по сегодняшний день. Вы можете написать мне перечень причин

смерти, на который я смогу ориентироваться, обзванивая морги и больницы?

— Могу, ягодка моя, дедушка Гурген все может, но вряд ли тебе это нужно.

— Почему?

Он сделал такое лицо, какое бывает у фокусников перед тем, как сдернуть шелковое покрывало и предъявить изумленной публике трех поросят вместо ожидаемых пяти кроликов.

— Потому что я сам лично делал вскрытие Берковича Станислава Николаевича, доставленного в аккурат 29 сентября и скончавшегося внезапно прямо на улице неподалеку от собственного дома. Проляпс митрального клапана. Мгновенная смерть.

— Не может быть! — едва слышно выдохнула Настя, не смея поверить в удачу. Хотя по законам теории вероятностей ничего сверхъестественного в этом не было, потому что на поиски психа среди криминальных трупов было затрачено очень много усилий, а постигшую ее неудачу Настя переживала весьма болезненно.

— Очень даже может, золотко мое. Именно высокий, именно худосочный, малокровный, типичный носитель врожденного порока сердца. В причине смерти я не сомневался и сейчас не

сомневаюсь, ты же знаешь, я к старости стал подозрительным, все по десять раз перепроверяю. Никто его не убивал. Но кто-то его очень сильно напугал.

— Откуда вы знаете? — встрепенулась Настя.

— У него на щиколотке довольно большой след, образовавшийся от удара, нанесенного практически в момент наступления смерти. След этот такой, что… Ну, короче, тебе эти премудрости ни к чему, главное — он не мог сам удариться обо что-нибудь. Его ударили по ноге. Может быть, хотели сбить с ног, тут уж у меня фантазии не хватает, я человек сухой и мрачный, придумывать не умею. Аккурат в этот самый момент у него сердечко и остановилось. Я Берковича этого потому и запомнил, что в своем заключении про след от удара написал и все ждал, когда мне следователь позвонит, объяснений попросит каких-нибудь, что ли. Так и прождал. Потом спросил любопытства ради, а его, бедолагу, уж и схоронили давно. Видно, никакого криминала не усмотрели. Тебе копию заключения показать?

— Обязательно.

Она крепко зажмурилась и скрестила пальцы на засунутых в карманы руках. Вообще-то Анастасия Каменская не была очень уж суеверной,

но иногда… «Господи, сделай так, чтобы это был он. Пусть он будет в светло-коричневом плаще. Пусть на его нижнем белье будут следы. Следы обязательно должны быть. Я так хочу, чтобы мне наконец повезло и в этом проклятом деле хоть что-нибудь прояснилось…»

Идя вслед за Айрумяном из секционной в его кабинет, она мысленно твердила заклинание, держа пальцы по-прежнему скрещенными. В кабинете Гурген Арташесович открыл сейф и достал папку с копиями документов.

— Вот, смотри, рыбка моя вуалехвостая, твой дружок Беркович-то имел проблемы по части секса.

— Почему вы решили? — шепотом спросила Настя, у которой от волнения вдруг пропал голос. Она громко откашлялась, прочищая горло.

— На трусах следы спермы. Как ты думаешь, откуда возьмутся следы спермы на нижнем белье у человека, возвращающегося с работы? Да еще в таком изобилии. Если мужчина, прости за подробности, совершает половой акт и одевается, забыв принять душ, следы тоже остаются, но совершенно не такие, можешь мне поверить. Биохимический анализ может дать точный ответ на вопрос, был ли это акт любви с женщиной или,

пардон, с самим собой.

— Во что он был одет?

— Плащ светло-коричневого цвета, ботинки черные, костюм темно-серый в полоску, «тройка», сорочка белая, галстук, белье.

Настя вскинула вверх руки в победном жесте футболиста, забившего гол, кинулась на шею к грузному пожилому эксперту и тихонечко закричала:

— Я его вычислила! Я все-таки его вычислила! Ай да Аська, ай да умница!

— Нет, Анастасия Каменская, ты не умница, — одобрительно похлопывая ее по спине, проворчал Айрумян. — Ты совершенно чокнутая. Вычислила покойника трехнедельной давности — и счастлива, будто выиграла миллион долларов.

2

К вечеру Настя почувствовала себя совершенно разбитой. Народная поговорка «разом густо — разом пусто» оправдывала себя и в оперативной работе, когда какое-нибудь дело тянется томительно долго, не двигаясь с места, и все усилия кажутся напрасными, направленными «не туда»; с каждым днем тает оптимизм, исчезает надежда, слабеет желание довести начатое до победного конца, и вдруг в одну секунду все меняется, нужно спешно принимать новые решения, менять схемы, а главное — делать все очень быстро. И ведь что любопытно: такой прорыв почему-то случается по нескольким делам одновременно, и в такие дни Насте казалось, что весь ее организм превращается в компьютер с нервами, работающий с «запредельной» нагрузкой, что еще чуть-чуть — и в цепи произойдет замыкание, машина сгорит и навсегда выйдет из строя. Но нагрузка тем не менее продолжала увеличиваться, а компьютер по-прежнему безотказно работал, что неизменно повергало Настю в изумление. Поистине, резервы человеческие безграничны. Только почему-то к вечеру она была полумертвой от усталости.

Днем позвонил Денисов. Настя даже не ожидала, что так обрадуется его звонку.

— Как там мои ребятки? Нареканий нет? Справляются?

— Что вы, Эдуард Петрович, ваши ребятки — высший класс. Нам бы таких, — искренне ответила она.

— Не грешите, Анастасия, ваши люди ничуть не хуже. Просто вы бедные, поэтому у вас их мало. И на технику денег нет. Известно же, что, пытаясь экономить на правосудии, государство обрекает себя на новые человеческие жертвы.

— Вы, как всегда, правы, — вздохнула Настя.

— А как ваши успехи? — поинтересовался Денисов. — Польза есть какая-нибудь от вашей затеи?

— Пока сама не понимаю. Как сказал бы ваш Бокр, эпидерсия какая-то.

Денисов расхохотался в трубку.

— Он уже и вас заразил своей «куздрой», да? Вообще-то он золотой мальчик, толковый, творческий. Можете смеяться, но еще и патологически честный.

— Ну да? — усомнилась она. — А срок за грабеж?

— Так то когда было! Юношеская глупость. Поверьте мне, Анастасия, он — хороший мальчик.

— Ничего себе «мальчик», — усмехнулась она. — Он, наверное, мне ровесник, если не старше.

— Ну, деточка, — благодушно заурчал Эдуард Петрович, — мне уже столько лет, что все, кто моложе пятидесяти, для меня — дети. А Бокра вы берегите.

— Я буду стараться, — пообещала Настя, весьма смутно при этом представляя, от чего или от кого нужно оберегать забавного урку-лингвиста в трогательных носочках.

Еще ей нужно было встретиться с Дашей Сундиевой и показать ей новую серию фотографий, среди которых был и снимок Берковича. В «Орион» Настя подъехать не успела, поэтому решила встретиться с Дашей в университете после окончания вечерних занятий. Собственно, выбор у Насти был довольно узкий: либо магазин, где она могла уединиться с Дашей в примерочной под видом покупательницы, либо Дашина квартира, где она жила вместе с родителями, которых непременно пришлось бы посвящать в непонятную и не очень веселую историю. В общественных местах была опасность нарваться на наблюдателей. К себе домой Настя приглашать Дашу не рискнула из тех же соображений. Оставался университет.

— Вы меня подстрахуйте, — попросила она «золотого мальчика» Бокра. — Я хочу быть уверена, что мою встречу с Дашей челноки не зафиксируют.

Когда Даша вышла из лекционного зала, светлоглазый Сурик поджидал ее возле «курилки», смешавшись с толпой студентов. Она уже поравнялась с ним, как ее окликнула симпатичная толстушка в очках.

— Сундиева! Дашка! У тебя колготки «поехали». Сзади во-о-от такая дырища!

Даша изогнулась и растерянно посмотрела на ноги. На черных колготках действительно зияла огромная дыра.

— Ах ты черт, — с досадой пробормотала она. — У тебя есть иголка с ниткой?

— Вот, держи, — толстушка раскрыла сумку-портфель и достала из косметички катушку черных ниток и иголку.

Даша покрутила головой, ища, где бы ей устроиться.

— Иди в семнадцатую аудиторию, — подсказала толстушка, — там сейчас пусто.

— А если кто войдет? — с сомнением покачала головой Даша. — Представляешь, входит ректор, а я колготки зашиваю. Или еще лучше — наде-

ваю, задрав юбку.

— Не трусь, я покараулю снаружи. Пошли! — И толстушка решительно потянула Дашу к пустой аудитории, на которой красовалась выведенная мелом цифра 17.

Со своего поста возле «курилки» Сурику была хорошо видна несшая вахту толстушка. Вот к аудитории подошла парочка, парень с девушкой, хотели было войти, но толстушка решительно преградила им дорогу и что-то сказала, составив при этом из больших и указательных пальцев внушительный круг, видимо, демонстрируя им размер дыры на Дашиных колготках. Все трое весело расхохотались, и парочка удалилась.

Даша уверенно опознала Берковича с первого же взгляда.

— Вот он, — сказала она, беря фотографию двумя пальчиками, словно боясь запачкаться. При этом на ее приветливом лице появилось выражение гадливости, как будто она взяла в руки жабу.

Настя принялась собирать разложенные на столе фотографии, а Даша, ловко орудуя иглой, стала зашивать пресловутую дыру.

— Анастасия Павловна, а как эту девушку зовут? — спросила она, уже собираясь уходить.

— Девушку зовут Наташей. А тебе зачем?

— Ну как же, она же меня ждет под дверью, мне, наверное, нужно будет сейчас вместе с ней выходить на улицу. Я должна знать, как к ней обращаться. А вдруг глазастенький захочет послушать, о чем мы разговариваем?

Настя закрыла сумку и стала застегивать куртку.

— Поди-ка сюда, — позвала она Дашу.

Девушка подошла к ней совсем близко, и Настя мягко взяла ее за плечо.

— Ты что, совсем не боишься? — тихо спросила она.

— Теперь уже нет. — Даша светло улыбнулась и тряхнула медово-золотистыми кудрями. — Теперь вы взяли все в свои руки, чего же мне бояться. Мне интересно до ужаса! Такие приключения!

«Вот именно, до ужаса. Знаешь ли ты, малышка, что за тобой смерть ходит? Да и надо ли тебе об этом знать? Я взвалила на себя огромную ответственность, допустив всего одну ошибку, но ошибку непоправимую. Один раз уведя тебя от наблюдения, я, наверное, насторожила твоих преследователей, которые теперь укрепились в своих подозрениях, считая тебя чьим-то агентом. Но ведь тогда я еще не знала про Берковича. А

теперь ты стала для них еще опаснее, и что самое плохое — не без моей помощи. С этим надо что-то делать. Ты так веришь в меня, малышка, что я обязана сделать все возможное, чтобы тебя защитить».

— Дашенька, я не хочу тебя пугать, но… Давай считать, что ты моя помощница, мы с тобой просто вместе работаем над одним сложным и запутанным делом. Именно работаем. А любая работа требует спокойствия и сосредоточенности. Если ты будешь воспринимать то, что происходит, как детскую забаву и невероятные приключения в джунглях, есть опасность, что ты заиграешься. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, Анастасия Павловна, — серьезно ответила Даша. — Я буду вести себя аккуратно и осторожно. Знаете, я хотела вам сказать… Я очень люблю Сашу и собираюсь родить от него ребенка. Поэтому я буду очень осторожна. Вы за меня не волнуйтесь.

Она тихонько прикрыла за собой дверь в аудиторию номер 17, а Настя Каменская еще долго стояла как вкопанная, приходя в себя от удивления.

3

Игорь Ерохин вышел из ресторана на улицу и тут же заскочил обратно в вестибюль. Прижавшись к стене, он старался унять бешено колотящееся сердце. Опять этот человек! Теперь Игорь был уверен, что не обознался. Он видел это лицо несколько раз за последние дни. Неужели менты? Или конкуренты? С этим надо разобраться. Но как? Главный вопрос: говорить ли об этом Артему?

Он бросил жетон в телефон-автомат и набрал номер Виктора Костыри.

— Костыль, у тебя все спокойно? — спросил он как можно равнодушнее.

— Ты о чем? — не понял Костыря.

— Ты уверен, что на тебе «хвост» не висит?

— На все сто, — уверенно ответил тот. — Я проверяюсь.

— А Сурик ничего такого не говорил?

— Нет вроде. Да ты сам у него спроси. А чего?

— Ничего. Спрошу. Ладно, привет.

Повесив трубку, Ерохин не торопясь вышел из вестибюля и направился к своей ярко-красной «Ауди». Неужели этот мужик следит за ним?

Почему только за ним? Или следят уже за всеми, в том числе и за Артемом, только он, Игорь, заметил первым? Костылю можно верить, он очень внимательный и опасливый, потому что самый из них всех жадный, за каждый доллар готов удавиться. Он свою кормушку пуще глаза бережет. Нет, если бы за Костылем следили, он бы точно этого не упустил. Может статься, что дело только в одном Игоре, что он сам допустил какую-то ошибку и попал из-за этого под наблюдение. Значит, говорить об этом Артему нельзя, башку оторвет и денег лишит, он за оплошности наказывает сурово и на расправу крут. А вот если попробовать разобраться с мужиком самому и выйти на след конкурентов, то Артем не только похвалит, но и, бог даст, увеличит долю Ерохина при дележке.

Он огляделся по сторонам, но мужика нигде не увидел. Проехав два квартала, Ерохин заметил идущие следом белые «Жигули». Он резко увеличил скорость, «Жигули» не отставали, тогда он внезапно замедлил ход и пропустил машину вперед. Так и есть, тот самый мужик за рулем, проехал мимо, даже головы не повернул. Может, все-таки случайность? Но номер машины Игорь на всякий случай запомнил.

Заехав еще в пару мест по делам, Ерохин вернулся домой. Он бы с удовольствием поехал ночевать к Лоре, но Лора жила в новом доме в районе новостроек, там еще нет телефона, а Резников строго-настрого наказал, чтобы, пока ситуация с конкурентами не прояснится, он ночевал дома. Мало ли что может случиться, и каждый из них должен быть в любой момент, как выразился Артем, доступен срочному контакту. Приехать к нему на ночь Лора не могла — у нее маленький ребенок.

Жил Игорь в крошечной однокомнатной квартирке, самой дешевой, какую только смог найти. Квартирка была куплена на деньги, заработанные от челночных поездок и торговых операций. *Тех* денег он вообще не видел и в руках не держал. *Те* деньги переводились на счет в один из западноевропейских банков. Когда их накопится достаточно, он уедет из России и начнет жизнь заново, так, по крайней мере, обещал ему Артем.

Мать Ерохина по-прежнему жила в том же доме, где прошло его детство, и Игорь иногда навещал ее, хотя делал это крайне неохотно. Мать сразу же начинала ныть и причитать, что он не учится, не работает, как все приличные люди, что связался со спекулянтами. Никак не поймет

старушенция, что теперь нет спекулянтов, а есть свободная торговля. А институтский диплом можно засунуть себе в задницу, больше он все равно ни на что не годится. Вон Артем, к примеру, и институт окончил, и в науке работал, даже диссертацию защитил, а толку-то? Много ему диссертация эта денег принесла? Да ни шиша. Одна головная боль от нее. А Артем не дурак, и если бросил государственную службу и занялся торговлей, значит, так и в самом деле лучше.

Но как бы мать ни «пилила» Игоря, а ехать к ней все-таки придется. «Завтра же и съезжу, — решил он. — Куплю жратвы побольше да повкусней, отвезу ей, а то вечно она жалуется, что я ей не помогаю. Послушать ее, так у нее, кроме меня, и детей больше нет, а Люська с Генкой уж и не в счет. Конечно, они — сиротинушки, а я богатенький Буратино, должен всех их содержать. Здоровые оболтусы оба, а так и норовят на шею сесть. Нет уж, матери помочь — святое, а эти пусть сами крутятся».

Легкое опьянение от выпитого за ужином виски уже прошло, и Игорь, прежде чем лечь спать, выпил залпом треть стакана водки. Воспоминание о мужчине в белых «Жигулях» сильно тревожило его, а Ерохину хотелось как следует выспаться.

4

Обогнав резко сбросившего скорость Ерохина, генерал Владимир Вакар повел машину в сторону дома. Неужели мальчишка его заметил? Забавно. Но, впрочем, никакого значения это не имеет. Все равно Вакар убьет его, рано или поздно. Конечно, лучше бы обойтись без этого, но раз обойтись нельзя, то…

Выйдя из лифта, он увидел на лестничной площадке Лизу в наброшенном на плечи пальто и с сигаретой в руке. Кивнув дочери, Вакар собрался было уже вставить ключ в замок, когда Лиза окликнула его.

— Папа, подожди.

Владимир Сергеевич молча спустился на один пролет и встал рядом с ней.

— Папа… Мать сегодня ходила к крестной.

Вакар поморщился. Он терпеть не мог благостную, толстую и желеобразную тетку, которая помогала Елене, когда той пришло в голову окреститься. Слава богу, Елена, учуяв его, мягко говоря, сдержанное отношение к крестной, перестала таскать ее к ним домой. От крестной жена набиралась всего этого вздора о неотомщенной

душе младенца и прочей опасной ерунды.

— И что нам сказала крестная? — спросил он, не скрывая насмешки.

— Мать хочет, чтобы она нашла ей какого-то человека… Ну, в общем, ты знаешь, о чем речь. Она считает, что ты слишком долго тянешь, что на тебя надеяться нельзя. Мол, пусть чужие люди помогут Андрюшиной душе успокоиться, если родному отцу до этого нет дела.

— Ты специально ждала меня, чтобы сказать об этом?

— Почти. Я видела, как ты подъехал, и вышла, чтобы тебя перехватить. Папа, ты ведь сделаешь это сам, правда? Не позволяй ей, ты должен сделать все сам, тогда все будет правильно.

— Ты бы объяснила это матери, — сухо ответил генерал. — Я тысячу раз просил вас обеих не торопить меня и не обсуждать это со мной. И я готов повторить это еще тысячу раз, но торопить себя не позволю. И тем более не позволю заводить разговоры об этом. Иди в дом.

Лиза покорно поднялась в квартиру, прошла в кухню и стала разогревать ужин для отца. Вакар быстро разделся в прихожей и без стука вошел в комнату жены. Елена стояла на коленях перед диваном, разложив перед собой многочисленные

фотографии Андрея и вырезки из газет и журналов, где рассказывалось о талантливом ребенке. Одетая в длинный черный балахон, заменявший ей домашний халат, с изможденным, рано состарившимся лицом, она, несмотря на уложенную вокруг головы белокурую косу, напоминала страшную черную ворону. В сторону мужа она головы не повернула.

— Елена, я прошу тебя воздержаться от каких-либо действий, — вполголоса произнес Владимир Сергеевич. — Пожалуйста, не веди никаких переговоров со своей крестной. В этом нет необходимости.

— Я тебе не верю, — ответила Елена, по-прежнему не поворачивая головы. — Ты тянешь уже год. Видно, ты и не собираешься ничего делать.

— Я прошу тебя, — уже жестче повторил Вакар. — Я знаю, что за публика вертится около твоей крестной. Любой из них попадется в течение дня и потянет за собой тебя. То, что ты собираешься сделать, называется организацией убийства. Ты получишь срок и сядешь в тюрьму. Неужели ты этого не понимаешь?

— Что ж, пускай, — с трагизмом сказала она. — Я готова страдать еще больше, если отец не может позаботиться о своем ребенке. Пусть я сяду в

тюрьму, но виноват в этом будешь ты.

— Елена, я даю тебе слово, что в ближайшее время я все закончу. Я даю тебе слово.

— Хорошо, я жду две недели, — неожиданно согласилась она. — Ровно через две недели будет первая годовщина третьего праздника. К этому дню все должно быть закончено. Лучше всего, если прямо в этот день. У нас будет двойной праздник.

И Елена Вакар торжествующе улыбнулась, предвкушая тот день, когда исполнится год со дня смерти Равиля Габдрахманова и от руки ее мужа падет последняя жертва — Игорь Ерохин.

5

За много километров от Москвы в далеком азиатском городе наступило утро делового дня. Два человека в просторном кабинете начали свою встречу с чашечки чая. Один из них — рослый седой японец в хорошо сшитом костюме и дорогом галстуке — восседал за письменным столом, обратив к окну непроницаемое лицо. За окном шел дождь, и его слабый шум был в этот момент единственным звуком, раздававшимся в кабинете.

Вторым человеком был невысокий американец с плечами атлета и резкими глубокими морщинами на образцово-кинематографическом лице. Морщины придавали его мужественной внешности особый шарм, складываясь в некую печать перенесенных испытаний и многотрудного опыта. В его густых каштановых волосах не было и намека на седину, а когда он двигался, то со спины его можно было принять за двадцатилетнего спортсмена, хотя на самом деле ему было почти на тридцать лет больше. Американец сидел, непринужденно откинувшись в кресле, но его расслабленная поза не могла обмануть седого

японца. Он хорошо знал, к каким неожиданным и дерзким выходкам-прыжкам способны уютно мурлыкающие представители кошачьей породы. Особенно хищники.

— И все же вы меня не убедили, дорогой друг, — наконец прервал молчание японец. — Наша организация платит вам огромные деньги, чтобы вы закончили разработку системы в кратчайшие сроки. Вы обещали, что все будет готово к 1 января. Вы составили график проведения необходимых испытаний, и мы согласились с таким графиком. Иными словами, мы согласились с тем, что раньше 1 января закончить работу невозможно, и выразили готовность вас финансировать до истечения указанного срока. И что же? Один паршивый русский сбивает весь график, по которому, заметьте себе, работают не покладая рук десятки людей. Неужели вы не могли найти более надежный источник?

Американец осторожно поставил чашку с блюдцем на низенький столик и слегка переменил позу, усаживаясь поудобнее.

— Акира-сан, вам хорошо известно, что Россию разворовывают все кому не лень, а стратегическое сырье вывозится оттуда грузовиками, вагонами и даже транспортными самолетами.

Делают это люди вполне надежные и солидные, связанные с правительственными кругами, но люди эти находятся на виду, и, если груз, паче чаяния, останавливают на таможне, возникает скандал, волны которого очень быстро докатываются не только до отправителя, но и до получателя. Вы, насколько я понимаю, этого категорически не хотите. Один, как вы изволили выразиться, паршивый ненадежный русский — это наша с вами гарантия безопасности. Даже если завтра он побежит с повинной и расскажет все, что знает, нам это абсолютно ничем не грозит, потому что ни найти нас, ни проверить его слова невозможно. Металлическую ампулу, которая умещается в кулаке, можно случайно найти на улице, а у вагона с грузом всегда есть хозяин, рядом с которым находятся люди, знающие, куда, когда и зачем он ходил и ездил и с кем при этом встречался и разговаривал. Мне, право же, даже неловко напоминать вам о таких элементарных вещах.

— Ваши рассуждения правильны, но, к великому сожалению, бесполезны, — холодно ответил японец, — ибо они никак не убыстряют решение проблемы. Что можно сделать, чтобы работы возобновились?

— Поторопить русского, пообещав ему еще больше денег. Или искать другой источник.

— Что дешевле?

— Одинаково, — пожал плечами американец. — Поиски другого источника влетят в кругленькую сумму, но повысят риск. Лучше заплатить эти деньги нашему продавцу, они послужат действенным стимулом к тому, чтобы он быстрее разрешил проблему, которая у него возникла.

— Кстати, Карл, а что у него за проблема? Может быть, вы могли бы помочь ему?

— Я не знаю этого и знать не желаю. Русский должен сам решать свои проблемы без нашей помощи. Мы достаточно хорошо платим ему за каждую партию товара. А крутиться около него лишний раз — глупо и опасно.

— Предприятие снова требует дополнительных вложений, — недовольно констатировал Акира-сан. — Мне это не нравится, Карл. Не может ли быть, что ваш русский просто-напросто вымогает у нас деньги?

Американец усмехнулся.

— Я ценю вашу деликатность, Акира-сан. На самом деле вы подозреваете, что деньги у вас тяну я, а не он. Ваши подозрения в отношении меня

беспочвенны, но, увы, я не могу их опровергнуть ничем, кроме собственных слов. Вам остается только верить мне. Во всяком случае, я могу попробовать надавить на русского, не обещая ему никаких дополнительных выгод. Я знаю, как это сделать.

— Делайте, — кивнул японец. — Если вам удастся сэкономить хотя бы часть дополнительных расходов, я позабочусь о повышении вашего гонорара.

Через два часа в посольстве одной из стран СНГ в Москве раздался телефонный звонок. Трубку взял один из рядовых, незаметных сотрудников посольства и внимательно выслушал задание, которое состояло в том, чтобы выяснить названия и адреса некоторых предприятий и фамилии их руководителей, желательно директоров и главных инженеров.

6

Сурен Удунян запер машину и вошел в подъезд своего дома. Лампочка была, как обычно, разбита, и площадка рядом с лифтом тонула в полумраке, освещаемая слабым светом плафона, горящего на втором этаже. Сурен нажал кнопку вызова и шагнул к почтовым ящикам, одновременно доставая из кармана ключи.

Внезапно чья-то рука крепко ухватила его за плечо. От неожиданности Сурик замер, потом резко повернулся и обмер от ужаса. Перед ним стоял тот самый мужчина из метро, Беркович, одетый в тот же самый светло-коричневый плащ.

— Зачем ты меня ударил? — тихо и монотонно спросил он.

— Ты же умер, — прошептал Сурик. Губы и язык плохо слушались его.

— Конечно, я умер, — так же монотонно ответил покойник. — Вот я и хочу узнать, зачем ты меня убил.

Со скрипом распахнулись автоматические двери лифта, но его спасительная глубина была черной, как бездонная пропасть, — там тоже разбили плафон. Сурик сделал над собой отча-

янное усилие, преодолевая разлившееся по телу оцепенение, и буквально нырнул в эту темную глубину. Но покойник оказался не менее проворным. Он вошел в лифт следом за Суриком и встал так, что тот не мог ни выйти обратно, ни нажать кнопку нужного этажа.

— Зачем ты меня ударил? Зачем ты меня убил? — печально бубнил мертвец. Голос его становился все тише и тише, постепенно снижаясь до зловещего шепота, но насмерть перепуганному Удуняну казалось, что у него над ухом орет громкоговоритель. Он не мог заставить себя выйти из лифта, чтобы выбежать на улицу, потому что при этом пришлось бы протискиваться вплотную к стоящему в дверях покойнику. Об этом Сурик даже помыслить не мог.

— Я тебя не бил, — в отчаянии пролепетал он. — Я только по ноге ударил, ты не мог от этого умереть.

— А от чего же, по-твоему, я умер? — прошелестел мертвец едва слышно. Он стоял так близко, что Сурик отчетливо различал исходящий от него трупный запах.

— Ты упал и ударился. Честное слово, ты сам упал и ударился головой. Это не я, ей-богу, это не я, я тебя не убивал. Ты сам упал! Ты сам! Я не

виноват!

Сурик уже почти кричал, по спине его градом стекал холодный пот. Неожиданно дверь лифта сама собой закрылась и кабина плавно пошла вверх. На шестом этаже в ярком свете, хлынувшем с площадки в темноту лифта, Удунян увидел, что рядом с ним никого нет.

Глава 8

1

— Что ж, Анастасия Павловна, на этот раз вы не ошиблись, — сообщил Бокр, позвонивший Насте рано утром. — Удунян действительно был последним, кого в своей бренной жизни видел Станислав Беркович. Вам эта информация что-то дает?

— Скорее еще больше запутывает. Приятно, конечно, сознавать, что я не разучилась угадывать, но ясности пока что не прибавляется. Судя по всему, наши подопечные до сих пор не сделали ничего такого, что позволило бы судить об их криминальном бизнесе.

— Ничего, — подтвердил Бокр. — Мы смотрим за ними очень внимательно, но не зафиксировали ни одного подозрительного контакта или поступка. Варятся в собственном соку. Резников один раз летал за товаром в Стамбул, мой человек поехал за ним следом, туда и обратно в одном с ним самолете. Ничего интересного не увидел, хотя, конечно, в такой ситуации ни в чем нельзя быть уверенным. Может, Резников и встречался в Стамбуле с кем-то, но сделал это незаметно для окружающих. Или вообще не встречался ни с

кем, а только переговорил по телефону из гостиничного номера, но это мы проконтролировать не смогли, вы уж извините.

— Господи, Бокр, — ахнула Настя, — сколько же у вас денег, что вы можете послать своего человека за границу?

— Нескромно, Анастасия Павловна, нескромно, — залился Бокр своим замечательным повизгивающим скрипучим смехом. — Но денег у Эдуарда Петровича много. А то вы этого не знаете? Кстати, небольшая деталь. Резников где-то с месяц назад обварил крутым кипятком левую руку, причем довольно сильно, повязку только недавно снял. Ну это так, к слову.

— Сошлось. Теперь все сошлось, — удовлетворенно сказала она.

— Что сошлось? — не понял Бокр.

— Рука сошлась. В записке, которую Дарья отдала милиционеру, были самые обычные приметы, под них подходят тысячи мужчин. Но там было написано: «левую руку держит в кармане». Если у Резникова в тот день была на руке повязка, он, вполне естественно, мог держать руку в кармане. Это-то и было самым убедительным доказательством, что девушка описала именно ЕГО приметы. Вы меня порадовали, Бокр, спаси-

бо. Мне эта рука покоя не давала. А теперь все сошлось.

Бокр некоторое время молчал в трубку, Насте даже показалось, что связь отключилась.

— Алло! Алло, Бокр! — нерешительно произнесла она.

— Я здесь, — ответил он. — Можно, я еще кое-что скажу?

— Конечно, я вас слушаю.

— Дядя Толя и Эд были абсолютно правы. Вы действительно ни на кого не похожи.

— Вы это к чему?

— Ни к чему, просто так. Выражаю вам свое восхищение, может быть, несколько неуклюже. Когда мне прийти с докладом?

— Я жду вас… Впрочем, нет, погодите, я передумала. Вы можете приехать сейчас? Отвезете меня на работу, и заодно мы кое-что обсудим. Пора менять схему.

2

Он не любил этот район, хотя здесь прошло его детство и все было знакомо. Может, оттого, что не любил воспоминаний о детских годах, и не потому, что они были тяжелыми и полными лишений, вовсе нет. Нормальное детство в нормальной семье. Но Игорь его почему-то не любил.

Мать, как обычно, была всем недовольна. Он привез ей две огромные сумки с продуктами, но она начала противно склочничать и корить его, что вот навез ей всякой заграничной ерунды, а обычного мяса в доме нет. И теперь, сунув в карман матерчатую авоську, Игорь шел пешком на маленький рыночек, чтобы купить парной телятины.

Выйдя на параллельную улицу, он остановился как вкопанный: прямо перед ним стояли белые «Жигули». *Те самые*. Он зажмурился и тряхнул головой, но машина по-прежнему стояла, дерзко демонстрируя ему свои номера.

Ерохин отошел в сторону, немного постоял, задумавшись, потом зашел в ближайший магазин и встал у окна, из которого хорошо видна была

белая машина. Он совсем не думал о том, сколько может так простоять, ожидая владельца машины. Просто он знал, что должен ждать столько, сколько нужно, чтобы попытаться узнать, кто этот человек.

Молоденькая кассирша бросала на Игоря недоуменные взгляды, но он не обращал на нее внимания. Просто стоял и ждал.

Время близилось к часу дня, магазин пустел, по залу зашмыгала тетка с ведром и тряпкой.

— Молодой человек, у нас обед, — сказала она Игорю таким возмущенным тоном, словно он вырывал у нее изо рта кусок хлеба.

И в эту минуту он увидел *его*. Владелец «Жигулей» вышел из дома вместе с девушкой в черном пальто и с черным шарфом на голове. Игорь ее узнал сразу. Он не мог не узнать ее, хотя прошло столько лет… Он слишком хорошо помнил ее лицо *тогда*. И если говорить правду, она за эти годы не сильно изменилась. Боже мой, подумал он, это же ее отец, они поразительно похожи — оба высокие, стройные, с твердо очерченными лицами и серыми глазами под прямыми разлетающимися к вискам бровями. Как их фамилия? Кажется, Вакар. Да, точно, Вакар.

…Потерпевший Вакар Андрей…

…Потерпевшая Вакар Елизавета…

От суда над братом Юрки Орешкина остались смутные обрывочные воспоминания. Их, малолеток, не судили, они выступали свидетелями по делу об обвинении Орешкина-старшего в подстрекательстве к убийству. В суд их привезли родители, участковый, молоденькая инспекторша по делам несовершеннолетних и работник уголовного розыска. Всех четверых крепко держали за руки и никуда от себя не отпускали. Ему, Игорю, было очень страшно, это он помнил отчетливо, а все остальное терялось в тумане. В зале судебного заседания народу было много, но все лица сливались в одно неясное зыбкое пятно. Он никого не разглядел и никого не запомнил.

Но девушка… Она вела за руку мальчика в голубой куртке и показалась тогда Игорю невероятно красивой, наверное, потому, что ее лицо светилось счастьем и надеждой. Когда Колька Закушняк сбил ее с ног, а маленький сопляк Равиль начал пинать ногами, Игорю стало на какой-то момент даже жалко ее…

Ерохин вернулся домой, так и не дойдя до рынка.

— А мясо? — недовольно спросила мать, глядя на вернувшегося с пустыми руками сына.

— Рынок сегодня не работает, санитарный день, — соврал Игорь. — Слушай, мать, ты не знаешь, Юрик Орешкин никуда не переехал, на старом месте живет?

— Да ты что? — Мать удивленно уставилась на Игоря. — Не знаешь, что ли? Помер твой дружок, уж года два как схоронили.

— Как — помер?

Игорь почувствовал, как у него отнимаются ноги, и присел в кухне на табуретку.

— Вот так и помер, — торжествующе сообщила мать, которая никогда не любила друзей Игоря и считала, что они его испортили. — Допился. Кто-то его прибил, как пса шелудивого. В подъезде полдня валялся, пока его не забрали. Люди мимо ходили — думали, пьяный спит. Там винный магазин рядом, Юрка твой вечно в очереди ошивался.

Ерохин немного пришел в себя. Нет, ничего, не так страшно. Юрка превратился в алкаша, а все алкаши рано или поздно дохнут под забором. Плохо, что он, Игорь, совсем порвал с друзьями детства. После специнтерната они еще немного покантовались вместе, потом ушли в армию, а после армии ни разу не встретились. Почему так получилось? У каждого сложилась своя жизнь, и

к старым приятелям уже не тянуло? Или где-то в глубинах подсознания таился черный неизбывный ужас от совершенного когда-то убийства, и ужас этот не позволял встречаться, чтобы не вспоминать?

3

Все они жили рядом, в десяти минутах ходьбы друг от друга. Пройдя мимо дома, где жил Юра Орешкин, Игорь свернул за угол, пересек сквер и через несколько минут уже поднимался в квартиру Закушняка. Дверь открыла древняя старуха, Колькина бабка. Ерохин удивился, что она еще жива. Когда они были пацанами, бабка была ужасно старая, сухонькая, морщинистая, подслеповатая. Странно, но и сейчас она была в точности такая же.

— Здравствуйте, бабуля, — бодро крикнул Игорь. — Вы меня не помните?

— Не кричи, сынок, — неожиданно спокойным и совсем не старым голосом ответила старуха, — я слепая, но слышу хорошо. Тебе чего?

— Я Игорь Ерохин, помните меня? Мы с Николаем в одном классе учились.

— Помню я тебя, Игорь Ерохин, помню. Так чего ты хочешь-то?

— Мне бы Николая, — попросил он, почему-то вмиг оробев. Он никак не ожидал, что бабка хорошо слышит, да вдобавок еще помнит его.

Бабка помолчала, потом сказала тихую непо-

нятную фразу:

— Мне бы тоже.

— А что, он не живет здесь? Переехал?

— Переехал, — вздохнула старуха. — Далеко переехал.

— Адрес не дадите?

Она повернулась и молча ушла в глубь квартиры. Ерохин остался стоять на пороге, не решаясь ни окликнуть ее, ни пройти за ней. Через минуту бабка вернулась, Игорю показалось, что она отирает глаза платочком.

— Зачем тебе Николай? — спросила она требовательно.

— Повидаться хотел. А что, нельзя? Друзьями были все-таки.

— Успеешь еще повидаться-то, туда спешить не надо. Придет время — повидаешься, — грустно сказала старуха.

— Он что, в тюрьме?

— Хорошо бы, коли так. Только нету его там. На том свете Николай, — тихо ответила бабка и заплакала. — Убили его в прошлом году.

— Кто? — спросил он, судорожно сглотнув. В горле стало сухо, и снова начали неметь ноги.

— Кто ж знает, — она горько вздохнула. — Шпаной был, шпаной и остался. Следователь говорил,

он деньги у кого-то вымогал, их много было, группа целая. Чего-то все делили, делили, не то рынок какой-то, не то магазин, я не поняла. Да какая разница, кто его убил? Нету его больше, вот что главное. А почему да отчего — на то воля божья. Ты ступай, сынок, не трави мне душу.

Пройдя еще квартал и подходя к дому, где когда-то жил с родителями Равиль Габдрахманов, Игорь понял, что боится. Юрка Орешкин — алкаш, с ним все понятно. Колька Закушняк — рэкетир, его смерть неумолимо вытекала из его образа жизни, помноженного на глупую безалаберную голову. Если сейчас окажется, что Равиль жив-здоров, значит, ничего страшного. Все еще, может быть, обойдется. Все может оказаться случайностью, диким совпадением. Господи, сделай так, чтобы Равиль был жив!

На звонок в квартиру никто Игорю не открыл. Он постоял еще немного, потом позвонил к соседям. В одной из квартир ему открыла девочка в школьной форме. Одна нога ее была в сапожке, другая — в домашней тапочке, видно, она только-только пришла из школы.

— Здравствуй, сестренка, — приветливо улыбнулся Игорь. — Ты не знаешь, Габдрахмановы в сорок второй квартире живут?

— Нет, — покачала головой девочка, пыхтя над сапожком, у которого заело «молнию». — В сорок второй живут Петриченко, у них сын на два класса старше меня, он меня по утрам в школу водит. А вы дяди Равиля друг, да?

— Точно, сестренка, ну и умница же ты, — отчего-то обрадовался Ерохин. — А где он?

— Они переехали. Дядя Равиль женился на Розе, и тогда они разменялись.

— Чего они сделали? — не понял Игорь.

— Разменяли квартиру, чтобы молодые жили отдельно.

Девочка с деловым видом повторяла слова и фразы, услышанные от взрослых, но делала это так естественно, словно сама была обладателем всей информации о жильцах дома и всего квартала.

— Погоди, ты так застежку сломаешь, — рассмеялся Игорь, глядя на девочку. — Давай я тебе помогу.

Он присел на корточки и ловко расстегнул «молнию».

— А кто такая Роза? — спросил он.

— Роза — дочка тети Нурии и дяди Шуры-татарина. Вы что, Розу не знаете? Ее весь дом знает. Она бездомных собак прикармливала. Такая доб-

рая, прямо золотое сердце.

Игорь прыснул. В устах девчушки это звучало ужасно смешно. Конечно же, он прекрасно помнил и дядю Шуру-татарина, и его дочку. На самом деле его звали Шарафетдином, но соседи быстро сократили неудобное для произношения имя до привычного русского Шуры. Он был мастером на все руки и человеком безотказным, помогал соседям всегда и с удовольствием, поэтому во всем огромном многоквартирном доме не нашлось бы ни одного человека, не знающего, кто такой Шура-татарин. У него была тихая вечно беременная жена Нурия и куча детей, самой младшей из которых и была Роза, обожавшая животных, выхаживавшая больных птиц и прикармливавшая бездомных собак и кошек. Роза была на два года младше Равиля, и сколько Игорь его знал, столько слышал о том, что дети из двух татарских семей «жених и невеста». На самом же деле Равиль обратил на девочку внимание только после специнтерната, когда ему было семнадцать, а ей — пятнадцать.

— А ты случайно не знаешь адрес Равиля? — спросил Игорь словоохотливую малышку.

— Нет. Папа знает, но он вечером придет. Вы приходите вечером, папа вам скажет.

— Приду, — кивнул Игорь. — Спасибо тебе, сестренка.

— Пожалуйста, — важно и с достоинством ответила девочка.

4

И снова Игорю Ерохину пришлось провести бессонную ночь. Вчера вечером он вернулся в дом, где жила забавная словоохотливая девчушка, и узнал у ее родителей новый адрес, правда, не Равиля, а родителей Розы. Оказалось, в многоступенчатом обмене с целью отделить молодых участвовали обе семьи, получив в результате из двух трехкомнатных квартир три двухкомнатные. Но Шура-татарин, много лет проживший бок о бок со своими соседями, на прощание всем оставил свой новый адрес и наказал в случае каких-либо поломок или неисправностей обращаться только к нему.

Ехать к родителям Розы было поздновато, и Игорь отложил визит на следующий день, проведя ночь без сна и перебирая в уме возможные объяснения тому странному факту, что двое из четверых погибли, а отец мальчика несколько раз попался Игорю на глаза. Иногда ему удавалось придумать очень правдоподобную версию, и он на несколько минут успокаивался и с облегчением вздыхал. Но мысли по-прежнему лезли в голову, и вот уже только что придуманное

объяснение казалось притянутым за уши, искусственным и глупым, а ТО, другое объяснение, лежащее на поверхности, — единственно правильным. Но верить в это не хотелось, и Игорь вновь и вновь представлял себе, как завтра найдет Равиля, как расскажет ему обо всем, как они вместе посмеются над его страхами.

Равиль в их подростковой компании был белой вороной. Отличник, зубрилка, всегда первым успевающий сделать упражнения по немецкому, хорошо знавший историю, худенький субтильный очкарик, он тянулся к плечистым накачанным двоечникам, курившим в туалете, смачно матерившимся и длинно сплевывающим. Пацаны списывали у него домашние задания по всем письменным предметам, он помогал им на контрольных по физике и математике, а они за это разрешали ему быть с ними в одной компании. Учили его пить вино, играть в карты и рассказывать сальные анекдоты. Приобщали к «взрослой» жизни, хотя были ровесниками. Милостиво позволяли восхищенно наблюдать из уголка, как они «кидают железки» под руководством спившегося дисквалифицированного спортсмена-тяжелоатлета. Равиль их обожал. Он им поклонялся. Он готов был на все, чтобы

заслужить их одобрение.

Теперь, спустя много лет, Игорь Ерохин вдруг понял, что маленький Равиль не был дурачком, каким они его тогда считали. Он был слабым и несчастным. Но он был умнее их. И сейчас вся надежда была только на него. Равиль во всем сможет разобраться, он все объяснит, он успокоит Игоря. Не может быть, чтобы все было так плохо, этого не должно быть!

На другой день Игорь помчался к дяде Шуре-татарину. Выйдя от него через полчаса, он понял, что надежды не осталось. Равиль тоже погиб, а его жена Роза, оставшаяся с крошечным малышом на руках, каждый месяц получает от кого-то деньги. Деньги хорошие, говорил дядя Шура, Розе они очень помогают. Видно, нашелся добрый человек, наверное, кто-нибудь из банка, где работал Равиль, там все сотрудники — люди состоятельные, не грех и помочь бедной девочке, когда такое горе свалилось.

Но Игорь твердо знал, что благотворительностью здесь и не пахнет. У наивного дяди Шуры слово «банк» было накрепко связано со словом «достаток», а достаток — с благородством. Ерохин не обольщался, он слишком хорошо понимал, что банк — это деньги, а деньги — это злоба,

жадность и жестокость. Да и откуда в сбербанке состоятельные люди? Обычная государственная структура, там работают такие же нищие, как и всюду. Но разве понимает это старый татарин с пятью классами образования?

Этот человек убил Равиля и шлет деньги его юной вдове. Значит, он убежден в своей правоте и тверд в своих намерениях. Значит, он не отступится. Игорь Ерохин — последний, кому Вакар собирается воздать по заслугам, покарать за прошлый грех. Он столько лет выжидал, он так долго терпел, что теперь выполнит задуманное, чего бы ему это ни стоило.

Вернувшись вечером домой, Игорь впервые в жизни испытал настоящий страх. Это был даже не страх, а ужас, ужас перед неизбежным, тот самый, который лишает человека воли и коварно предлагает смириться и обреченно ждать конца. Первым желанием было напиться до бесчувствия, чтобы хоть на какое-то время забыться. Но Игорь сумел преодолеть слабость. К утру, промаявшись всю ночь, он пришел к выводу, что должен опередить своего противника. Он, Игорь Ерохин, не позволит себя убить. Он первым нанесет удар. Если Вакар сумел убить трех человек и остаться на свободе, стало быть, никто

в милиции не связывает эти три смерти с той давней историей. А коль так, то и убийцу Вакара не станут искать среди тех, кто когда-то убил его сына. И никто никогда не узнает…

5

Владимир Сергеевич Вакар отнес в учебный отдел экзаменационную ведомость и уже собрался было выйти в коридор, как услышал удивленный возглас Вероники — преподавателя-методиста.

— Ну и дела! Вы сегодня поставили только одну «пару». Что это с вами, Владимир Сергеевич?

Вакар славился на всю Академию Генштаба тем, что бывал на экзаменах абсолютно нетерпим к незнанию своего предмета. Его нельзя было умаслить ничем — ни протежированием, ни лестью, ни подарками.

— Есть профессии, в которых неграмотность приводит к фатальным последствиям, — повторял он. — Это относится в первую очередь к врачам, инженерам и военным. Если от вашей ошибки могут погибнуть люди, вы не имеет права на ошибку.

Он не стеснялся ставить «неуды» и категорически запрещал пересдавать экзамен другому преподавателю. Если такое все же случалось и пронырливый слушатель ухитрялся добиться разрешения на пересдачу кому угодно, только не профессору Вакару, Владимир Сергеевич на-

ходил возможность опротестовать результаты экзамена и упорно гонял хитреца по всем темам тактико-специальной дисциплины, пока не убеждался в том, что вероятность той самой ошибки достаточно мала.

Сегодня он был на удивление снисходителен, и хотя отличных оценок поставил, как обычно, мало, но двойка была действительно только одна. Сегодня он заметил, что его будущая жертва следит за ним. Сегодня и впрямь был необычный день.

— Я сегодня добрый, — улыбнулся он Веронике. — Наверное, расположение планет благоприятное, и слушатели отвечали на удивление прилично.

Вернувшись в свой кабинет, он снял генеральскую форму и переоделся в штатское. Подумав немного, снова разделся, повесил костюм в шкаф, надел спортивную форму и спустился в зал.

— Товарищ генерал! — вытянулся перед ним в струнку инструктор-методист.

— Добрый вечер, капитан, — кивнул Вакар и быстро прошел в дальний конец зала, где стояли макивары.

Он наносил удары и старался уклониться от многочисленных имитаторов рук и ног, которые

стремились ударить его в голову, в плечо, в голень. Его тренированные руки не чувствовали боли от соприкосновения с жесткой деревянной поверхностью макивары, ноги автоматически совершали мягкие пружинистые движения, уводя его поджарое тело от коварных деревяшек, а глаза цепко держали в поле зрения все источники опасности.

Сегодня все изменилось. У Владимира Вакара появился противник. Не безвольная жертва, не спившийся алкоголик, не глупый и доверчивый мерзавец-рэкетир, не тихий и ничего не подозревающий бухгалтер, а настоящий противник. Жестокий убийца, знающий, что за ним ведется охота, и стремящийся первым напасть на охотника. Вакар видел, как Ерохин вывел молоденького милиционера на стройку, а вышел без него. Генерал тогда не стал больше преследовать Игоря, а остался возле метро и спустя некоторое время заглянул на огороженную территорию. То, что он увидел, подтвердило его подозрения. Он никому об этом не сказал по единственной причине: чтобы никто не связал их имена и не открылась тайна трех предыдущих убийств. И еще он боялся, что, если Игоря привлекут за убийство милиционера, он, Вакар, не сможет

выполнить свой долг перед Еленой и Лизой, и дом снова погрузится в вечный тягостный и так опротивевший ему траур.

Вакар бил по макиваре, видя перед собой ненавистное лицо Ерохина. Ему отпущено Еленой четырнадцать дней, из которых два уже прошло. Если он не успеет, то может потерять жену, которая в своем маниакальном упорстве обязательно сделает по-своему и наймет какого-нибудь проходимца, который потянет ее за собой на скамью подсудимых. Он должен успеть, повторял про себя Владимир Сергеевич в такт наносимым ударам и быстрым прыжкам и «уходам», он должен успеть. И теперь он полностью владеет ситуацией, не ждет покорно, пока Ерохин соберется с ночевкой к своей пассии и ранним утром пойдет по удобному пустырю. Нет, теперь он может взять все в свои руки. Если Ерохин за ним следит, его можно, как осла за морковкой, отвести туда, куда нужно. Заманить туда, где можно будет наконец покончить со всей этой историей.

Как следует потренировавшись, Вакар отправился в душ. Стоя под прохладными струями воды, он ощущал приятную мышечную усталость и с удовлетворением отметил, что одышки нет совсем. Генерал Вакар был в отличной форме.

6

Виктор Костыря даже не сразу понял, отчего он проснулся. На светящемся табло электронных часов горели зеленые цифры 4.00. Он снова закрыл в глаза, и в этот момент услышал звонок в дверь.

— Ты чего лежишь? — сонно пробормотала его очередная подружка, переворачиваясь на другой бок. — Уже второй раз звонят. Кого это к тебе черти носят посреди ночи?

Костыря быстро натянул трусы, вышел в прихожую и прильнул к дверному глазку. Лестничная площадка была хорошо освещена, и в глазке он увидел искаженное линзами женское лицо.

— Кто? — осторожно спросил он.

— Открой, Костыль, надо два слова сказать, — послышался женский голос. — Открывай, не бойся.

Виктор накинул на дверь цепочку и щелкнул замком. Перед ним стояла молодая женщина, с ног до головы затянутая в ярко-алую кожу. Густая копна длинных черных кудрей тоже была перехвачена алой кожаной повязкой. Верхние пуговицы на куртке были расстегнуты, и ему была хорошо видна висящая на шее толстая золотая

цепочка с крупным кулоном в виде цветка. Виктор даже заметил, что один лепесток на цветке был отломан.

Женщина не сделала ни малейшей попытки войти в квартиру. Она словно бы даже не замечала, что дверь перед ней удерживается цепочкой.

— Слушай, Костыль, — негромко сказала она. — Оставь девчонку в покое. У нас с ней свои дела и свои счеты, а ты путаешься под ногами и все время мешаешь. Имей в виду, нам лишние свидетели не нужны. Будешь таскаться за ней — попадешь в очевидцы, а оттуда — прямиком в покойники. Обе дорожки короткие, разбежаться не успеешь — а они уже и кончатся. Усвоил?

Костыря оторопело молчал.

— И вот еще что, миленький, — продолжала незнакомка как ни в чем не бывало. — Ты, как я понимаю, человек подневольный, как тебе скажут, так ты и сделаешь. Поэтому ты передай своему начальничку мои слова, к нему они тоже относятся, а чтобы он тебе поверил, вот тебе моя фотография. Пусть любуется перед сном. Да пусть запомнит меня получше, не приведи Господь ему еще когда-нибудь мне поперек дороги встать.

Она швырнула Виктору под ноги белый конверт, повернулась и быстро побежала вниз по

лестнице. Больше всего его поразил тот факт, что он не слышал ее шагов. Она двигалась совершенно бесшумно. Как только она исчезла из поля его зрения, Костыре показалось, что она просто растворилась в воздухе.

На деревянных ногах он вернулся в комнату, сел на постель и закурил. Подружка крепко спала, отвернувшись к стене. Черт возьми, неужели он все-таки ошибся с девчонкой? Он ведь был так уверен, что она чиста, а тот случай в магазине, когда она ушла от наблюдения, расценивал как досадную неприятность.

Его размышления были прерваны оглушительно громким телефонным звонком.

— Господи, будет мне покой в этом доме или нет? — простонала девушка, зарываясь головой поглубже в подушки.

Звонил Сурик. Голос у него был такой, будто он только что видел привидение.

— Костыль, ко мне только что приходили.

— Кто? — спросил Виктор, чувствуя противное посасывание под ложечкой.

— Баба какая-то, вся в красном. Страшная — жуть. Говорит, что мы должны от девчонки отстать, а то нам всем конец.

— Когда она у тебя была?

— Да только что. Костыль, что делать? Надо Артему звонить…

— Я спрашиваю, когда она у тебя была? — медленно повторил Виктор. — Подумай как следует.

— Чего думать-то? — взвизгнул Сурик. — Я тебе говорю: только что. Я на часы посмотрел, когда дверь открывал, было ровно четыре, а сейчас десять минут пятого.

— И фотографию оставила? — спросил Костыря, сам плохо понимая, о чем спрашивает, потому что того, о чем он спрашивал, просто не могло произойти.

— А… Ты… Как ты узнал? — заикаясь, произнес Удунян.

— Черт, что же это было? Привидение, что ли? У меня тоже была женщина. И тоже ровно в четыре. Твоя как выглядела?

— Ну как… Вся в красной коже, волосы черные, на голове не то лента, не то повязка, тоже красная. Пуговицы сверху расстегнуты, сиськи наружу. Больше ничего не разглядел, испугался очень.

— Что она говорила?

— Что мы должны перестать ходить за девкой, мы им мешаем. У них там свои счеты, свидетели им не нужны.

— Про дорожку говорила?

— Говорила.

— А про начальника?

— Говорила. Она сказала: «начальничку своему передай».

— Все точно, — выдохнул Костыря. — Один к одному. Может, у нас с тобой глюки?

— Ну да, а фотография? — резонно возразил Сурик. — Фотография-то вот, лежит, я же могу ее потрогать.

— Слушай, а может, это все-таки разные бабы, а? — с надеждой спросил Виктор. — Давай встретимся и сличим снимки.

— Давай, — с готовностью согласился Удунян. — Ты ко мне приедешь или я к тебе?

— Лучше я к тебе, — быстро ответил Костыря, который не мог среди ночи выгнать свою подружку на улицу, но посвящать ее в свои проблемы, обсуждая их с Суриком в ее присутствии, он тоже не хотел.

Он уже оделся и собирался написать девушке записку с объяснениями, куда положить ключ, если он долго не вернется, как телефон зазвонил снова. Это опять был Сурик, и голос у него на этот раз был совсем убитый.

— Костыль, мне только что Игорь звонил. У него тоже.

— Твою мать! — в сердцах выругался Виктор. — Да что же это с нами происходит! Я живу в Беляеве, ты — в Марьиной Роще, Игорь — у Речного вокзала. По пустым улицам на самой лучшей машине все равно меньше двадцати минут не выходит. Как же это может быть?

— Не знаю, — прошептал Сурик. — Костыль, мне страшно.

— Ты сказал Игорю, что я к тебе еду?

— Да, он тоже сейчас приедет. Костыль, приезжай быстрей, я не могу, я сойду с ума. — Он чуть не плакал.

— Ладно, держись, скоро буду.

Через полчаса они втроем сидели у Сурика в огромной четырехкомнатной квартире, которую он снимал за бешеные деньги. На столе перед ними лежали три фотографии. Снимки были разные, но женщина на них была запечатлена одна и та же. Та самая, которая час назад в одну и ту же минуту посетила всех троих.

— Она, — уверенно определил Ерохин, по очереди изучив три фотографии.

— Точно, она, — тоскливо подтвердил Сурик. Его огромные светлые глаза потускнели от пережитого страха. Еще свежа была в памяти встреча с покойником, а теперь это… Пусть эти два кре-

тина пытаются понять, что происходит, но он, Удунян, уже ничего понять не может. Атеисты проклятые, заморочили людям голову, бога нет, дьявола нет, чудес не бывает, мертвецы из гробов не встают… Как же, нет их, не бывает! Слушайте больше! Все есть, и все бывает. Каждый невинно убиенный за себя мстит, только не каждому дано это понять. Он, Сурен, понял, а Игорю с Костылем — не дано.

— Х…ня какая-то, — подал голос Костыря. — Так не бывает. Нас в школе учили, что этого не может быть.

— Много ты помнишь-то, чего в школе было, — вяло огрызнулся Ерохин. — Полтора класса и пять коридоров — вот и вся твоя школа.

— Ага, шути, шути. Дошутишься, живот лопнет со смеху — все кишки наружу вылезут, — выдал Костыря очередной мрачный физиологический прогноз. — Если ты такой умный, то скажи, что нам теперь делать?

— К Артему надо ехать, — уверенно сказал Игорь. — Нельзя от него это скрывать. Может, мы и вправду кому-то на хвост наступили. Пусть разберется.

— А он не подумает, что мы дружно спятили? Ты, Игорек, больно шустрый, все у тебя просто,

чуть что — к Артему, пусть он разбирается. А за каким лешим Артему такие помощнички, которые ничего сами решить не могут и за каждым пустяком к нему бегают? Три здоровых мужика, а привидения испугались. Чего мы ему свою беспомощность-то показываем? Раз, другой, а потом выпрет он нас к едрене фене из дела, и прощай, валюта. Это тебе в голову не приходило?

Игорь с интересом поглядел на Костырю. Ты смотри, у него, оказывается, самомнение есть, да еще какое! Беспокоится, что о нем начальство плохо подумает. Надо же, в каких неожиданных ситуациях люди раскрываются. И ведь давно знакомы, ну, Костыль и Костыль, не хуже и не лучше других, в меру тупой, в меру исполнительный, в меру осторожный, впрочем, нет, осторожный даже сверх меры, но это делу не вредит. Никогда не выпендривался, выше головы прыгнуть не старался, лишний раз не высовывался — и на тебе. Гордость у него. Или все-таки жадность и страх потерять доход? Скорее, пожалуй, второе. Почему же люди не понимают, что, когда речь идет об интересах дела, надо гонор в задницу засовывать!

— А ты что скажешь, Сурик? — обратился Ерохин к совсем сникшему приятелю.

Тот поднял на Игоря больные глаза, которые уже не освещали его лицо чистым светом ангельской невинности, а словно бы превратились в заросшие тиной пруды с темной стоячей водой.

— Надо ехать, — только и сказал он.

Глава 9

1

Ирина Резникова повязала нарядный вышитый фартук поверх элегантного домашнего костюма, состоящего из шелковых темно-зеленых брюк и нежно-салатовой блузки, и приступила к приготовлению ужина. Артем всегда был требователен к еде, и она изо всех сил старалась ему угодить.

Чудеса, да и только, думала Ирина, нарезая тоненькими колечками лук и добавляя сахар в разведенный уксус. Когда-то много лет назад она думала, что осчастливила юного нескладного очкарика-аспиранта, позволив ему жениться на ней и усыновить ее будущего ребенка. Когда в роддоме ей в первый раз принесли малыша, она с изумлением обнаружила у него на спинке крошечное родимое пятнышко в форме боба. Точно такое же пятнышко и точь-в-точь в том же самом месте, между лопатками, было у Артема. Ирина немного понапрягала память и вспомнила, что действительно как-то позвала Артема починить сломавшийся магнитофон, а в благодарность, как обычно, расплатилась собой. Она была тогда здорово пьяной, как, впрочем, и всегда, когда позволяла Артему забираться в ее постель, на

трезвую голову она никогда этого не делала. И почему, узнав о своей беременности, она была так уверена, что отец ребенка — тот самый прекрасный принц? Наверное, ей просто этого очень хотелось. Ни разу за все девять месяцев мысль о возможном отцовстве своего смешного влюбленного соседа ей и в голову не приходила.

Ирина решила оставить сюрприз до выписки из роддома. Она с улыбкой вспоминала, какие недоумевающие лица были у нянечек при виде бешено хохочущей пары, обнимавшейся на крыльце больницы. Артем вышел из машины немного напряженный, с огромным букетом, робко поглядывая на медсестру с младенцем на руках, стоявшую рядом с его женой. Ирина быстро подошла к нему и сказала несколько слов. Артем сначала замер, потом вдруг начал безудержно смеяться, отирая выступающие слезы. Следом за ним расхохоталась и Ирина. Так они стояли, смеющиеся, счастливые, казалось, даже забывшие о сыне.

И кто бы мог подумать тогда, что Ирина станет прекрасной женой, нежно ухаживающей за своим мужем и ежедневно продумывающей для него трехразовое ресторанное меню. Она и сама не ожидала, что такая жизнь будет до-

ставлять ей удовольствие. Правда, надо отдать должное Артему, в ответ на ее хлопоты по дому он устраивал ей настоящие праздники, возил за границу отдыхать, покупал роскошные тряпки и выводил «в свет». Нет, что ни говори, а жаловаться на жизнь у Ирины Резниковой причин не было. А впереди была жизнь еще более удобная, еще более устроенная и богатая… Замариновав лук, она принялась чистить жирную ароматную сельдь. Артем во время ужина любил выпить рюмочку хорошей водки, всего одну рюмочку, никогда он не позволял себе больше, но и к этой единственной рюмочке закуска должна быть «высший класс». Еще она собиралась подать ему фаршированный сладкий перец, на горячее — осетрину «гриль», а к чаю — пирог с капустой. Он будет доволен.

— Лапусик, принимай лекарство, через полчаса будем ужинать! — крикнула Ирина, тщательно следившая за тем, чтобы муж неукоснительно выполнял предписания врачей.

Через полчаса Артем сел за стол, молча выпил, закусил селедочкой и приступил к сладкому перцу. По его молчанию Ирина поняла, что он собирается обсудить с ней что-то важное.

— Лапусик, у нас все в порядке? — осторожно

начала она.

— Не уверен. Сегодня звонил Сева, он нервничает.

— Почему?

— Денег хочет, вот почему. Случись что — он крайний, спрос будет в первую очередь с него. Вот он и хочет побыстрее нахапать, пока ему руки не вывернули. И покупатель меня торопит, у них тоже спешка. Грозится найти другого поставщика, если я выбываю из игры. Одним словом, давят со всех сторон. Идиоты! — Он в сердцах стукнул вилкой по столу. — Жадность губит людей, жадность.

— Так что же, Темушка? Может быть, не имеет смысла больше ждать? Что мальчики говорят?

— Мальчики наши наяву бредят, вот что. С этой девчонкой из магазина ерунда какая-то получается. Похоже, она к нашим делам отношения не имеет, а мы по ошибке вляпались в какое-то дерьмо. Или наши мальчики затеяли с нами свою игру. Не верю я в эту историю с женщиной, которая одновременно являлась ко всем троим. Я, киска, суровый материалист, в привидения не верю и в нуль-транспортировку тоже. Видел я фотографии, которые она им якобы оставила, разговаривал с каждым из них в отдельности, и

представь себе, сходится все до малейших деталей. Даже отломанный лепесток на ее кулоне. Или они тщательно подготовились к тому, чтобы навешать мне лапшу на уши, или дьявол играет с нами шутки. Но поскольку дьявола нет, то остается только одно. И мне это не нравится.

— И что ты решил?

— Я решил подождать еще дня два-три. Жизнь-то дороже денег, верно, киска?

— Думаешь, через три дня ситуация прояснится?

— Обязательно, — уверенно кивнул Артем.

2

— Я не понимаю, зачем ты затеваешь все это! — Александр Каменский почти кричал на сестру. — И я хочу, чтобы ты либо объяснила мне членораздельно, что происходит, либо призналась, что морочишь мне голову.

Настя сидела в углу комнаты в своем любимом кресле, забравшись в него с ногами и укутавшись теплой шалью. В квартире постоянно было холодно, потому что ей из года в год было лень прокладывать утеплителем огромные щели между балконной дверью и косяком, а батареи грели совсем слабо.

Она терпеливо слушала возмущенного брата, понимая, что придется с ним объясняться, а объясняться не хотелось, у нее просто не было на это ни сил, ни времени.

— Ну что ты так волнуешься? — примирительно произнесла она. — Я занимаюсь своими профессиональными обязанностями, от тебя при этом не требуется вообще никаких усилий. Саша, ради бога, успокойся и дай мне спокойно работать.

— Вот именно, работать! — снова выкрикнул

он. Его бледное лицо раскраснелось от гнева, растрепавшиеся светлые волосы торчали во все стороны. — И после этого ты хочешь, чтобы я тебе верил.

— Не поняла, — Настя удивленно приподняла брови. — С каких это пор желание работать порождает у тебя недоверие? Это что, признак лживости и лицемерия?

— Ладно, давай начнем сначала. Я пришел к тебе со своей проблемой. Так?

— Так.

— Эта проблема состояла в том, что поведение моей любовницы казалось мне подозрительным. Я знал ее к тому времени меньше двух месяцев, вполне естественно, что у меня не было никакой уверенности в ее честности. Поэтому я просил тебя помочь мне понять, не является ли моя любовница банальной уголовницей-наводчицей. Так?

— Верно. — Она снова кивнула. Ей было интересно слушать брата, у него явно прослеживалась любовь к последовательным и логичным рассуждениям, и это ей нравилось. Наблюдая за Александром, она не переставала удивляться тому, насколько они похожи, и не только внешне. Может быть, он несколько суше, циничнее,

холоднее… Хотя, пожалуй, ее саму тоже в сентиментальности и добросердечии вряд ли кто упрекнет.

— Ты выяснила, — продолжал брат, — что Дарья уголовницей не является. Спасибо тебе за это, ты оказала мне огромную услугу. Теперь я могу спокойно смотреть в глаза своим друзьям и без опаски ходить к ним в гости вместе со своей подружкой, потому что благодаря тебе уверен, что не привел к ним в дом преступницу. И это все.

— И что? — нетерпеливо спросила Настя. — Дальше-то что?

— А вот это ты мне должна объяснить, что же дальше, — запальчиво воскликнул Александр. — В моем представлении дальше не должно быть ничего. Однако что-то все время происходит, а теперь еще ты мне говоришь, что Дашке грозит какая-то опасность. Как прикажешь тебя понимать?

Настя вытянула ноги, почувствовав, как затекли мышцы. По стопам и щиколоткам сразу же ударил сырой холодный воздух, коварно просачивающийся из-под балконной двери. Она протянула руку, сдернула с дивана клетчатый коричневый плед и набросила его на колени, закрыв ноги до самого пола.

— Саша, — устало повторила она, — я занимаюсь своим делом. Решаю задачки, отгадываю загадки, копаюсь в чужих секретах. Работа у меня такая, понимаешь? Почему тебя это так беспокоит?

— Да потому, что дело выеденного яйца не стоит. И как я должен воспринимать все это? — Он ткнул рукой в стопки аудио— и видеокассет, валяющихся возле телевизора. — Откуда это информационное пиршество? Тебе одной не под силу собрать столько информации. Значит, по этому делу работают и другие люди.

— Значит, работают, — подтвердила Настя, вздохнув. — И что из этого следует? У тебя, видимо, есть своя версия. Я готова ее выслушать.

— Моя версия состоит в том, что с Дарьей что-то нечисто. Ты пытаешься ее «раскрутить», но мне об этом не говоришь, потому что если я узнаю, что она связана с преступниками, то немедленно порву с ней и у тебя уже не будет к ней никакого подхода. Пока она любовница твоего брата, ты можешь с ней общаться, не вызывая у нее подозрений. Как только она станет для тебя посторонней, у тебя не будет поводов для встреч с ней. Или ты считаешь меня недоумком и полагаешь, что если поделишься со мной информацией,

то я немедленно протреплюсь об этом Даше. Ведь если по делу работают вместе с тобой другие люди, это значит, что дело-то действительно есть. Хоть убей, но я не поверю, что у вас на Петровке могут работать на голом энтузиазме, просто ради любопытства или из готовности сделать одолжение лично тебе. Раз люди работают, значит, есть приказ начальства и реальное уголовное дело. Разве я не имею права знать об этом?

— Не имеешь, — Настя обезоруживающе улыбнулась. — Не имеешь, Сашенька. В этом и состоит прелесть моей работы. Захочу — скажу, не захочу — не обессудь, но требовать информацию от сотрудника уголовного розыска может только его начальник. И то не всегда. У нас есть право на умолчание. Ты этого не знал?

— Стало быть, тебе есть о чем умалчивать?

— Ну, сыщику всегда есть что скрывать, — рассмеялась она. — А что, ты действительно так легко можешь бросить Дашу?

— Могу, наверное, — Саша пожал плечами. — Если узнаю, что она связана с криминалом, сделаю это немедленно.

— Она беременна, — внезапно сказала Настя, пристально вглядываясь в лицо брата.

— Да? — Голос его был почти спокойным. —

Что ж, сделает аборт. Слава богу, сейчас это не проблема.

— Ты идиот! — взорвалась она. — Ты глупый самоуверенный эгоист! Она же любит тебя, любит! Ты в состоянии это понять? Она любит тебя и хочет родить от тебя ребенка. Она абсолютно чиста, она не имеет ни малейшего отношения к криминалу, она чудесная, отважная, замечательная девочка. Тебе сказочно повезло, что она тебя любит. А ты несешь какую-то ерунду, называешь ее любовницей, уголовницей, говоришь о ней так, будто у тебя одновременно пять подружек и она лишь одна из пяти совершенно одинаковых и ничего для тебя не значащих девиц. Подумаешь, одной больше — одной меньше! Может быть, никто и никогда не будет любить тебя так, как она. Это же как раз то, чего тебе так не хватало и что тебе на самом деле нужно больше всего на свете. Ты сам загнал себя в угол, вбил себе в голову всякие глупости, женился без любви, будучи уверенным, что тебя судьба обделила. Куда ты торопился? Куда спешил? Почему не подождал, не дал себе возможности найти СВОЮ женщину? Что, мир перевернулся бы, если бы ты женился не в двадцать два года, а в тридцать два? В твоем дурацком бизнесе свои правила, семейный чело-

век — солидный человек, ему можно доверять. Ты создавал свое реноме, и в результате в двадцать шесть лет у тебя куча денег и такая же куча комплексов, и ты готов принести любящую тебя женщину в жертву этим двум кучам. К такому итогу ты стремился?

«Ну зачем я это делаю? — мысленно осекала себя Настя. — Ведь это жестоко. Надо было бы говорить с ним помягче. Или вообще не говорить. Какое мне дело до его любовных переживаний? Какое мне дело до того, бросит он Дашу или нет? Но ведь он — мой брат. И у меня душа болит за него. Хотя, в сущности, какой он мне брат? Я и знаю-то его без году неделю. Но он так похож на меня…»

Александр стоял, отвернувшись к окну.

— Почему я должен тебе верить? — глухо спросил он, не оборачиваясь.

— Не верь, если не хочешь, — уже спокойнее произнесла Настя. — И давай наконец договоримся. Либо ты мне веришь и помогаешь, либо не веришь и не мешаешь. Выбирай.

— Могу сказать тебе то же самое, — упрямо возразил Саша. — Либо ты мне доверяешь и рассказываешь, что происходит, либо…

— Угу, — хмыкнула Настя, — либо ты мне на-

чинаешь мешать и вредить. Каменский, в моей жизни был только один человек, которому удалось меня запугать и навязать свою волю. Скажу тебе честно, я здорово его боялась. Но я все равно его перехитрила. Так вот тебе он не чета, поэтому не надо мне угрожать, ладно? Давай не будем ссориться. Я все равно буду делать то, что считаю нужным. Даже мой начальник мне это позволяет, а он, между прочим, сыщик с тридцатилетним стажем и в нашей работе разбирается куда лучше меня.

Брат по-прежнему стоял к ней спиной, и Настя вдруг заметила, что плечи его вздрагивают.

— Саша, ты чего? — испуганно спросила она. — Что случилось? Саша!

Она вскочила с кресла, подошла к нему и повернула к себе. Лицо его было искажено мукой, глаза наполнены с трудом сдерживаемыми слезами.

— Сашенька, ну что ты? Я тебя обидела? Не сердись, милый, ну зачем ты так? Это из-за Даши?

Он молча кивнул и как-то глухо, горлом, всхлипнул.

— Что же мне делать теперь? — хрипло прошептал он, давясь слезами. — Я не могу бросить жену, потому что я не могу отказаться от Катюшки. Я не могу. И если ты меня не обманываешь и Дашка в

самом деле меня любит и собирается рожать, то я должен делать выбор. Господи, ну зачем ты мне все это сказала! — простонал он. — Я так хочу, чтобы меня любили. Ты даже представить себе не можешь, как я этого хочу. Ради женщины, которая меня любила бы, я готов отдать все. Все, кроме дочки. Но я был уверен, что никогда в жизни мне не придется решать эту проблему просто потому, что такой женщины на свете нет.

— Разве можно знать заранее? — тихо сказала Настя. — Жизнь тем и хороша, что постоянно преподносит сюрпризы. А ты добровольно лишил себя этого, потому что считал себя умным, многоопытным и все просчитал наперед. А я не могу давать тебе советы. Ты должен все решить сам.

— Но я не знаю как, — жалобно ответил он.

— И я не знаю.

Брат ушел расстроенным. Даже не просто расстроенным, а раздавленным. Он был еще очень молод, а моральный выбор всегда дается нелегко. Закрывая за ним дверь, Настя думала о том, что большие деньги не делают человека взрослее и мудрее, наоборот, они зачастую избавляют от необходимости решать такие проблемы, разбираясь с которыми люди как раз и делаются более зрелыми и мудрыми. Это все равно что посто-

янно носить очки даже при очень маленькой близорукости: глаз перекладывает свою работу на линзу, и без нагрузки вся система постепенно атрофируется, а близорукость прогрессирует.

3

Виктор Костыря шел за Дашей Сундиевой по ставшему привычным маршруту от университета до ее дома. Как она не боится возвращаться одна так поздно, удивлялся Виктор, в который раз уже «провожая» девушку по темным, плохо освещенным улицам. И ведь грязь на тротуарах такая, что быстро не побежишь в случае опасности: все время нужно смотреть, куда ногу ставишь. И народу в двенадцатом часу ночи на улице нет.

Девушка сегодня не была такой спокойной, как раньше. Обычно она ходила в среднем темпе, не торопилась, не оглядывалась и, по убеждению Костыри, не «проверялась». А сегодня ее походка была неровной, будто что-то ее беспокоило, хотя это могла быть просто неудобная обувь или плохое настроение.

Виктор держался на порядочном расстоянии от Даши, благо зрение у него было на зависть хорошим. Проехавшая мимо на большой скорости машина обдала его брызгами омерзительно грязной воды, и он прошипел ей вслед такое же грязное ругательство. Внезапно он замер. Машина, взвизгнув тормозами, остановилась прямо

возле идущей впереди девушки. Даша ускорила шаг, но из машины выскочили два здоровенных амбала. Один из них схватил ее сзади за шею, другой вытащил из кармана пистолет и прижал дуло к ее животу. Все происходило быстро и совершенно бесшумно, и Виктору казалось, что он смотрит немой фильм. Вжавшись спиной в стену дома, стараясь казаться невидимым, он впился глазами в разворачивавшуюся вдалеке сцену. «Нам свидетели не нужны. От очевидца до покойника дорожка короткая…» Он слишком хорошо помнил слова, сказанные ему странной женщиной в красном костюме, чтобы рискнуть себя обнаружить.

Дашу втащили в машину. Хлопнули дверцы. Все кончилось.

Виктор выждал еще немного и осторожно пошел вперед. Остановившись у того места, где только что была Даша, он достал карманный фонарик и посветил на землю. Там была кровь. Никаких сомнений, это была кровь. Почему же он не слышал выстрела? Потому что пистолет был с глушителем? Да, наверное. Ну и дела…

4

Настя снова перемотала пленку и включила воспроизведение. Ну почему же этот эпизод возле рынка в Конькове не дает ей покоя? Она смотрела запись, наверное, в сотый раз и не понимала, почему ее не покидает острое чувство тревоги. Более того, это чувство не проходило, оно становилось все сильнее, а причина его вновь и вновь ускользала от нее.

Глаза болели от постоянного напряжения, начала раскалываться голова. Она вышла на кухню, где Леша Чистяков методично раскладывал пасьянс. На плите вкусно похрюкивало жаркое под крышкой огромной кастрюли.

— Проголодалась? — спросил Леша, не отрывая глаз от разложенной колоды и перекладывая красную масть на черную.

— Пока нет, голова только сильно болит.

— Это от голода, — авторитетно заявил профессор математики. — Надо поесть, и все сразу пройдет.

— Давай, — вяло согласилась она. Может, так и вправду будет лучше.

Она лениво ковыряла вилкой в тарелке с едой,

хотя обычно с большим аппетитом поглощала Лешкину стряпню. Он по-настоящему хорошо готовил, а у нее не было к кулинарному делу ни малейших способностей, да вдобавок еще ее легендарная лень…

— Лешик, ты не хочешь попробовать помочь мне? — осторожно спросила она, считая свои слова невероятной наглостью: мало того, что Лешка привез к ней домой свой компьютер и из-за этого вынужден жить здесь, хотя в Жуковском ему, наверное, удобнее да и к работе ближе, мало того, что он ходит в магазины и готовит ей обеды и ужины, так теперь она собирается оторвать его от вечернего пасьянса с тем, чтобы он попробовал ей помочь. «Любой среднестатистический мужик давно бы уже послал меня вместе с моими «примочками» по отдаленному адресу. И как только Лешка меня терпит? Кажется, я употребила одно из словечек Бокра. Надо же, как быстро они прилипают».

— А в чем проблема? — спокойно поинтересовался Чистяков.

— Я все время смотрю одну запись, и она мне почему-то не нравится. Я не могу понять, в чем дело. Но я смотрела ее уже столько раз, что у меня глаз «замылился». Нужен свежий взгляд.

— Например, мой?

— Например, твой. Поможешь?

— Куда ж я денусь, — шутливо вздохнул он. — Тебе отказывать опасно, к тебе в дом каждый вечер уголовник приходит, нажалуешься еще на меня.

— Леша! — с упреком сказала она. — Никакой он не уголовник. Это все в прошлом. Бокр очень симпатичный человек.

— Ага, ужасно симпатичный, — подтвердил Леша. — Маленький такой, страшненький, нос кривой, глазки закатывает и при этом еще повизгивает. Ричард Гир пополам с Полом Ньюменом. Ну и кое-что от Фернанделя. Кстати, что-то он сегодня не приходил. Прогуливает?

— Он придет в одиннадцать, а сейчас еще только без десяти десять.

— В одиннадцать? А почему не в час ночи? Не в два? Пусть бы он оставался у нас ночевать, раз уж он такой симпатичный человек.

— Перестань, пожалуйста, — ответила Настя, с трудом сдерживая злость. — У моей работы есть свои издержки, и я буду тебе чрезвычайно признательна, если ты сумеешь с ними мириться.

Леша всегда легко уступал, если вопрос не казался ему принципиальным. Это его качество

было весьма ценным, если учесть нелегкий характер его подруги Анастасии Каменской.

— Просто он мне не нравится, вот и все. Может мне кто-то не нравиться, или я обязан любить всех подряд? Меня прямо бесит, когда вы с ним хохочете как ненормальные. Со мной ты никогда не бываешь такой веселой.

«Я идиотка, — со злостью подумала Настя. — Он же ревнует, а я ему мораль читаю. Господи, ну почему же я не умею быть деликатной, почему все время обижаю людей? Определенно, во мне есть какой-то моральный дефект».

— Зато с тобой я бываю любящей. Ну, Лешик, ну не дуйся, пойдем лучше в комнату посмотрим запись.

Они уселись рядышком на диван и стали всматриваться в экран телевизора. Для чистоты эксперимента Настя попросила Лешу просмотреть несколько эпизодов подряд, до сцены в Конькове и после нее.

— Ну что? Тебе не кажется, что в коньковском куске есть что-то такое, что отличает его от всех других?

— Нет, — Леша пожал плечами. — Я ничего такого не заметил.

— Фокус не получился, — огорченно констати-

ровала она. — А я так надеялась на твои глаза…

Она вытащила из пачки сигарету и щелкнула зажигалкой. Искра вылетела, но пламени не было. Она нетерпеливо щелкнула еще несколько раз, но все безрезультатно — закончился газ.

— Лешенька, будь добр, у меня в сумке должна быть еще одна зажигалка, — пробормотала она, сжимая губами сигарету и не отрывая глаз от экрана, на котором застыло изображение Игоря Ерохина возле метро «Коньково».

Леша покорно поднялся, вышел в прихожую и вернулся с зажигалкой. Раздался мягкий щелчок, Лешина рука поднесла огонь к кончику сигареты…

И в эту секунду Настя поняла, почему ей так не нравится застывший на экране кадр.

5

Бокр появился ровно в одиннадцать, еще раз подтвердив отмеченную Настей приверженность людей Эдуарда Петровича Денисова пунктуальности и точности. Он молча выслушал сбивчивые объяснения Насти, которая до сих пор не могла справиться с волнением.

— Посмотрите на этого человека, — она ткнула пальцем в лицо мужчины на экране. — Я вижу его уже второй раз. Вряд ли это совпадение, потому что оба раза он появляется там, где Ерохин.

— А когда был первый раз? Вы мне об этом не рассказывали.

— Это было еще до того, как вы приехали. В тот день, когда Даша пожаловалась мне, что за ней следят. Я решила повнимательнее присмотреться к ее наблюдателю, вышла из магазина и остановилась неподалеку. Я никак не могла найти в сумке зажигалку, и стоящий рядом мужчина помог мне прикурить. Это он и был. Понимаете, Бокр, он не проходил мимо, он именно стоял, причем там же, где и я, то есть как раз в том месте, откуда хорошо виден Ерохин.

— Получается, что этот тип за ним следит? Или

вы думаете, что он его охраняет?

— Ой, Бокр, — она схватилась за голову, — я уже вообще не знаю, что думать. Какая-то тотальная слежка всех за всеми. Но этот тип не охранник, иначе вы бы его засекли. Они ведь нигде ни разу не появились вместе, я имею в виду — в одной компании. Они ни разу не разговаривали. И потом, я точно помню, он еще немного постоял рядом со мной и ушел, а Ерохин торчал на Тверской после этого почти час. Не мог же охранник просто так взять и бросить свой пост.

— Значит, будем считать, что за нашим Игорьком наблюдает кто-то еще, кроме нас с вами. Любопытная получается эпидерсия. Просто пердимонокль какой-то! Указания будут?

— Обязательно. Этого человека нужно найти. Я не знаю как, но найти нужно.

— Да это ерунда, Анастасия Павловна, — махнул рукой Бокр, — если он таскается за Ерохиным, мы его отловим.

— А если нет? Может быть, он уже выполнил свою задачу и больше возле Ерохина появляться не собирается.

— Тьфу на вас, накаркаете, — Бокр визгливо рассмеялся. — Могу вам гарантировать, что если он появится, то вы будете иметь о нем инфор-

мацию через сутки. А если не появится, то мы найдем его в течение недели.

— Как вы сможете это сделать? Это же нереально, Бокр.

— Анастасия Павловна, я такого слова не знаю. Я знаю слово «трудно», я знаю слово «долго». А таких слов, как «нереально» и «безнадежно», для меня просто нет. Я их в детстве выучить забыл.

На какую-то долю секунды Насте показалось, что ей отказывает зрение. Она видела перед собой умного сильного мужчину, уверенного в себе, трезво оценивающего свои возможности, с твердым прямым взглядом, обязательного и надежного. И этот мужчина был чертовски привлекателен!

Она растерянно моргнула, и в комнате снова оказался маленький смешной Бокр в промокшем насквозь длинном сером пальто и в канареечно-желтых носочках. «Золотой мальчик» Эда Бургундского.

6

Конечно, они нашли его. Пусть не в течение суток, но меньше чем за неделю, потому что на четвертый день этот человек снова появился невдалеке от того места, где в данный момент находился Игорь Ерохин. Бокр сам занялся им.

Он проехал следом за ним чуть ли не пол-Москвы, хорошо еще, что объект ездил не на машине, а на метро. Бокр считал, что ему необыкновенно повезло, потому что умел извлекать много полезной информации из наблюдений за тем, как человек ездит в общественном транспорте. Старается ли он сесть при первой же возможности, или предпочитает ехать стоя, даже если есть свободные «сидячие» места; читает ли, или думает о чем-то своем, или просто подремывает; пропускает ли женщин и стариков, или ломится сквозь толпу, распихивая окружающих локтями; стоит ли спокойно на эскалаторе, или идет по ступенькам, особенно при движении наверх; пытается ли сесть в тот вагон, из которого ему потом будет удобнее выходить, или входит в первый попавшийся; готовит ли жетон для турникета заранее, или останавливается в самом непод-

ходящем месте, возле контролера, и начинает судорожно рыться в карманах или кошельке, мешая спотыкающимся об него пассажирам; подает ли милостыню бесчисленным нищим в переходах; останавливается ли возле торговцев газетами и сладостями — эти и множество других примет позволяли Бокру составлять психологический портрет человека.

Войдя следом за мужчиной в метро в первый раз, Бокр обратил внимание, что тот не опустил жетон в прорезь турникета, а предъявил контролеру какой-то документ. Поэтому когда в метро пришлось входить в следующий раз, Бокр легко обогнал его и встал за спиной у контролера, впившись глазами в открытое удостоверение. Короткой секунды ему хватило только на то, чтобы выхватить фамилию «Вакар» и слова «Генеральный штаб». Поразмышляв минутку, пока эскалатор плавно шел вниз, Бокр решил, что нужно срочно позвонить Каменской, даже если ради этого придется прекратить наблюдение. Фамилия слишком редкая даже для Москвы, этого человека наверняка можно будет установить через адресное бюро, ведь, судя по «Генеральному штабу», он не приезжий. Тогда можно будет и наблюдение возобновить. Может быть, сама

фамилия скажет Каменской больше, чем все результаты многочасовых наблюдений.

— Вакар? — задумчиво повторила Каменская, выслушав сообщение Бокра. — Вакар, Вакар… Боже мой, Андрей Вакар, 1985 год. Ему было одиннадцать лет, когда он погиб. Я хорошо помню это дело, я тогда только-только начала работать в милиции, все было в новинку, все интересно, по-этому все впечатления запомнились надолго. Неужели это его отец? Или родственник?

— Ему около пятидесяти, — заметил Бокр, — но это видно только с близкого расстояния. Стройный, подтянутый, легко ходит, по лестницам бегает. А седина и морщины — это на весь «полтинник».

— Да, я припоминаю, — согласилась она, — хотя, честно признаться, я тогда, на Тверской, его особо не разглядывала. Поблагодарила за помощь, и все. Вы правильно сделали, что позвонили мне сразу же. Но вечером я все равно вас жду.

Повесив трубку, Настя бросилась открывать сейф и тут же в отчаянии сообразила, что все аналитические справки за десять лет лежат у нее дома. После того как она переписала их в компьютер, знаменитая серая папка с розовыми ленточками так и осталась лежать в ящике

письменного стола. Она посмотрела на часы: половина третьего, Колобок наверняка не разрешит сейчас уйти домой, сегодня очень много работы. Но ждать до вечера терпения не хватит. Что же делать?

Она метнулась к телефону, моля судьбу, чтобы Лешка оказался дома. Ей повезло.

— Лешик, ты работаешь?

— Так точно, товарищ майор.

— Выйди, пожалуйста, в мою директорию.

— Ну, вышел, — через несколько секунд послышался его голос. — Дальше куда?

— Дальше «СПРАВКА — АНАЛИЗ — 1985».

— Есть, загрузил.

— Включай контекстный поиск.

— Включил. Что ищем?

— ВАКАР.

— Как? — переспросил Леша. — По буквам, пожалуйста.

Она повторила по буквам.

— Есть такой.

— Читай вслух, что там про него написано.

— Тут много, — возмутился Леша. — Совесть имей, девушка.

— Нету, миленький, нету у меня совести, у меня пожар в одном месте. Ну читай же!

— «Из раскрытых убийств 16 процентов раскрыты по «горячим следам» силами патрульно-постовой службы…»

— Это можно пропустить. Давай со второго вхождения.

— Так, второе вхождение, — повторил Чистяков. — «Потерпевший Вакар Андрей, 1974 года рождения, скончался от ножевых ранений, причиненных ему из хулиганских побуждений лицами, не достигшими к моменту совершения деяния возраста уголовной ответственности. Уголовное дело возбуждено в отношении старшего брата одного из соучастников, являвшегося подстрекателем. Убийство было совершено четырьмя подростками в виде расплаты за карточный долг: Орешкиным Юрием, 1971 года рождения, Ерохиным Игорем, 1971 года рождения, Габдрахмановым Равилем, 1971 года рождения, Закушняком Николаем, 1971 года рождения, учащимися 183-й средней школы Кировского района г. Москвы. Во время совершения преступления сестре погибшего Вакар Елизавете, 1969 года рождения, причинены легкие телесные повреждения. Подростки задержаны через 50 минут после совершения деяния и через 20 минут после того, как сообщение поступило в дежурную

часть ГУВД».

— Леша, что мне для тебя сделать?

— В смысле? — удивился он.

— Проси, чего хочешь, я все сделаю, только потрать на меня еще четверть часа.

— Замуж выйдешь за меня?

— Выйду.

— Обманщица ты, — вздохнул он. — Ладно, командуй, что еще сделать.

— Выходи в «СПРАВКУ — АНАЛИЗ» и ищи файл «АННЕКС-П».

— Нашел. Загружать?

— Загружай.

— Сделал.

— Теперь опять включай контекстный поиск и ищи фамилии.

— Какие фамилии?

— Ну те, которые ты мне только что прочел. Фамилии четырех подростков, которые убили Вакара.

— Да разве я их помню? Ты что, Аська, рехнулась?

— Орешкин Юрий, — подсказала она.

— Есть такой, — подтвердил Леша. — Тут написано: 1992 Н.

— Так я и думала, — проговорила она тихо. —

Закушняк Николай.

— Есть. 1993 Н. Ася, а что это означает?

— «АННЕКС-П» — это пофамильный список потерпевших. То есть убитых. Год — это год совершения преступления. Н. означает, что убийство осталось нераскрытым. Если стоит буква Р., значит, преступление раскрыто.

— А я еще видел «АННЕКС-В». Это про кого?

— Пофамильный список виновных в убийствах. Леш, не отвлекайся, а? Ерохин Игорь.

— Такого нет.

— Пока нет, — опять пробормотала она едва слышно.

— Что ты говоришь? — переспросил Леша.

— Ничего, это я так. Габдрахманов Равиль.

— Есть. 1993 Н.

— Кошмар. Теперь давай файл 1992 года.

— Ищем Орешкина?

— Догадливый ты мой.

— У тебя ума набрался. С кем поведешься…

Глава 10

1

Она плакала во сне. Ей снилась убитая Даша Сундиева и бледный, помертвевший от горя брат Саша. Почему-то на руках у него был новорожденный ребенок, и, глядя на него, она думала: «Это я во всем виновата. Если бы не мои ошибки, Даша была бы жива». Потом пришла спасительная мысль о том, что в момент смерти Даша была только в начале беременности, и, значит, это никак не мог быть ее ребенок. А если это все-таки ее ребенок, то Даша погибла из-за чего-то другого, так как… Она не успевала во сне додумать до конца, потому что на нее нахлынуло такое отчаянное, такое болезненное горе, от которого судорогой свело все тело. Ей хотелось кричать в голос, но из горла вырывался только свистящий шепот. Она изо всех сил напрягалась, думая, что ей станет хоть немного легче, если удастся громко зарыдать. И наконец ей это удалось. Она закричала и проснулась.

Подушка была мокрой от слез. Лешина рука крепко обнимала ее.

— Что ты, Асенька? — тихонько спросил он. — Приснилось что?

Она не ответила, теснее прижавшись к нему и уткнувшись лицом в его плечо.

Сон пропал совсем. Стараясь дышать ровно и не вертеться в постели, чтобы не будить Лешу, Настя снова и снова перебирала в уме всю имеющуюся информацию и готовилась к завтрашнему разговору с Гордеевым. Ничего хорошего этот разговор не предвещал.

Она напрасно потратила столько времени, пытаясь отследить некий «главный» контакт челноков. Почему-то она была уверена, что это человек не их круга и они по каким-то причинам некоторое время избегали его. Они чуяли неведомую ей опасность и «ушли в тину», тщательно оберегая от посторонних глаз того, кто мог бы дать ей ключ к разгадке. Так, по крайней мере, она думала. И ошибалась. Потому что главным оказался Резников, тот самый Резников, который с самого начала был на виду и ни от кого не прятался. Именно к Резникову побежали все трое, когда столкнулись с тем, чего не смогли понять и объяснить. Она все делала неправильно. Все, с самого начала. Не желая обнаруживать свой интерес к «челночной» компании, она не пользовалась своими служебными полномочиями и не просила о помощи никого из своих коллег.

Может быть, официальным путем она бы проще и быстрее установила истинное лицо Артема Резникова. Бокру и его команде это не удалось, что было вполне естественно, потому что глубоко копать под каждого из двух-трех десятков человек, с которыми ежедневно общались трое Дашиных наблюдателей, они просто не могли. Конечно, из этих двух-трех десятков Резников попал бы в первую тройку, потому что именно его Даша видела в метро в тот день, когда все началось. Ну и что из этого? Ну, был он в метро. Криминал-то в чем?

Осторожно, стараясь не разбудить Лешу, она выскользнула из постели, набросила на плечи теплый махровый халат и прокралась на кухню, плотно прикрыв за собой дверь. Включила газ и поставила на огонь чайник. Было начало четвертого, но она понимала, что все равно не уснет. Она стояла у окна и тупо вглядывалась в свое отражение, на какое-то время даже забыв, о чем, собственно, должна думать.

Чайник закипел, Настя налила себе чашку растворимого кофе, бросила в него сахар и толстый кусок лимона, закурила. Так прошло еще минут двадцать, пока ей не удалось взять себя в руки и преодолеть ту вязкую черную тоску, с которой

она проснулась и которая словно сковывала ее, пудовыми гирями повиснув на руках и могильной плитой придавив душу.

Она убрала со стола все лишнее, разложила чистые листы бумаги и принялась работать. Листы постепенно покрывались закорючками, кружочками, стрелками, короткими фразами, вопросительными и восклицательными знаками…

Да, Вакар — ее последняя надежда. Если он давно следит за Ерохиным, то мог видеть то, чего не видели и не знают Бокр и компания. И если Ерохин причастен к убийству милиционера Кости Малушкина, то Вакар может об этом знать. Он мог просто это видеть. Но если верно другое ее подозрение и Вакар имеет отношение к смерти трех друзей детства Игоря Ерохина, то он ни за что не даст показания против него, потому что это было бы равносильно признанию в намерении убить Ерохина. А это, в свою очередь, означало бы для него признание в убийстве тех троих. Вакар будет молчать, даже если что-то знает. И убийство Малушкина не раскроют никогда, если только сам Ерохин не явится с повинной. А он не явится, в этом можно не сомневаться.

Пожалуй, Вакар — это все-таки безнадежно. Если он совершил три убийства и не попался, то

ей не взять его голыми руками. Надо придумать что-то хитроумное, чтобы обвести его вокруг пальца. А если он не имеет отношения к этим убийствам? Тогда есть шанс, хоть и слабенький. Настя по привычке просчитывала все возможные варианты, ибо таково было ее непреложное правило, но в глубине души она не верила в удачу. Если те трое погибли не от руки Вакара, то для чего он сейчас следит за Игорем?

Она искренне позавидовала «золотому мальчику» Бокру, для которого не существовало слова «безнадежно». Ей бы такую уверенность.

2

Сурен Удунян и Виктор Костыря вышли из машины за квартал от дома, где жила Даша, и дальше пошли пешком. Перед нужным им домом стоял автобус, а рядом — небольшая группа людей. Женщины были в черных платках, у некоторых в руках — красные гвоздики.

— Похоже, похороны, — негромко заметил Костыря. — Вон и хахаль ее стоит, видишь?

Сурик молча кивнул. Артем послал их проверить, что случилось с Дашей. Для начала они хотели заглянуть в магазин «Орион», но, подойдя к входу, увидели подозрительного парня, с демонстративно ленивым и равнодушным видом разглядывавшего всех входящих. Он был очень похож на опера, который поджидает людей, интересующихся пропавшей продавщицей, поэтому заходить и наводить справки они не решились и поехали к ее дому.

Они встали возле автобуса, напрягая слух и пытаясь разобрать, о чем говорят стоящие группой люди в трауре.

— Родители совсем сдали…

— Венок… от сокурсников…

— Почему такое случается с молодыми…

— А что милиция? Разве они что-нибудь могут?

— Дашенька… Боже мой, Боже мой…

Внезапно один из мужчин обернулся и в упор поглядел на Сурика и Костырю, потом решительно подошел к ним.

— Ребята, вы на похороны? Вы откуда? Из университета? — требовательно спросил он.

— Да нет, — промямлил Сурик, распахивая невинные глаза и делая удивленное лицо, — мы просто прохожие. Остановились вот перекурить. Извините. А кто у вас умер?

— Умерла молодая девушка. Но вообще-то чужая смерть — не повод для любопытства. Шли бы вы отсюда. Сейчас родители выйдут, а вы тут курите, глазеете… Нехорошо, — зло сказал мужчина.

— Конечно, конечно, — быстро произнес Виктор, делая шаг в сторону и увлекая за собой Сурика. — Вы извините нас.

Они быстро двинулись обратно к машине. Торопливо открывая дверцы и усаживаясь, они не обратили внимания на человека, который сидел на скамейке рядом с машиной. В руках у него был отстегнутый поводок, а неподалеку мелко суе-

тился забавный персиковый пуделек карманного размера. Когда машина отъехала, хозяин пуделя достал миниатюрное переговорное устройство и произнес:

— Уехали. Контрольное время — пятнадцать минут.

Через пятнадцать минут группа людей в черном погрузилась в автобус.

— Не рано мы уезжаем? — обеспокоенно спросила Настя, глядя на часы. — А вдруг они решат вернуться и еще раз проверить?

— Нормально, — успокоил ее Бокр. — Времени прошло вполне достаточно, чтобы родители успели выйти и все мы поехали якобы в морг. Будем надеяться, что они не начнут рыскать по всем московским кладбищам, чтобы убедиться, что мы действительно хороним девушку.

— Будем надеяться, — согласилась Настя.

3

Виктор Алексеевич Гордеев внимательно слушал Настю. После перенесенной на ногах болезни он выглядел плоховато, под глазами собрались мешки, блестящую лысину то и дело покрывала испарина, появилась небольшая одышка. Но он привычно не обращал внимания на недомогание и был все тем же упругим Колобком, энергичным и требовательным.

Настя провела в его кабинете уже почти час, докладывая ему о ходе работы по четырем наиболее сложным на сегодняшний день делам. Она ни в одном из них не принимала непосредственного участия, но именно ей было поручено собирать воедино всю разрозненную информацию по этим делам, анализировать ее, выдвигать версии, придумывать способы наиболее быстрой и эффективной их проверки, тщательно оценивать вновь поступающие сведения и отсекать те версии, которые не подтверждаются. Такой стиль работы был в свое время придуман самим Колобком, и именно для этой функции он взял на работу Анастасию Каменскую, в то время совсем молоденькую, только начавшую

свою милицейскую карьеру в одном из районных управлений внутренних дел. Его удивила тогда неутомимая способность этой девчушки к кропотливой аналитической работе, а также несвойственная большинству людей широта мышления, позволявшая Насте выдвигать самые неправдоподобные версии и находить им самые невероятные объяснения. Над ее дикими гипотезами открыто смеялись, а Гордеев ради любопытства проверил одну из них, удовлетворенно хмыкнул и тут же запросил ее личное дело…

— Виктор Алексеевич, мне кажется, что я могу добыть информацию об убийстве милиционера у метро «Таганская», — осторожно начала она, покончив с официальной частью беседы.

Гордеев снял очки и сунул дужку в рот, что означало высшую степень внимания и готовность к продолжению работы.

— Это касается людей, которых дал тебе твой любезный друг Денисов? — недовольно спросил он.

— И да, и нет. С их помощью я обнаружила человека, который мог видеть или знать что-нибудь важное. Но человек этот к ним никакого отношения не имеет, он сам по себе. В двух словах ситуация выглядит следующим образом: если

он ничего не знает, то тут, увы, дальше дороги нет, а если знает, то ни за что не скажет нам об этом, потому что сам собирается убить того, кто застрелил Костю Малушкина. В первом случае мы ничего сделать не можем, во втором — скорее всего тоже. Но нужно пробовать. Я сегодня была в 37-м отделении, говорила с сотрудниками, которые занимаются убийством Малушкина. У них — полный ноль, ни одной зацепки, ни одного следа. Но они, честно признаться, мне не очень понравились. Если отдать им человека, который может что-то знать, они все испортят, а пользы не будет. Они с ним не справятся.

— Хм, а ты, выходит, справишься?

— Боюсь, что и я не справлюсь. Только если вы мне поможете…

— Допустим. У тебя есть конкретный план?

— Пока нет. Мне нужно узнать об этом человеке как можно больше, чтобы было из чего делать основу под план.

— Где находится дело об убийстве Малушкина?

— В прокуратуре округа. Следователь Болдырев. Виктор Алексеевич, убийство милиционера вряд ли раскроют. Никто не видел, как он ушел с поста, никто не знает, с кем и зачем он ушел

и как попал на стройку. Этого и я не знаю, но я догадываюсь, почему его убили. Только догадываюсь, доказательств у меня нет. И о том, кто его убил, я тоже только догадываюсь, но тот человек, о котором я вам говорю, мог видеть, с кем Костя вышел из метро и пошел на эту чертову стройку. Его показания могут стать доказательством, и это — единственное доказательство, которое мы в принципе можем получить по этому делу. Весь фокус состоит в том, чтобы добиться от него показаний.

— Хорошо, — кивнул Колобок. — Я подумаю, что можно сделать. Но мне все это не нравится, Анастасия. Во-первых, мне не нравится твоя самодеятельность. Во-вторых, мне не нравится твое недоверие к сыщикам из 37-го отделения. Ты должна им помогать, если у тебя открылась такая возможность, а не тянуть одеяло на себя.

Настя уже собралась было рассказать начальнику о возможности раскрыть три давних убийства, но почему-то промолчала. Это выглядело бы так, будто она оправдывается.

— Вообще во всей этой истории я тебя не одобряю, — продолжал между тем Гордеев, — но я считаю, что ты должна учиться на своих ошибках сама, а не с моей помощью, только тогда из

тебя выйдет толк. Если ты уверена, что никогда в будущем не раскаешься, что пользовалась услугами Денисова, — что ж, действуй. Только потом, когда он через какое-то время возьмет тебя за горло и потребует ответной услуги, не беги ко мне жаловаться. Я тебя предупреждал. Если ты уверена, что можешь сделать то, чего не могут ребята с территории, — валяй, я тебе помогу. Но если окажется, что ты все сделала неправильно, а те ребята смогли бы это сделать лучше и эффективнее, — пеняй на себя. Перед начальством я тебя, конечно, прикрою, но сам поговорю с тобой уже по-другому.

— Я все понимаю, Виктор Алексеевич, — удрученно сказала Настя.

— Ну, коли понимаешь, тогда начинай. Я тебя слушаю.

Настя провела в кабинете начальника еще какое-то время и вышла от него совсем подавленная. Точные вопросы и безжалостные оценки Гордеева еще больше заставили ее усомниться в своих возможностях. И зачем только она все это затеяла? И зачем к ней пришел брат со своими проблемами?

Но она тут же вспомнила о Даше, с которой неизвестно что могло бы случиться, если бы она,

Настя, вместе с Бокром не вывела ее из-под удара. И еще она подумала о юном розовощеком Косте Малушкине, убийство которого так и повисло бы в воздухе, если бы не брат Саша со своими проблемами.

4

В далеком азиатском городе наступила ночь, но в лаборатории работа не прерывалась ни на минуту. График испытаний был чрезвычайно плотным, и, для того чтобы закончить проект, как и было обещано, к 1 января, нельзя было позволять себе ни выходных дней, ни ночного отдыха.

В кабинете руководителя проекта стояла тяжелая тишина: обитые звукоизоляционным материалом стены не пропускали ни звука, а окон в помещении не было. Сам руководитель, толстый, болезненно оплывший человек лет сорока с редкими каштановыми волосами и крупным носом, что-то сосредоточенно писал в блокноте. Нет, никак не получалось закончить работу, если будут по-прежнему продолжаться перебои с поставкой сырья. В ближайшие три-четыре дня можно провести серию испытаний, но если результаты покажут, что нужно делать новый вариант прибора, то без сырья не обойтись, а все запасы кончились. Это означает отсрочку завершения проекта и снижение гонорара. Слишком большая отсрочка влечет еще более крупные неприятности.

Майкл Штейнберг, которого еще совсем недавно звали просто Мишей или Михаилом Марковичем и который все свое детство провел на Западной Украине, во Львове, находился здесь, в Азии, нелегально. У него не было ни паспорта, ни вида на жительство, ни гражданства. Все это ему было обещано, если он вовремя и с хорошим результатом завершит работу над проектом. А если нет — его просто вышвырнут на улицу, предварительно накачав каким-нибудь лекарством, которое сделает его поведение таким, что он быстренько окажется в полиции, а затем в доме для умалишенных. На этом жизнь талантливого ученого Майкла Штейнберга закончится, и начнется бессмысленное существование сумасшедшего без имени, семьи и прошлого. Его предупредили, что если придется принимать против него кардинальные меры, то сделано это будет в стране, где понятие о законности и правах человека весьма эфемерно и приблизительно, так что надеяться на правовую защиту государства ему не придется.

Он даже не знал точно, где на самом деле находится. Его, жадного до денег и самоуверенного, просто купили, купили легко, как вещь на базаре, купили в тот самый момент, когда он только

сошел с самолета в аэропорту Тель-Авива. Он выехал в Израиль один, престарелые родители категорически отказались покидать Львов, а жена уже давно с ним развелась и жизнью бывшего супруга не интересовалась, да и жила она совсем в другом городе. Историческую родину Миша так и не увидел, его пребывание на земле обетованной ограничилось четырехдневным проживанием в гостинице аэропорта, во время которого его ловко и умело обработали, сыграв на любви к деньгам, страхе перед нищетой и безработицей, тщеславии ученого. У него забрали документы, а через четыре дня погрузили в самолет вместе с тремя сопровождающими, и Миша улетел из Израиля в Канаду. Дальнейшее путешествие проходило исключительно на частных самолетах, экипаж которых многословием не страдал. Сопровождающие его люди, напротив, были вежливы и разговорчивы, но лишь в определенных пределах. Поэтому, когда Майкла Штейнберга привезли в эту огромную подземную лабораторию, он мог лишь гадать, находится он в Китае, Корее, Японии, Австралии или на Мальдивских островах. Со временем он, конечно, разобрался, что находится все-таки в Азии, но где именно — так и осталось для него загадкой.

Работающим над проектом людям, судя по всему, под страхом смерти запрещено было обсуждать с руководителем что бы то ни было выходящее за рамки научной работы. Да и само общение было весьма ограниченным: Майкл сидел в отдельном кабинете, а все разговоры велись либо по прослушивающемуся внутреннему телефону, либо в присутствии одного из двух американцев, представляющих, как сообразил Миша, службу безопасности. При них язык особенно-то не распустишь.

Штейнберг нажал голубую кнопку на пульте связи. Дверь тотчас же раскрылась, и в кабинет вошел один из американцев, которых Миша про себя называл церберами.

— Слушаю вас, доктор.

— Как решается проблема с сырьем? — недовольно спросил Майкл. — Время идет, и работы могут остановиться.

— Каков максимальный срок, который мы можем еще протянуть?

— Три дня, самое большее — четыре, — отрезал руководитель. Здесь он быстро научился быть жестким и неуступчивым.

Американец разговаривал с ним спокойно, но отстраненно, словно не желая вникать в про-

блемы, стоящие перед этим толстым потным человеком.

— Я доложу, — ровным голосом ответил он, — что сырье нужно вам через четыре дня.

— Уж будьте любезны, — отпарировал Штейнберг, не пытаясь скрыть злость и тревогу. — Я вас больше не задерживаю.

Цербер молча повернулся и вышел.

Майкл пытался утешить себя тем, что перебои с сырьем — не его вина, поэтому, если завершение проекта из-за этого задержится, его не будут наказывать. Но утешение оказалось слабым, потому что в самом начале работы по укоренившейся еще с советских времен привычке он лентяйничал и халтурил, долго раскачивался, тянул резину, строил из себя великого мыслителя. И это не осталось незамеченным его нанимателями. Его сначала мягко предупредили, а потом открыто пригрозили, объяснив, что предвыборная кампания в стране начинается в феврале, поэтому, если проект не будет завершен вовремя, работа над ним вообще теряет смысл, и за вложенные в него огромные деньги найдется с кого спросить. В том числе и с него, научного руководителя проекта. Вот тогда ему впервые и объяснили про сильное психотропное лекарство и закрытую

клинику для душевнобольных. Майкл поверил им безоговорочно, потому что такие приемчики издавна применялись и в России, о чем ему было хорошо известно. Более того, в последнее время он начал побаиваться, что такая судьба ждет его независимо от исхода работы над проектом: он не опасен для своих нанимателей только до тех пор, пока сидит в этом вонючем изолированном от всего света бункере. Когда работа закончится, его нужно будет выпустить. Кто знает, не побоятся ли они это сделать… Поэтому Майкл изо всех сил старался проявить себя как можно лучше, чтобы его захотели снова использовать. Он с тоскливым сарказмом думал о том, что начинал работу, мечтая о больших деньгах, а заканчивает ее, мечтая лишь о том, чтобы остаться в живых. Потому что если его будут использовать и дальше, то он так и останется в этом ненавистном бункере, где деньги не имеют никакого значения, они здесь просто не нужны.

Двумя этажами выше в точно такой же комнате американец-цербер доложил своему соотечественнику о требованиях научного руководителя проекта.

— Мне пришла в голову забавная мысль, — неожиданно рассмеялся Карл, распрямляя плечи

атлета и сладко потягиваясь после нескольких часов сидячей работы. — Пойдите к нему и предложите выделить дополнительные деньги на приобретение сырья из его собственного гонорара. Уверен, что он на это пойдет, он слишком сильно хочет остаться в живых и уже дошел до той простой мысли, что жизнь все-таки дороже денег. Акира-сан очень не хочет платить дополнительные суммы за стимулирование нашего русского поставщика, более того, он обещал увеличить гонорар, если мы сможем избежать дополнительных затрат. А избежать их никак не удается. Эти азиаты не в состоянии ничего изобрести сами, весь их технический прогресс основан на ворованных схемах и украденных идеях. Они покупают и используют мозги европейцев и американцев, для решения организационных вопросов нанимают японцев, но при этом остаются чудовищно скупыми. Попробуем заставить одного русского дать денег другому русскому, чтобы в итоге мы с вами получили некоторую дотацию.

— Неплохо придумано, — улыбнулся цербер. — Кончится тем, что Штейнберг сам будет финансировать весь проект, только бы выжить. А что? На его счету уже солидные суммы скопились, пусть вложит их в наше общее дело.

И они оба оглушительно расхохотались.

Еще через час в московском посольстве одной из стран СНГ раздался телефонный звонок.

— Скажите ему, что мы готовы заплатить тройную цену, если он сможет встретиться с нами в течение трех дней. Если ему нужна неделя, то цена будет лишь удвоена. Через две недели мы готовы взять товар по старой цене. По прошествии двух недель мы отказываемся от его услуг и обращаемся к другим продавцам.

5

Артем Резников налил в высокий бокал грейпфрутовый сок и бросил туда кубик льда. Потом положил в рот таблетку и залпом выпил сок. Через полчаса Ирина подаст обед.

Он вышел на кухню, где возле плиты хлопотала жена, и грузно опустился на угловой диванчик. Он любил наблюдать за Ириной, ему нравилась ее легкая худощавая фигурка юной девушки, моложавое ухоженное лицо в обрамлении тщательно уложенных седых волос. Он категорически настаивал на том, чтобы она не закрашивала седину. Его по-прежнему, как и в юности, волновала и возбуждала мысль о том, что она намного старше его самого.

— Ну что, лапусечка, ты дозвонился до Севы? — спросила жена, переворачивая на сковородке аппетитные куски мяса.

— Он в командировке, вернется только в понедельник. Так что с большими деньгами мы, похоже, пролетели, как фанера над Парижем.

— Не огорчайся, — улыбнулась Ирина. — Слишком большие деньги всегда опасны, ты же знаешь. Я не люблю риска. Двойная цена — это

тоже очень неплохо. Вернется Сева, возьмешь у него товар и через недельку все сделаешь. Совсем не обязательно говорить ему о повышении цены. Расплатишься с ним как обычно, так что и мы с тобой не внакладе.

— А ребятам сказать, как ты думаешь?

— Еще чего! — фыркнула Ирина. — Этим недоумкам и того много, что ты им платишь. Бабы в красном они испугались, видите ли! Да им подсунули трех девок-близняшек, одели одинаково и велели говорить одно и то же, а они уже зассали от страха, привидения им мерещатся. Своего-то умишка не хватило додуматься, к тебе побежали, поджав хвосты.

— Ладно, киска, не ворчи, — ласково сказал Резников. — Ну прибежали и прибежали, ничего не случилось. Наши конкуренты, видно, тоже по уши в дерьме, если их девицу все-таки кто-то убрал. По крайней мере, теперь они нас трогать не будут, у них своих неприятностей хватает. Так что можно возобновить деловые игры.

— А милиционер? — спросила жена, выключая огонь под сковородкой и принимаясь за салат. — Мы же так и не выяснили, не охотится ли за нами милиция. Зачем девка сунула ему записку с твоими приметами?

— Киска, на все вопросы нет ответов, а дело стоит на месте. Если бы наши конкуренты были связаны с милицией по-настоящему, то им с самого начала было бы очевидно, кто убил этого сержанта из метро, и Игорек уже давно парился бы на нарах. Это уж как дважды два. А он пока что жив-здоров. Так что с милиционером получилась какая-то накладка. Наблюдая за девчонкой, мы ничего не выяснили, хотя совершенно очевидно, что она с кем-то связана. Но, поскольку мы тут же залегли на дно и не делали лишних телодвижений, они потеряли к нам всякий интерес. Они поняли, что мы их засекли и не будем ничего предпринимать, пока они от нас не отстанут, поэтому крутиться около нас бессмысленно: нам они руки связали, но и себе пользы не принесли. А у них есть еще какие-то дела, похоже, довольно серьезные, раз их девочку пристрелили. Так неужели ты думаешь, что в этой ситуации они будут тратить на нас время? У них же тоже голова на плечах есть.

— Уверен? — с сомнением покачала головой Ирина.

— Процентов на девяносто. Риск ошибки есть, но он есть всегда, и не надо делать из этого непреодолимую проблему. Через неделю у нас с тобой

на счету будет уже полтора миллиона долларов, так что можно будет потихоньку начать собираться отсюда. Да, киска?

— Не знаю, Темушка, что-то мне в этот раз боязно, — повела плечами жена. — Может, подождем, пока будет полная ясность?

— Мы не можем ждать, — начал раздражаться Артем. — Как ты не понимаешь? Сева меня торопит, ему тоже хочется денег побольше и побыстрее, он, как и мы, лыжи вострит за границу. Если я не возьму у него товар, он найдет, куда его пристроить. А где я потом буду другого Севу искать? Покупатели меня тоже за горло берут, они мне назвали по меньшей мере три источника, где могут брать товар, если я соскакиваю. Если мы с тобой будем осторожничать, то рискуем потерять все. Больше мы не получим ни цента, и все наши с тобой планы полетят псу под хвост.

— Хорошо, лапусик, тебе виднее, — со вздохом согласилась Ирина, доставая приборы и накрывая на стол.

6

Вакар наслаждался одиночеством в пустой квартире. В последнее время ему это редко удавалось. Лиза все чаще впадала в депрессию и сидела дома, слоняясь по квартире бледной тенью и с немым укором поглядывая на отца. Жена больше не намеревалась хранить холодное молчание, она демонстративно перебирала вещи и рисунки сына и вслух рассуждала на свою любимую тему о не находящей покоя душе мальчика и о том, что родной отец не может позаботиться о справедливости. Владимир Сергеевич старался бывать дома как можно меньше, задерживаясь допоздна на работе или наблюдая за Ерохиным. Сегодня был четверг, Лиза ушла в гости к Диме Сотникову, жена куда-то отлучилась, и он на несколько часов вздохнул свободно.

До конца отпущенного Еленой срока оставалось совсем немного, и он уже продумал, когда и как закончит свою тяжелую, горестную, но необходимую миссию. Сегодня можно было никуда не идти, и Владимир Сергеевич не торопясь привел в порядок повседневную и парадную форму, проверил шинель и папаху: в начале ноября обычно

проводился строевой смотр в зимней форме одежды. Потом он разобрал наконец бумаги, скопившиеся в письменном столе, все ненужное порвал и выбросил, а оставшееся разложил по отдельным папкам и сделал на них аккуратные надписи. Наткнувшись в глубине ящика на старые полковничьи погоны, в который уже раз с горечью подумал о том, что ни разу не довелось ему надеть китель, на который погоны были бы пришиты руками Елены. У всех его коллег-офицеров жены с трепетом следили за служебным ростом своих мужей и пришивание новых погон с очередной звездой считали своим священным долгом. И только Елена никогда толком не знала, когда ее мужу присваивали очередное звание и сколько еще ждать до следующего. Звание полковника он получил досрочно, но, когда кто-то из офицерских жен удивился, что муж Елены в тридцать шесть лет уже полковник, та не нашла ничего лучше, чем равнодушно ответить:

— Да? А по-моему, в самый раз. Вообще-то я в этом не разбираюсь.

Покончив с бумагами, Вакар с удовольствием сел за прибранный стол и два часа потратил на подготовку к завтрашней лекции. У него было много нового материала, который он система-

тизировал, продумал методические приемы, которые помогут сделать его более доходчивым и легко запоминающимся, проверил карты и схемы, кое-что переделал и обновил. И только после этого позволил себе прилечь на диван с книжкой. Но ему не читалось. Мысли были заняты Ерохиным и своей чудовищно исковерканной жизнью.

Скрежет ключа в замке заставил его подняться. Он никогда не позволял себе лежать в присутствии жены и дочери.

Вернулась Елена.

— Ты дома? — несказанно удивилась она, как будто единственным предназначением ее мужа было отныне метаться по улицам в попытках убить последнего из четырех. — Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось. Зашел переодеться. Сейчас ухожу, — по обыкновению коротко и сухо ответил генерал.

Сняв спортивный костюм, он надел джинсы, байковую рубашку и легкую кожаную куртку, сунул в карман сигареты и бумажник, взял ключи от машины и, не сказав больше ни слова, вышел из дому. Елена не спрашивала, куда он уходит и когда вернется, это было ей неинтересно, по-

этому он и сам давно уже перестал сообщать ей об этом.

Вакар вышел на улицу и не спеша побрел в сторону Сущевского вала. У него не было никакой цели, просто он не хотел находиться дома, поэтому наметил себе маршрут: по Сущевскому дойти до Рижского вокзала, оттуда по проспекту Мира — до Сухаревки, а обратно можно вернуться на метро. Дома, по его расчетам, он окажется около полуночи, Елена и Лиза уже будут спать, и никто не станет донимать его разговорами и упреками.

Дойдя до Рижского вокзала, он остановился у перекрестка, ожидая зеленый сигнал светофора, как вдруг кто-то осторожно тронул его за плечо и тихий голос над ухом произнес:

— Владимир Сергеевич.

Он резко повернулся всем корпусом, как по команде «кругом», и увидел женщину. В темноте он не сразу разглядел ее лицо, отметил только, что она высокая, худощавая и молодая.

— Вы мне? — недоуменно спросил он.

— Если вас зовут Владимиром Сергеевичем, то вам.

— Разве мы знакомы?

— Нет, — ответила женщина. — Но мне бы хотелось познакомиться. Давайте отойдем к фонарю,

здесь мы мешаем прохожим.

Он покорно сделал вслед за ней несколько шагов и остановился в хорошо освещенном месте.

— Вот мои документы.

С этими словами она протянула ему красное служебное удостоверение. С фотографии на него глядела та самая тихая дурнушка, которую он видел как-то на улице и над которой в душе посмеялся, думая, что она ждет вечно опаздывающего дружка. Майор милиции Каменская Анастасия Павловна.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Генерал Вакар действительно был в прекрасной форме.

Глава 11

1

Настя Каменская и Владимир Вакар сидели на скамеечке в тихом московском дворике. Было совсем темно, дворик освещался только слабым светом из окон. Моросил мелкий противный дождик, Настя накинула капюшон, а Вакар так и сидел с непокрытой головой.

— Вам знаком человек по имени Игорь Ерохин? — спросила она.

Вакар немного подумал, прежде чем ответить.

— Девять лет назад подросток по имени Игорь Ерохин убил моего сына. Если вы говорите о нем, то — да, я его знаю.

— Я говорю именно о нем. Вы давно его видели в последний раз?

— Дня два или три назад. Он, по-видимому, навещал свою мать, которая живет на соседней улице.

— Скажите, Владимир Сергеевич, вам никогда не приходилось встречать Ерохина в районе метро «Таганская»?

И снова молчание. Наконец он спросил:

— Я могу узнать, какова цель ваших расспросов?

— Конечно. Месяц назад возле метро «Таганская» на стройке был убит работник милиции Константин Малушкин. У меня есть все основания подозревать, что его убил Ерохин. Поэтому я просто ищу доказательства, вот и все. Так как, Владимир Сергеевич, видели вы его там?

— И что изменится от того, что я его видел?

— Вы не отвечаете на мои вопросы, товарищ генерал.

— И не буду отвечать, пока не пойму их смысл.

— Хорошо, я постараюсь вам объяснить. Малушкина нашли на стройке застреленным спустя примерно полтора часа после его смерти. До этого он дежурил в метро, возле выхода с эскалаторов. Никто — ни работники метро, ни работники отделения милиции не знают, почему он оставил пост и зачем пошел на стройку. Он нарушил существующие правила и ушел, никого не поставив в известность. Но он был еще очень молод и неопытен, он работал всего два месяца. Работники милиции, пытаясь раскрыть это убийство, с ног сбились в поисках свидетеля, который мог видеть, с кем Малушкин вышел из метро, но так никого и не нашли. Мой разговор с вами — это еще одна попытка найти такого свидетеля.

— Позвольте, Анастасия Павловна, у вас что-то

не сходится, — заметил Вакар. — Вы мне только что сказали, что, по вашим сведениям, милиционера убил Игорь Ерохин. Значит, вы знаете, с кем ваш Малушкин вышел из метро. Зачем же вам свидетели?

«С тобой трудно, генерал, — подумала Настя. — Ты не хочешь мне врать, у тебя, видно, есть на этот счет свои принципы. Но и правду говорить не хочешь. И все равно ты проговорился. Разве я упоминала о том, что человек, с которым Костя вышел из метро, и человек, который его убил, это один и тот же человек? Нет, генерал, я этого не говорила. Это сказал ты, потому что ты все видел».

— Видите ли, Владимир Сергеевич, между тем, что я знаю, и тем, что может быть положено в основу обвинительного заключения, огромная дистанция. На свободе ходят тысячи и тысячи преступников, вина которых была абсолютно очевидной для работников уголовного розыска, но против которых не было ни одного доказательства, предусмотренного правовыми нормами. «Я знаю» и «Я доказал» — это совсем не одно и то же. Все, что у меня есть против Ерохина, — это только косвенные улики, а их может быть три вагона и четыре маленьких тележки, но они никому не нужны, если нет ни одного прямого доказа-

тельства. Показания свидетеля, который видел, что Малушкин зашел на территорию стройки вместе с Ерохиным, а потом Ерохин вышел оттуда один, могут быть таким доказательством, и тогда к нему, как к локомотиву, можно цеплять все остальные вагоны и тележки. Теперь вам понятен смысл моих вопросов?

— Да. И я не хочу на них отвечать.

— Почему?

— Не хочу, — ровным голосом повторил генерал.

— Понятно, — спокойно ответила Настя.

Ничего другого она и не ожидала. Они молча курили, не обмениваясь ни словом. Вакар не делал попытки уйти, и Настя оценила это по достоинству.

— Владимир Сергеевич, а вы меня узнали? — внезапно спросила она.

— Да, я вас узнал.

— Я могу узнать, что вы в тот день делали на Тверской?

— Ходил по магазинам.

— Вы знали, что в двух шагах от того места, где мы с вами встретились, стоял Игорь Ерохин?

— Да, я его видел.

«Черт бы тебя взял, генерал, почему ты не

врешь? Если бы ты пытался говорить неправду, я бы тебя моментально поймала и вцепилась бы тебе в горло мертвой хваткой. Но ты ухитряешься говорить правду так, что мне не к чему прицепиться».

— А на вещевом рынке в Конькове вы бывали когда-нибудь?

— Да.

— Не встречали там Ерохина?

— Встречал. По-моему, Коньково находится довольно далеко от Таганки, вам не кажется, Анастасия Павловна? Я опять упустил смысл ваших расспросов.

Снова повисло тягостное молчание. Насте казалось, что она, как карусельная лошадка, ходит по одному и тому же кругу и никак не может из него вырваться.

— Владимир Сергеевич, я знаю несколько больше, чем вы думаете. Но, прежде чем я начну говорить с вами открыто, я хочу еще раз вам напомнить: между моим знанием и судебным приговором лежит пропасть, которую далеко не каждому дано преодолеть. Сейчас, здесь, вот на этой скамейке, я не являюсь процессуальным лицом, у меня нет бланка протокола допроса, я ничего не записываю, и все, о чем мы будем

говорить, никакой юридической силы не имеет, если вы потом не подтвердите все свои слова в официальной обстановке. Что бы вы сейчас мне ни сказали, вам это ничем не угрожает. Вы меня поняли?

— Да, — по-прежнему коротко ответил Вакар.

— Вы следите за Ерохиным, потому что хотите его убить?

И снова молчание, на этот раз не тягостное, а словно насыщенное электрическими разрядами. Насте казалось, что если Вакар сейчас не заговорит, то она просто упадет в обморок от напряжения.

— Я не буду отвечать на ваши вопросы, — наконец произнес он.

— В 1992 году вы убили Юрия Орешкина, в 1993-м — Закушняка и Габдрахманова. Теперь на очереди Игорь Ерохин. Поймите же, Владимир Сергеевич, я не могу раскрыть убийство Малушкина без ваших показаний, а вы отказываетесь их дать, потому что не хотите обнаружить свой интерес к Ерохину. Но ведь, если вы его все-таки убьете, я буду точно знать, что это сделали вы. И вам придется отвечать за все четыре трупа. Пока Ерохин жив, я не могу доказать, что вы убили тех троих, пусть это останется на вашей совести, до-

казательств у меня все равно нет, если только вы сами не признаетесь. Но после убийства Ерохина я костьми лягу, но повешу на вас смерть всех четверых. Откажитесь от своего намерения. Отдайте мне Ерохина. Пожалуйста, — тихо добавила она.

— Я готов нести ответственность за все, что делаю, — жестко сказал генерал. — Но помогать вам я не намерен.

«Я была права, ты мне не по зубам, — с досадой подумала Настя. — Тюрьмы ты не боишься, позора и бесчестья тоже. Но должно же быть у тебя слабое место, должно, ты же человек, а не железка. И я его найду».

— Больше вы мне ничего не скажете?

— Нет, больше ничего.

— Очень жаль, — сказала она, поднимаясь со скамейки. — В таком случае не буду больше отнимать у вас время. Но вы все-таки подумайте о моих словах.

— Вы далеко живете? — неожиданно спросил он.

— Далеко, на Щелковской.

— Рядом с метро?

— Нет, еще на автобусе ехать четыре остановки.

— Я вас провожу.

— Зачем? — изумилась она.

— Женщина не должна ходить одна в позднее время, — решительно ответил Вакар.

— Я не женщина, — усмехнулась Настя, — я — работник милиции, так что провожать меня не нужно.

— У вас есть оружие?

— В сейфе лежит.

— Почему не носите?

«Господи, да он меня отчитывает, что ли? Ай да генерал! Хороший ты мужик, генерал Вакар, только, похоже, очень несчастный».

— Не ношу, и все, — пожала она плечами. — Я им и пользоваться-то толком не умею.

— Плохо, — строго произнес Вакар. — У вас что, служебная подготовка не проводится? Контрольные стрельбы?

— Да все у нас проводится, только я отлыниваю.

— Плохо, — снова повторил Вакар. — Я вас все-таки провожу.

— Не надо, меня возле метро ждет машина.

— В таком случае прошу меня извинить за навязчивость, — сухо сказал он и, повернувшись всем корпусом, пошел в сторону Сущевского вала.

2

Дмитрий Сотников разговаривал с Настей неохотно.

— Вы в чем-то подозреваете Владимира Сергеевича? — настороженно спросил он.

— Ни в коем случае, — солгала она, не моргнув глазом. — Дело в том, что Владимир Сергеевич является свидетелем убийства, но по каким-то непонятным мне причинам отказывается дать показания. Мне кажется, что моя настойчивость граничит с жестокостью, и я хочу попытаться понять его характер, чтобы обойтись с генералом как можно более деликатно. Пожалуйста, расскажите мне о его семье.

— Зачем? Почему бы вам не пойти к нему домой и не посмотреть самой?

— Я не хочу тревожить людей, перенесших такую трагедию, — сказала она наобум. И попала в цель. Дмитрий сразу смягчился.

— Значит, вы знаете?

— Конечно.

— Елена Викторовна совсем… — Он замялся, не желая обижать мать Лизы и стараясь подобрать подобающие слова. — Одним словом, она все эти

годы пребывает в глубоком трауре и заставляет всю семью жить под сенью вечной трагедии. Вот, примерно так. Знаете, Андрюшина комната, Андрюшины вещи, рисунки, стихи, фотографии. В таком духе.

— А дочь?

— С Лизой тоже плохо. Она все время болеет, без конца пьет какие-то таблетки, живет только воспоминаниями о брате. Если хотите знать мое мнение, они генерала совсем задавили. Он же нормальный мужик с нормальной психикой, представляете, каково ему в этом царстве слез и причитаний?

— Вы хорошо знаете Владимира Сергеевича?

— Не очень. Вот Лизу я знаю много лет.

— У вас близкие отношения?

Сотников посмотрел на Настю с упреком и недоумением.

— Какое это имеет значение?

— Никакого. Я просто спросила. Она вас любит?

— Наверное.

— А вы?

— Анастасия Павловна, вы пришли говорить о ее отце, а не о наших с ней отношениях. Я прав?

— Разумеется, вы правы. Но коль вы знаете

ее отца не очень хорошо, то, может быть, ваш рассказ о Лизе поможет мне понять его характер.

— Лиза… Ну, она полностью попала под влияние матери. Ходит на кладбище каждую неделю и готова на полном серьезе обсуждать вопрос о том, понравились ли Андрюше цветы, которые она ему принесла.

— А что, Елена Викторовна верит в бессмертие души?

— Еще как верит! И в церковь ходит, да еще и Лизу заставляет. Даже крещение приняла. Ли-за рассказывала, что теперь у матери один свет в окошке — ее крестная. Незыблемый авторитет.

Они проговорили целый час. За это время Насте удалось составить некоторое представление о той обстановке, в которой жил генерал Вакар, и она еще больше уверилась, что ключ к несговорчивому свидетелю надо искать именно здесь.

Расставшись с Сотниковым, она связалась с Бокром и рассказала ему про церковь, которую посещала Елена Вакар.

— Там крутится некая тетя Люба, крестная мать Елены. Посмотрите, что это за человек. Мне бы надо с ней поговорить.

— У нас тоже есть новости, — сообщил Бокр. — Резников зашевелился, вечером сообщу подроб-

нее.

Ближе к концу дня Настю вызвал Гордеев. Он был злой и красный.

— Ты маленькая паршивка, — изрек он, едва увидев Настю на пороге своего кабинета. — Какого лешего ты мне не сказала, что Резников был связан с оборонными объектами? Я начал наводить о нем справки, а мне в ответ показали большую красивую фигу, да еще и пытались из меня информацию вытрясти.

— Я не знала, — растерялась Настя. — Честное слово, я не знала. У меня таких сведений не было.

— Плохо, что не было. Куда твои хваленые бандиты глядели? Теперь того и жди явятся наши доблестные контрразведчики и заберут себе весь материал, в том числе и убийство Малушкина. А ведь ты его, как я понимаю, почти раскрыла. Опять все лавры им достанутся, а нам — пенделя под задницу. Черт, знал бы, ни за что бы не сунулся проверять твоего Резникова.

— Да ладно вам, Виктор Алексеевич, чего нам с ними делить? — примирительно сказала она. — Пусть забирают.

— Ах, пусть забирают? — вскипел Колобок. — А твоя работа? А твои нервы? Ты вкладываешь в

раскрытие преступления свою душу, свой талант, ты живешь им, не спишь ночей, рискуешь жизнью, теряешь аппетит, ты переживаешь взлеты от каждого удачного шага и впадаешь в отчаяние от каждой ошибки. Поэтому каждое дело, которым ты занимаешься, — это твой ребенок, которого ты пестуешь, вместе с которым растешь и вместе с которым болеешь. А потом приходит чужой дядя и забирает твоего ребенка, уже воспитанного и обученного, усыновляет его и всем рассказывает, какой у него чудесный сынок. И все его поздравляют. Со мной такое впервые случилось, когда мне было даже меньше лет, чем тебе сейчас. И мне это тогда оч-чень не понравилось. Потом такое бывало неоднократно, и не нравилось мне все больше и больше. А тем более сейчас, когда мы раскрываем убийство милиционера, нашего товарища, нашего коллеги. Для нас, в том числе и для тебя, моя дорогая, это дело чести. В уважающих себя странах все полицейские на уши становятся, когда убивают кого-то из них. А ты готова просто так, за красивые глаза, обломать о Вакара все зубы, добиться от него показаний и преподнести убийцу Кости Малушкина федералам со словами вечной любви? У тебя есть хоть немного самолюбия?

— Нету, — призналась она. — А Лешка говорит, что у меня и совести нет.

— Много он понимает, Лешка твой, — проворчал Колобок, выпустив пар. — И все-таки что общего может быть у Резникова с оборонкой?

— Он кандидат технических наук, об этом както говорили между собой Ерохин и Костыря. Я и надеялась, что вы сможете узнать о нем побольше.

— Надеялась она, — продолжал бурчать полковник. — Втравила меня черт знает во что. Ладно, уж влезли — так не поворачивать же назад. Не хотел тебя расстраивать, но лучше, наверное, сказать.

— Еще что-то плохое?

— Федеральная служба контрразведки уже связалась с нашим министерством. Они требуют себе все материалы по Резникову. Путь примерно такой: сначала Резников, потом его ближайшее окружение, следовательно, Ерохин, потом поглубже брать каждого из них. Тут всплывает 1985 год, а за ним тянутся три трупа ерохинских подельников. Дальше нужно некоторое напряжение интеллекта — и вот вам, пожалуйста, генерал Вакар. Так что генерала вместе с Костей Малушкиным у тебя уведут прямо из-под носа.

Не выполнить указание министерства мы не можем. Но в главке сидят, слава богу, тертые калачи, которые понимают, от чего я пришел в бешенство. Поэтому договорились мы с ними так: все материалы для федералов собирать будут добросовестно, но в среднем темпе, без особой спешки. Добросовестно — понятно почему. Потому что если мы что-то проглядим, в смысле утаим от них, а они, не дай бог, сами это выкопают, то закидают нас гнилыми помидорами, начнут тыкать в нас пальцем и на весь свет орать, что милиция работать не умеет. Поэтому тут жульничать нельзя. А темп будем держать средний, чтобы дать тебе возможность успеть. Ты уже въехала в этого Вакара так глубоко, что сможешь, пожалуй, с ним справиться. Ты же у меня умница. А если они его перехватят, то ничего не добьются и наш Костя «повиснет» на веки вечные. Федералы пока про Костю не знают, но могут узнать. Все поняла?

— Поняла, — кивнула Настя.

Она вернулась к себе, вскипятила воду, сделала кофе и долго сидела, уставившись невидящими глазами в покрытую масляной краской казенную стену, время от времени прихлебывая дымящийся напиток. Ей нужен ключ к Вакару. Нужен немедленно.

3

Владимир Вакар понял, что попал в цейтнот. Времени, о котором он договорился с женой, оставалось совсем мало, и решение принимать нужно быстро. Если он убьет Ерохина, его посадят. Если не убьет Ерохина, то два варианта: либо он даст показания об убийстве молоденького милиционера, и посадят Ерохина, либо он таких показаний не даст, и Игорь останется на свободе. Игорь садится за убийство милиционера, но Елена не даст ему покоя, дом по-прежнему будет напоминать ад, в котором находиться станет совсем невыносимо. И рано или поздно Игорь выйдет из тюрьмы… И опять все сначала. Нет.

Другой вариант: он не убивает Игоря и не дает против него показаний. Тогда за дело берется Елена, а это еще хуже. Переубедить ее не удастся, он пробовал делать это неоднократно, но ничего у него не вышло.

Выбор приходилось делать между тремя альтернативами.

Идти в тюрьму самому.

Допустить, чтобы в тюрьме оказалась Елена.

Или жить в аду…

4

Артем Резников внимательно посмотрел на своих помощников.

— Вы все уяснили? — требовательно спросил он. — Готовимся к очередной передаче. Партия будет большая, придется обмениваться пакетами. Идите, тренируйтесь, чтобы все прошло гладко.

Сурик и Костыря стали одеваться в прихожей, а Игорь Ерохин остался в комнате. Поймав вопросительный взгляд Артема, он смущенно сказал:

— Поговорить надо.

Закрыв дверь за гостями, Резников вернулся в комнату.

— Выкладывай, что там у тебя.

Слушая рассказ Ерохина о Владимире Вакаре, Артем недовольно жевал губами и постукивал пальцами по колену.

— Говоришь, он все время тебя пасет?

— Не все время, а от случая к случаю. Но часто. Вдруг его следом за мной в метро принесет?

— И давно это?

— Черт его знает. Я недавно заметил.

— Дурак ты, — в сердцах бросил Артем. — Чего молчал-то столько времени? Давно бы уже все

сделали.

— Что — сделали? — дрогнувшим голосом спросил Игорь.

— Убирать его надо, вот что. Сроку тебе — три дня. Чтоб через три дня был чистенький, ты понял?

— Можно мне ребят попросить, чтобы помогли? — Чего? — презрительно протянул Артем. — Ребят попросить? Да ты в уме, родимый? Сам, голубчик, все сам, твои грехи — тебе и замаливать. А о ребятах и думать забудь.

— Но почему, Артем? Втроем-то легче будет.

— Но и знать будут трое, не забывай об этом. А так — только ты один.

— И ты. — Игорь пристально посмотрел на Резникова.

— Я не в счет, — ухмыльнулся Артем. — У меня в этой игре ставка самая большая, поэтому я в молчании больше тебя заинтересован. Все, Игорек, больше ничего не обсуждается. Иди и убивай своего Вакара где хочешь, как хочешь, но чтобы через три дня его среди живых не числили. Имей в виду, если он давно за тобой ходит, то может много чего знать. Он опасен в любом случае.

Выйдя из дома, где жил Артем, Игорь впервые не ощутил привычного радостного чувства при

виде своей ослепительно красивой и дорогой машины. Да, несколько дней назад он принял решение убить своего преследователя. Но только сегодня, когда убийство стало необходимостью и неизбежностью, он вдруг понял, что ему не так просто на это решиться. И только сегодня, впервые за девять лет, он с удивлением подумал о том, как же он смог дважды это сделать. И тогда, когда был еще пацаном и вообще не понимал, что такое жизнь и каково это — отнять ее. И тогда, месяц назад, когда стрелял в розовощекого сержанта, не захотевшего отдать клочок бумажки за пятьсот долларов. Одно дело — убить сразу и не думая. И совсем другое — готовиться к убийству…

5

— А знаете, Анастасия Павловна, похоже, наш генерал находится в жестоком клинче, — задумчиво сказал Бокр, меряя шагами комнату в Настиной квартире.

— С чего такие выводы? — насторожилась она.

— Эта тетя Люба — препротивнейшее создание, днюет и ночует в церкви да на кладбище, со всеми могильщиками дружит, водочку с ними попивает. Там целая партия уголовного элемента вертится, так вот среди них слушок пошел, что одна прихожанка через тетю Любу хочет нанять человека для душегубского дела.

— Прихожанка? Какая? — нетерпеливо спросила Настя.

— Та самая. Видная такая, вся из себя генеральша. Это я с их слов вам пересказываю. Так как, будете с тетей Любой разговаривать?

— Нет, не буду. Спасибо вам, Бокр.

— Почему не будете? — непритворно огорчился он. — Мы так старались.

— Потому и не буду, что вы постарались как следует. Я уже и так из ваших слов узнала все, что мне нужно.

— Тогда ладно, — просиял он. — А что касается Резникова, то он сегодня утром выезжал в область, в Подлипки, и встречался там с человеком, которого зовут Сева. Вот запись, — он положил на стол видеокассету. — Снимали с большого расстояния, ближе подойти не удалось. Но все главное хорошо видно. Сева передал ему пакет.

— Что-нибудь выяснили про этого Севу?

— Почти ничего, кроме того, что живет он там, в Подлипках. Адрес, естественно, узнали, а дальше уж вам самой проще действовать.

— Бокр, я хочу вас попросить…

— Слушаю вас, Анастасия Павловна.

Он прекратил размеренное движение и остановился прямо перед креслом, в котором сидела Настя.

— Я боюсь, что Вакар вот-вот убьет Ерохина. Пожалуйста, смотрите за ним как можно внимательнее. В случае, если вам покажется, что «горячо», немедленно вмешивайтесь. Любым способом: зовите на помощь, оттаскивайте его за руки, делайте все, что придет в голову, но не допустите, чтобы он совершил еще одно убийство.

— Вам что, жалко Ерохина? — саркастически улыбнулся Бокр.

— Нет. Мне жалко Вакара. Мне безумно жалко

Вакара, — тихо повторила она. — Я не хочу, чтобы он оказался за решеткой. Это никому не принесет радости.

— А правосудие? Правосудие и не должно нести людям радость, оно должно нести справедливость. Разве нет, Анастасия Павловна?

— Я не знаю, Бокр, — горько покачала она головой. — Правосудие не имеет права быть зрячим, оно слепо, у Фемиды глаза завязаны. Наверное, это правильно. Но слепота никому еще не помогла принять правильное решение. Я не знаю, я не знаю, я не знаю! — в отчаянии воскликнула она, ударив себя сжатой в кулак рукой по колену, и заплакала.

6

Они опять сидели все в том же тихом дворике, где прошла их первая беседа. На этот раз они встретились днем, вечером Владимир Сергеевич был занят. Когда Настя позвонила ему, он не стал отказываться от разговора, сухо, коротко и по-деловому обсудив с ней время и место встречи.

— Вы подумали над моими словами? — спросила Настя.

— Я думал о них, — неопределенно ответил генерал.

— Вы не изменили свое решение? Вы по-прежнему отказываетесь говорить со мной о Ерохине?

— Я не изменил своего решения, — ровным, каким-то деревянным голосом сказал Вакар.

— Пожалуйста, выслушайте меня, Владимир Сергеевич. Я понимаю ваше горе. Но месть никогда и ничего не меняла в этой жизни. Она не обладает способностью восстанавливать разрушенное. Вы — боевой офицер, вы были в 1968 году в Чехословакии, вы прошли Афганистан, вы воевали в Карабахе. Видите, я изучила вашу служебную биографию. И я знаю, вы не можете не

понимать, что возмездие — это только красивое слово, которое имеет смысл лишь тогда, когда исходит от самой судьбы и может еще чему-то научить провинившегося. Возмездие, исходящее от человека, ввергает людей в порочный круг взаимной расплаты. А мертвые уже ничему не могут научиться, с этой точки зрения месть бессмысленна. Вы со мной согласны?

— Как боевой офицер — безусловно.

— А как отец?

— И как отец тоже.

— Тогда зачем все это, Владимир Сергеевич?

Он молчал.

— Хорошо, оставим прошлое, вернемся к сегодняшним проблемам, — продолжала она. — Вы знаете о том, что затеяла ваша жена?

Он молча кивнул.

— Я догадываюсь, что у вас происходит. Она вынуждает вас пойти на убийство Ерохина, в противном случае она сделает это сама. Ведь так?

— Вы удивительно догадливы, — по-прежнему ровным голосом ответил Вакар.

— А если я вам пообещаю, что у нее ничего не получится?

— И она пойдет под суд?

— Нет. Просто из ее затеи ничего не выйдет.

— Это не решение проблемы. Она не успокоится, пока Ерохин жив.

— Даже если он окажется в тюрьме лет на пятнадцать?

— Даже в этом случае. Просто я получу отсрочку на пятнадцать лет. Было бы безнравственно надеяться, что за эти пятнадцать лет моя жена умрет. А я готов нести ответственность за все, что сделал. Если, конечно, вы сумеете доказать мою вину, — усмехнувшись, добавил он.

«Он действительно железный, — с отчаянием подумала Настя. — Ну как же мне пробиться к нему? Осталась последняя попытка».

— Владимир Сергеевич, попробуйте посмотреть на ситуацию с другой стороны. У нас с вами дилемма: или вы убиваете Ерохина, или мы раскрываем убийство, которое он совершил. Трагедия вашей семьи происходит из того, что убийцы вашего сына не были наказаны за содеянное ими зло и причиненное вам горе. Теперь у нас есть убитый мальчик Костя Малушкин, который, конечно, старше вашего сына, но, в сущности, не намного. Ему только недавно исполнилось двадцать. Он пришел работать в милицию сразу после армии. Он еще ничего не успел в своей жизни, у него даже девушки не было. И у него

остались родители и двое братьев. Вы не думаете о том, что они тоже захотят отомстить разгуливающему на свободе убийце? Братья Кости Малушкина еще подростки, и их незрелые сердца будут смолоду исковерканы ненавистью и жаждой мести. А они, в отличие от вас, свою жажду мести удовлетворить не смогут, потому что убийцу их брата собираетесь лишить жизни вы. Конечно, рано или поздно они узнают об этом, но в их возрасте достаточно два-три месяца прожить с мыслью о ненависти и возмездии, о том, что на них и на их убитого брата всем наплевать, и они могут вырасти моральными уродами. Вы не боитесь этого, Владимир Сергеевич? Ваша жизнь разрушена бесплодными попытками отомстить, но вы-то уже извлекли из этого свой урок. Зачем же вы хотите, чтобы точно так же разрушили свои жизни двое мальчишек, из которых одному пятнадцать, а другому семнадцать. Я была у них, я разговаривала с братьями и родителями Кости. Поверьте мне, это страшное зрелище. Вы сами через это прошли и прекрасно можете себе представить, что я там увидела и услышала. Мальчики на Костиной могиле клялись покарать преступника. Они уже отравлены страшной и ненасытной жаждой мести. Так дайте же мне воз-

можность привлечь к ответственности убийцу их сына и брата. Вспомните себя девять лет назад, Владимир Сергеевич. Если бы тогда вам сказали, что убийц вашего сына можно отдать под суд, но для этого не хватает показаний свидетеля, который почему-то хранит гордое молчание, что бы вы почувствовали? Что стали бы делать?

И снова молчание было ей ответом.

«Все, больше я ничего сделать не могу. Если он и сейчас не дрогнет, то это безнадежно. Придется ждать, следить за ним и арестовывать в момент покушения. Ерохина мы, может быть, и спасем, а генерала ждет тюрьма. Но бог свидетель, как же мне этого не хочется!»

Наконец Вакар прервал паузу:

— Правильно ли я вас понял, что у вас нет никаких официальных доказательств моей причастности к тем трем убийствам?

— Правильно.

— И точно так же у вас нет никаких доказательств того, что я якобы собираюсь убить Игоря Ерохина?

— Никаких, — снова подтвердила она.

— Мои слова в разговоре с вами могут быть истолкованы как признание?

— Для меня лично — да. Но больше ни для

кого.

— Почему?

— Потому что я могу кому угодно рассказывать, что вы мне признались в трех убийствах и в намерении совершить четвертое, а вы потом скажете, что пошутили. Вот и все. Прямых доказательств нет. Ваше признание должно быть написано и подписано вами, тогда оно имеет силу доказательства. Все остальное — разговоры на скамеечке.

— Я не признавался вам в трех убийствах, не передергивайте.

— Ну вот видите, как все просто, — вымученно засмеялась Настя. — Вы отказались от своих слов, и этого достаточно. Знаете ли, даже на суде очень часто подсудимые отказываются от своих показаний, которые официально давали на предварительном следствии. Отказываются, и все тут.

— И чем они это объясняют? — заинтересовался Вакар.

— Да кто чем. Их били, их обманули, их вынудили дать такие показания, пообещав что-нибудь взамен, или они не поняли вопрос, или у них болел живот вместе с головой и левой пяткой. Всего не перечесть.

— Подводя итог, могу ли я считать, что у вас против меня на самом деле ничего нет?

— Можете. Вы можете так считать, — очень тихо и очень внятно ответила Настя, чувствуя, как рушится ее последняя надежда. Она сделала ставку на прямой и честный характер генерала, ни разу не солгала ему, ни разу не блефовала, не пыталась напугать его ворохом якобы имеющихся у нее доказательств. Она хотела выменять у него показания против Ерохина на возможность не совершать четвертого убийства и остаться безнаказанным. У нее ничего не вышло. Она просчиталась. Он все равно будет пытаться убить Игоря. И пойдет в тюрьму.

— Спасибо, — холодно сказал Владимир Вакар. — С вашего позволения, мне пора. Я должен ехать на работу.

— Всего доброго, — попрощалась с ним Настя, стараясь скрыть дрожь в голосе.

7

Он вышел из машины, сияя генеральскими звездами и орденскими планками. Форма необыкновенно шла ему.

Войдя в здание станции метро «Таганская», он поискал глазами дверь, над которой было написано «Милиция», и без колебаний вошел туда. В помещении находились трое милиционеров, машинально вскочивших при виде генерала.

— Здравия желаю! — нестройно поприветствовали они Вакара.

— Добрый день, — не по-уставному откликнулся он. — Я хотел узнать, где похоронен ваш товарищ Константин Малушкин.

Один из сержантов уже открыл было рот, чтобы задать сакраментальный вопрос: «А зачем вам?», но осекся под ледяным взглядом человека в генеральской форме. Вместо этого он спросил:

— А вы знали Костю?

Генерал не счел нужным отвечать на вопрос. Он молча перевел взгляд на лейтенанта, самого старшего из них по возрасту.

— Так я могу узнать?

— В Кунцеве, товарищ генерал, — быстро отве-

тил лейтенант, не выдержавший льющегося из глаз генерала холода.

— Благодарю вас, лейтенант.

Вакар четко повернулся и вышел из помещения.

Через сорок минут он подъехал к кладбищу, купил у входа цветы и подошел к церкви, где стояла маленькая сгорбленная старушонка.

— Здравствуй, мать, — тепло улыбнулся он старушке.

— Здравствуй, сынок.

— Не подскажешь, где могила милиционера? С месяц назад хоронили.

— Кости-то? А вон по левому ряду до конца, потом свернешь направо, там увидишь.

— Не заблужусь? Я тут у вас в первый раз.

— Не, сынок, ты сразу увидишь, там больше всего цветов. Видно, хороший был мальчонка Костя этот, дня не проходит, чтобы молодые к нему не пришли. У кого столько друзей, тому и помирать не страшно, верно, сынок? — прошамкала старушка.

— Отчего же? Помирать всегда страшно, — возразил генерал.

— Так ведь все там будем. А каково умирать, когда знаешь, что о тебе ни одна собака не вспом-

нит и не пожалеет? А про Костю вона сколько народу помнит, значит, он еще долго на этом свете будет. Так что, значит, по левому ряду до конца и направо. Где цветов много, там и Костя.

— Спасибо, мать.

Могилу Малушкина он действительно нашел легко. Но, не дойдя до нее, остановился, потому что перед ней стояли мальчики, Костины братья. Вакар посмотрел на их лица и все понял. То, о чем вчера пыталась рассказать ему эта женщина из уголовного розыска, вдруг сегодня открылось Владимиру Сергеевичу во всей безжалостной наготе. Дети не должны быть жестокими, дети не должны ненавидеть, иначе, став взрослыми, они не смогут любить. Жажда мести иссушает душу, выжигает ее дотла, и уже никогда ни один росток не пробьется сквозь толстый слой пепла. Эти дети вырастут и захотят отомстить, если этого не сделает сейчас государство. Они причинят кому-то боль и в свою очередь станут для кого-то объектом возмездия. И так без конца… Насилие порождает насилие, боль порождает боль, месть порождает только месть.

Он молча подошел к могиле, положил цветы, коротко кивнул братьям и ушел, не сказав ни слова.

Глава 12

1

Квартира, в которой временно жила Даша Сундиева, была маленькой и неухоженной, но девушка за время своего вынужденного заточения ухитрилась привести ее в божеский вид и даже создать некое подобие уюта. Она до полной прозрачности отмыла оконные стекла, отчистила с порошком кафельное покрытие в ванной, туалете и на кухне, выстирала и выгладила все шторы, выбрала из разрозненных предметов посуды и безделушек самые приличные и поставила их на открытые полки, вымыла мыльным раствором плафоны на светильниках. В конце концов ее временное жилище стало выглядеть вполне приемлемо. Но для нее это был райский уголок, потому что здесь она могла в любое время встречаться с Сашей и не зависеть от деликатности его друзей.

Саша заметно переменился после разговора с сестрой. Конечно, Даша очень нравилась ему, более того, он был влюблен в нее, как верно заметила сама Настя, по уши. Но как человек, раз и навсегда решивший, что взаимной любви ему на роду не написано, он вел себя сдержанно, ничего

не выяснял и не обещал, о будущем не заговаривал и ласковых слов не произносил. Даша, однако, будто бы и не замечала его сдержанности и холодности, не стесняясь, говорила ему о своей любви, ластилась и преданно заглядывала в глаза. Честно говоря, Александр, не привыкший к открытым проявлениям чувств, считал свою подругу несколько глуповатой. И только после мини-скандала, который устроила ему единокровная сестрица Анастасия, он очухался и вроде бы прозрел. И то, что еще вчера казалось ему проявлением детской непосредственности и глуповатости, сегодня вдруг обрело черты совершенно иные. Черт возьми, Дашка любила его! Его, которого в детстве дразнили белесым крысенком и бледной спирохетой. Господи, да за что же ему такое счастье?

— Все равно я не понимаю, к чему такие сложности, — упрямо говорил он своей возлюбленной. — Можно ведь было сделать вид, что ты просто уехала.

— Ну как ты не понимаешь, — терпеливо объясняла ему Даша, ласково гладя его по плечам и спине, — если бы я просто уехала, они бы стали ждать, пока я вернусь. Кто знает, что у них на уме? А так — меня нет. Убили меня. Вот и весь сказ.

— А девчонок зачем к ним в четыре утра посылали?

— Ну, Санечка, ну какой же ты непонятливый, — улыбалась ему Даша. — Вот представь себе, звонят в дверь и говорят: «Здрасьте, я с телефонной станции. Откройте, пожалуйста». Ведь не каждый же откроет. Начнут упрямиться, говорить, что мастера не вызывали, что у них все исправно работает, в конце концов и дверь не откроют, и на станцию позвонят, мол, чего людей зря беспокоите, мы никого не вызывали. А на станции им ответят, что никого не посылали, это, наверное, воры какие-нибудь, сообщите в милицию. А теперь представь, что сначала человеку звонят и говорят: «Это телефонный узел вас беспокоит. У нас обрыв на линии, найти не можем, где повреждение. Сейчас наш мастер по квартирам пойдет». Ну? Откроешь ты ему дверь после этого звонка? Конечно, откроешь, куда ты денешься. Тебе же в голову не придет перезванивать на станцию и перепроверять. Вот и здесь был такой же расчет. Их предупредили, что меня хотят убить, настращали как следует, а потом угрозу выполнили. И никаких сомнений. Понял?

— Ой, хорошо как, — сладко тянул Саша, нежась в постели. — Еще вот тут погладь, между лопат-

ками. Ага, вот здесь. Ой, кайф какой! Кстати, а в четыре утра-то зачем? Днем нельзя было?

— Да ты что! — возмущалась Дарья. — Днем их дома-то застань попробуй! И потом, тут тоже свой расчет был. В четыре утра ты в каком виде дверь открываешь? В трусах и в тапках, а то и босиком. Девочки слова сказали, огорошили их и ушли себе спокойненько. Побеги-ка за ними следом в одних трусах. К тому же в четыре часа сон крепкий, если проснешься — голова чумная, соображаешь плохо. Это твоя сестра придумала. Все-таки она у тебя умная — ужас!

— И девочек одинаковых она придумала? — лениво поинтересовался Саша, переворачиваясь на спину и устраиваясь поудобнее на подушках.

— Ага. Идея была ее, а исполнение мое. То есть сначала-то речь шла о том, чтобы из одного мужчины того психа сделать. Пока я его гримировала, Анастасия Павловна и спросила, можно ли из трех разных девушек сделать трех одинаковых. Тут весь фокус в том, чтобы внимание отвлечь. Три похожих лица найти можно, но сложно, вот нам и надо было сделать так, чтобы на лица никто не смотрел. Знаешь, есть такие специальные приемы визажа для черно-белой фотографии и для цветной. Для черно-белой

фотографии важно, чтобы черты и линии были правильными и красивыми, потому что цветности все равно нет. Если, например, у женщины невероятной красоты цвет волос или глаз, а все остальное обыкновенное, то на черно-белой фотографии она будет выглядеть как простушка. Ей обязательно нужно сниматься только на цветную пленку, чтобы выгодно подать то, что красиво, а обыкновенное или некрасивое в своей внешности спрятать. И наоборот, если у человека идеальные черты лица, но в целом все остальное средненькое, нужно сниматься только в черно-белом варианте и подчеркивать именно линии, а цвет волос и глаз не выставлять. Ну а поскольку жизнь-то у нас цветная, нужно было делать ставку на цвет, который скроет линию. Я понятно объясняю? Представь себе, ярко-алая кожа с головы до ног сама по себе раздражает, но одновременно и завораживает, а если еще пуговички сверху расстегнуть и грудь выставить? Да ни один нормальный мужик тебе на лицо и смотреть не станет. Парики мы им надели одинаковые, глаза сделали в черной краске, губы яркие и одинакового рисунка, это нетрудно. Сначала все лицо и губы покрываешь тоном, потом рисуешь контуром, чего хочешь, и накладываешь помаду

поярче, вот и весь секрет. И можешь быть уверен, что никакие другие особенности уже никто не разглядит. Тем более мужикам-то этим страшно было, а когда человеку страшно, он никогда в лицо не смотрит тому, кого боится. Девочки потом говорили, что все трое как им в вырез уставились, так и глаз не поднимали. А Анастасия Павловна как раз на это ставку сделала и девочкам на шею одинаковые кулончики повесила, с дефектом.

— Слушай, чего ты ее все Анастасией Павловной называешь? Она же не чужая тебе, она моя сестра.

— Ты что?! — Даша даже поперхнулась от такого кощунства. — Она такая… Да она почти лучше всех на свете. У меня язык не повернется ее по имени называть.

— Что значит: почти лучше всех? — подозрительно приподнял голову Александр. — Я что-то не понял это «почти». Тебе в ней что-то не нравится?

— Да нет же, Санечка. Лучше всех на свете — ты. А Анастасия Павловна — следующая. Хочешь, я тебе чай принесу?

— Принеси, — благодарно ответил Саша, не переставая удивляться своей слепоте и своему счастью.

Уже уходя, он обнял Дашу и нерешительно спросил:

— Даня, ты подождешь, пока я разберусь со своими семейными делами? Я обещаю, что не буду затягивать. Только ты подожди. Не бросай меня.

— Конечно, я подожду, — с улыбкой ответила она. — Занимайся ими столько, сколько нужно. Я никуда не тороплюсь.

2

В зале стоял ровный негромкий гул, как всегда во время мероприятий по служебной подготовке. Никто толком никого не слушал, все отсиживали повинность, стараясь извлечь из нее максимум пользы и пообщаться с приятелями, почитать, набросать давно ждущий своей очереди документ или просто подумать.

Настя сидела в заднем ряду и шепотом обсуждала со своим коллегой Юрой Коротковым перипетии его затянувшегося романа, который длился уже больше двух лет, что было для любвеобильного Юры просто-таки олимпийским рекордом.

— Ее муж скандалит, потому что она отказывается ездить на дачу, — трагическим шепотом сообщил Коротков.

— А почему она отказывается? Пусть бы ездила.

— Она не хочет. Два часа на электричке, потом еще почти час пешком, воды нет, света нет. На хрена ей такое счастье?

— Зачем же она дачу покупала, если ездить не хочет?

— Это не она, это муж покупал. А теперь заставляет ее ездить.

— Я этого не понимаю, — сказала Настя.

— Чего ты не понимаешь?

— Не понимаю, как взрослую женщину можно заставить что-то делать, если она этого не хочет. Она не хотела покупать дачу, стало быть, имеет право не хотеть ездить. Послала бы своего мужа подальше, и все.

— Легко тебе говорить, ты всегда была независимой, — вздохнул Коротков. — Вот была бы ты замужем, знала бы, каково это — мужа посылать. Не так это просто. Особенно когда знаешь, что виновата, что грешки есть.

— Тогда пусть не жалуется, — шепотом отрезала Настя. — Или крутить роман, или не ездить на дачу. Одно из двух. Давай послушаем, сейчас Мурашов нам мозги прочищать будет.

На трибуну поднялся Анатолий Николаевич Мурашов, один из помощников начальника управления. Его коньком была дисциплина, и он не упускал ни одной возможности поговорить об этом перед публикой.

— Пора уже нахмурить брови и спросить у наших товарищей из отдела по работе с личным составом, почему логика зашла в тупик!

Зал оживился. Полковник Мурашов был известен на все управление своими нестандартными речевыми оборотами. Он был славным человеком и искренне болел за дело, но с русским языком у него были явные трудности. Самое забавное, что сам он этого не ощущал, полагая себя необыкновенно красноречивым, и все его перлы были не случайными ляпами, а результатом предварительной подготовки и продумывания своих речей.

— …Мы в пятницу решили комиссионно проверить спортзал. То, что мы там увидели, не поддается никакому анализу и ужасу…

Настя прыснула. «Бокра бы сюда, — подумала она. — Вот уж развлекся бы».

С воспоминания о Бокре она плавно съехала на мысли о Владимире Вакаре, погрузившись в нерадостные размышления о том, как же ей доказать, что Костю Малушкина убил Ерохин, если упрямый генерал все-таки откажется давать показания. И как ей уберечь Вакара от совершения еще одного убийства…

— Я смотрю, на служебную подготовку люди приходят в гражданской одежде. Это непорядок, товарищи. Ходить без формы имеют право только беременные или у кого нога, например,

в гипсе. Я еще раз настаиваю, что на служебную подготовку без формы могут только беременные и сломанные…

— Юра, — обратилась Настя к Короткову, — а ты нахмурь брови и спроси у своей Людмилы, почему у нее логика зашла в тупик.

— В каком смысле?

— А пусть скажет мужу, что она беременная или сломанная, и откажется ездить с ним на дачу.

— Да ну тебя, Аська, вечно у тебя хиханьки да хаханьки.

— Ага, — согласилась она. — А у тебя вселенская скорбь. Тебе чувства юмора не хватает. Знаешь, что это такое?

— Примерно.

— Чувство юмора — это то понимание жизни, которое появляется у человека, подошедшего к краю бездонной пропасти, осторожно заглянувшего туда и тихонечко идущего обратно.

— Сама придумала?

— Нет, Фазиль Искандер. А есть еще одно совершенно замечательное высказывание: «Нет неразрешимых проблем. Есть неприятные решения».

— Тоже Искандер?

— Эрик Борн. Юрка, стыдно быть таким необра-

зованным. Ты что, вообще ничего не читаешь?

— Почему, читаю, — обиделся Коротков. — Только не запоминаю. Это у тебя голова мусором забита, что ни спроси — все знаешь.

— Тоже мне Шерлок Холмс выискался, — фыркнула она.

— При чем тут Шерлок Холмс?

— А это он считал, что голову нельзя забивать мусором, иначе потом нужную информацию среди хлама не найдешь. Например, знание о том, что Земля вращается вокруг Солнца, он называл хламом и говорил, что количество воров в Лондоне не уменьшится от того, что он будет об этом знать. Ты что, и этого не помнишь? Это же классика! Позорище.

После служебной подготовки Настя вернулась к себе и попыталась работать, но получалось у нее плохо. Из головы не выходил упрямый Вакар, и она никак не могла сосредоточиться на других задачах. Наконец ей это удалось, и она погрузилась в решение проблемы раскрытия серии изнасилований в районе Битцевского парка. Они совершались регулярно и, судя по почерку, одним и тем же человеком…

Ее размышления прервал телефонный звонок.

— Каменская, — раздался голосок Зои из бюро

пропусков, — к тебе пришли.

— Кто? — машинально спросила Настя, не отрывая глаз от схемы Битцевского парка с нанесенными на ней крестиками, обозначавшими места совершения преступлений. Ей показалось, что она нащупала некоторую закономерность, и боялась отвлечься, чтобы не упустить пришедшую в голову мысль.

— Вакар Владимир Сергеевич. Выписывать пропуск?

— Кто?!

— Вакар. Знаешь такого?

— Зоенька… — Настя заметалась. — Ты… Он…

— Ты чего, Настасья? — удивилась флегматичная Зоя.

— Он… Я боюсь, он меня не найдет. Я сейчас сама выйду. Зоенька, миленькая, ты постарайся, чтобы он не ушел. Я бегом!

Она сорвалась с места и выскочила в коридор, даже не заперев дверь. Вихрем несясь вниз по лестнице, она рисовала в своем воображении, как генерал пожимает плечами и выходит на улицу, передумав разговаривать с ней. Перескакивая через ступеньки, она подвернула ногу, но все равно продолжала бежать, несмотря на пронзающую щиколотку острую боль.

Возле бюро пропусков она увидела Вакара и подбежала к нему, красная, запыхавшаяся, с растрепанными волосами.

— Здравствуйте, — произнесла она, тяжело дыша.

Вакар молча смотрел на нее.

— Много курите, — наконец произнес он. — Бегать совсем не можете, сразу появляется одышка. Вам не совестно?

— Совестно, — согласилась она, потому что сейчас готова была согласиться с чем угодно, только бы он не ушел. — Я буду исправляться, честное слово. Вы хотели поговорить со мной?

— Если вы не против.

— Пойдемте.

Она привела генерала в свой кабинет и заперла изнутри дверь, чтобы им никто не помешал. Владимир Сергеевич сидел на стуле очень прямо, но в его позе Настя не уловила напряжения. Он был абсолютно спокоен.

— Анастасия Павловна, я дам показания против Ерохина.

«Ну вот и все, — почему-то с грустью подумала она. — Вот и все».

Она молча достала из сейфа бланк протокола допроса и начала его заполнять по памяти. Все

данные Владимира Сергеевича Вакара она знала наизусть, слишком долго она их изучала и слишком много думала о нем в последние дни.

— 29 сентября 1994 года в 18.25 я увидел, как гражданин Ерохин Игорь Петрович подошел к работнику милиции, несшему службу в здании станции метро «Таганская-радиальная»…

Настя быстро записывала, не прерывая его, только иногда задавая уточняющие вопросы. Она поняла, что Вакар пришел не под влиянием сиюминутного порыва. Он принял решение, много раз обдумал и взвесил его, проговорил несколько раз в уме свои показания. Фразы у него были короткие, сухие и казенные, без единого лишнего слова.

— …После того как Ерохин покинул территорию строящегося объекта, я заглянул туда через имеющийся лаз и увидел лежавшего на земле работника милиции, вместе с которым Ерохин выходил из метро. Судя по позе сержанта и по имеющимся следам крови, ему было нанесено огнестрельное ранение.

Закончив диктовать показания, Вакар умолк. Настя не могла понять, испытывает ли он облегчение или вообще ничего не чувствует.

— Владимир Сергеевич, вы отдаете себе отчет в

последствиях вашего шага?

— В каких именно?

— Следователь обязательно попросит вас опознать Ерохина и спросит, точно ли вы уверены, что видели на «Таганской» именно его. Вам придется рассказать ему, что вы не можете ошибиться, потому что хорошо знаете Ерохина в лицо. Дальше последует вопрос о том, откуда вы его знаете. Если об этом не расскажете вы, это может сделать Ерохин. Он может вас не узнать, но он не может не вспомнить вашу фамилию. Вам понятно, что произойдет дальше?

— Да, я думал об этом.

— И?

— Я готов ко всему, что может произойти дальше. Я уже говорил вам, что готов ответить за все, что сделал, если вам удастся это доказать. Я не буду вам помогать в этом. Но мешать и увиливать тоже не буду.

Насте казалось, что она разговаривает с автоматом. Совершенно ровный голос, бесстрастное лицо, неподвижная фигура, застывшая на стуле перед ней. Но это не был автоматизм равнодушия и холодности. Это было спокойствие человека, принявшего самое важное решение в своей жизни и понимающего, что он не может позволить

себе отступить.

Она проводила Вакара до выхода из здания. Они какое-то время молча стояли рядом под холодным осенним дождем. Настя обхватила себя руками, дрожа от холода в тоненьком свитере. Она хотела поблагодарить генерала, но никак не могла решить, уместно ли это — благодарить человека, согласившегося с перспективой оказаться за решеткой, и какие подобрать слова, чтобы выразить то, что она думает, и не выглядеть при этом бестактной дурой. Вместо этого она просто протянула ему руку. Пожатие Вакара было коротким и крепким.

3

Бокр аккуратно вел машину следом за белыми «Жигулями» генерала Вакара. Слава богу, генерал явно не собирался осуществлять свой зловещий замысел сегодня. Было уже около полуночи, и он двигался в сторону дома.

Владимир Сергеевич обычно ставил машину во дворе, под окнами своей квартиры. Бокр уже знал об этом, поэтому решил во двор не заезжать. Когда белые «Жигули» свернули под арку, он остановил свой «Москвич», запер двери и тихонечко побрел к месту, откуда, как он успел выяснить, был виден подъезд, в котором находилась квартира Вакаров. Он посмотрит, как генерал войдет в дом, и будет стоять и наблюдать за подъездом до тех пор, пока не получит сигнала о том, что Ерохин тоже вернулся домой. Только уверившись в том, что потенциальная жертва находится у себя дома, Бокр сможет оставить наблюдение за охотником.

Он стоял, прислонившись к каменной стене дома, маленький человечек в длинном сером пальто и серой лыжной шапочке. В вечерней тьме на фоне грязной стены его не было видно

даже на расстоянии трех шагов. Вакар закрыл машину, подергал дверцы, проверил, заперт ли багажник, вытащил сигареты, закурил. Даже в эту минуту он стоял очень прямо, не расслабляя спину, не переминаясь с ноги на ногу. Он курил и смотрел на освещенные окна своей квартиры.

Вот он бросил докуренную сигарету и шагнул к подъезду. И в эту секунду Бокр увидел во дворе среди множества других машин светло-кофейный «Мерседес». Точно такой же «Мерседес» он видел у Виктора Костыри. Бокр метнулся во двор и пулей долетел до знакомой машины. Все точно, и номера те же самые.

— Стойте! — закричал он вслед закрывающейся за Вакаром двери. — Подождите! Вакар! Подождите!

Он кричал очень громко, наверное, генерал слышал его, но отреагировать уже не успел. Раздался выстрел, в следующее мгновение из подъезда выскочил Ерохин. Еще один выстрел, и еще…

Взревев мотором, «Мерседес» вылетел на проспект. В безлюдном дворе на грязном мокром асфальте остался лежать маленький человечек в длинном сером пальто.

4

— Он умирает, — предупредил Настю врач, ведя ее по длинному больничному коридору. — Лучше бы, конечно, сейчас родственники пришли. Позже, боюсь, не успеют. А вы ему кто?

— Никто. То есть я хотела сказать, что я не родственница.

— Это я сообразил, — хмуро усмехнулся врач. — У него в нагрудном кармане бумажка лежала: «В экстренных случаях сообщить обо мне по телефону…» — и дальше два номера. Вот по одному из них я вас и нашел. Вы из милиции?

— Да, — кивнула она, даже не спросив разговорчивого врача, как он догадался об этом.

— Оперировать его нельзя, он не перенесет наркоза. Ранение тяжелое, кровопотеря огромная. Так что мы, увы, ничего уже сделать не можем. Но он молодец, в сознании, и даже со следователем немножко поговорил. Милиция сразу приехала, как его доставили, так и они следом. Но вы ведь не от них, я так понял?

— Нет, я сама по себе. Он мой друг.

В палате было светло и солнечно. Почему-то погожий день впервые за несколько недель выдался

именно сегодня. «Ну почему сегодня? — как-то отстраненно подумала Настя. — Почему именно сегодня, когда он умирает, должен быть такой хороший солнечный день? Глупость какая-то».

Маленький человечек казался еще меньше в огромной пустой палате. Настя впервые увидела его без серой шапочки, и оказалось, что у него длинные темные волосы, стянутые на затылке в «конский хвост». Запавшие виски и выступающие скулы были пепельно-серыми и покрыты мелкими капельками испарины. Она бросила взгляд на прикрепленную в изножье кровати табличку, и сердце у нее оборвалось. На табличке было выведено крупными буквами:

«Сергей Эдуардович Денисов».

Урка-лингвист.

«Золотой мальчик».

Сын Эдуарда Петровича Денисова.

Она подошла ближе и взяла Бокра за руку.

— Сережа, — позвала она. — Сереженька.

Он открыл глаза и попытался улыбнуться.

— Виноват, — прошелестел он едва слышно. — Не доглядел. Машина… другая была… не сообразил вовремя. Виноват.

— Почему вы мне не сказали? — с упреком

спросила Настя.

— О чем?

— О том, что вы сын Эда Бургундского.

— Зачем? Внебрачный… Чем гордиться? Я не сын, я сам… сам по себе…

— Неправда, Сережа. Он вас любит. Он вас ценит. Он специально просил меня, чтобы я вас берегла. Говорил, что вы — золотой мальчик. А я вот не уберегла. Вы уж постарайтесь выкарабкаться, а?

— Не обещаю… Никогда не обещаю, если не уверен… — Он судорожно перевел дыхание, словно ему не хватало воздуха.

Он устало прикрыл глаза. Настя молчала, боясь его потревожить.

— Почему вы плачете? — раздался его голос. — Не надо…

— Откуда вы знаете? У вас же глаза закрыты, — попыталась она отшутиться, слизывая слезы с губ.

— Я слышу… Преступником был, свидетелем был… Теперь вот… и потерпевшим довелось побывать. Надо же, эпидерсия какая… Полный пердимонокль…

Он попытался улыбнуться. Его тонкие губы слегка растянулись и замерли. Настя не сразу со-

образила, что они замерли навсегда. Только когда ее внезапно отстранила чья-то рука, она поняла, что за ее спиной все это время стоял врач.

Когда улеглась суета вокруг кровати, на которой лежал «золотой мальчик», она снова подошла к нему, наклонилась и осторожно поцеловала в лоб, провела рукой по лицу, закрывая в прощальном жесте его застывшие глаза.

— До свидания, Сережа, — давясь слезами, тихо сказала она. — Прости меня.

5

Громкий звонок внутреннего телефона вывел ее из оцепенения.

— Каменская, зайдите ко мне, — послышался сухой голос Виктора Алексеевича Гордеева.

Каменская! Значит, какой-то официоз. Настя посмотрела на себя в зеркало. Темные круги под глазами, красные припухшие веки, красные пятна на землисто-бледном лице. И почему находятся писатели, у которых героини становятся еще красивее, когда плачут? Надо же так бессовестно врать!

Она открыла сумку, достала «косметичку» и на скорую руку привела себя в порядок, замазала жидкой пудрой некрасивые аллергические пятна, подкрасила веки, чтобы скрыть отечность, причесалась. Подошла было к двери, но вдруг остановилась, поглядев на свои ноги. У Колобка в кабинете чужие, а она собирается явиться туда в джинсах, свитере и кроссовках. Непорядок.

Она быстро заперла дверь, сорвала с себя цивильную непритязательную, но так любимую ею одежду, достала из шкафа форменную юбку и рубашку с погонами. Так будет лучше, решила

она, заводя руки за шею и вслепую нащупывая застежку на темно-сером галстуке. Черные туфли, правда, были неудобными и немилосердно сдавливали ступни, но это можно перетерпеть.

В кабинете у Гордеева она увидела троих незнакомых мужчин. Двое сидели за длинным приставным столом для совещаний, третий стоял у окна, там, где в минуты раздумий любил стоять сам Колобок. Полковник восседал на своем месте, строгий, с непроницаемым холодным лицом.

— Знакомьтесь, товарищи, — произнес он будто бы сквозь зубы. — Майор Каменская Анастасия Павловна. Анастасия Павловна, это наши коллеги из Федеральной службы контрразведки.

— Растяпин, — один из сидящих за столом изобразил намерение встать, произнося свою фамилию, но задницу от стула не оторвал.

— Куцевол, — второй контрразведчик вытянулся в струнку, представляясь, и Настя увидела его совсем юное открытое лицо со смущенной улыбкой. Он, наверное, заметил невежливость своего коллеги Растяпина.

Третий отвернулся от окна и сделал несколько шагов ей навстречу.

— Гришин Анатолий Алексеевич, — четко сказал он, протягивая Насте руку, которую она вяло

пожала.

Она вполуха слушала объяснения коллег из ФСК, то и дело прерываемые вопросами, которые задавал Гордеев. Полковник был явно не в духе, вопросы его были злыми, язвительными, а реплики — уничтожающими.

— …Собственно, все началось с того момента, как мы потеряли Штейнберга, — пояснял Гришин. — Он очень давно хотел уехать, еще когда был аспирантом, в 1980 году. Ему объяснили, что пока он связан с научными разработками в области оборонной промышленности, он может об этом и не мечтать. Штейнберг поступил так, как поступали в то время тысячи людей, которых не выпускали за границу по соображениям секретности. Уволился и пошел в дворники, чтобы через пять лет, когда секретная информация морально устареет, можно было уехать. Но, в отличие от многих, он собирался не просто уехать, он собирался продолжать научную работу, поэтому в перерывах между уборкой улиц занимался делом, а не спал. У него осталось множество друзей в закрытом НИИ, где он раньше работал, и они, в нарушение всех правил, постоянно давали ему читать всю новую литературу и даже ставили у себя в лабораториях небольшие эксперименты по

заказам Штейнберга. Начиная с 1985 года он ждал разрешения на выезд, но КГБ очень не хотел его выпускать. Тянули сколько могли, но в прошлом году все-таки дали ему разрешение. Казалось невероятным, что человек тринадцать лет занимался наукой подпольно, будучи оторванным от библиотек, лабораторий, экспериментальной базы. Но на всякий случай решили за ним присмотреть, дали команду нашей резидентуре в Израиле, а они сообщили, что Михаил Маркович Штейнберг прошел таможенный контроль и куда-то пропал. Его видели выходящим из здания аэропорта вместе с мужчиной, который по описанию был весьма схож с одним хорошо известным нам иностранным разведчиком. Дальше — длинная история, но в конце концов нам удалось установить, что Штейнберг находится в Азии, в одной из мусульманских стран…

«Завтра приедет Денисов за телом сына, — думала Настя. — Как я буду смотреть ему в глаза? Попросила о небольшой услуге, а чем кончилось? Господи, как мне больно. Ведь я знала Бокра всего три недели, каких-нибудь три недели, а мне так больно, словно я потеряла близкого человека. И Вакар… Как ужасно все закончилось».

— …Сейсмическое оружие, — продолжал ве-

щать Гришин, — в среде религиозных фанатиков может играть важную политическую роль. Вызов искусственного землетрясения в заранее предсказанное время и в заранее предсказанном месте — это мощное средство влияния на голоса избирателей…

Она пожалела, что не села за стол для совещаний, а осталась в своем любимом кресле в углу кабинета. Если бы она сидела за столом, то можно было бы незаметно для окружающих снять тесные туфли, ногам бы стало полегче.

— Мы предполагали, что для работы Штейнбергу понадобятся некоторые редкоземельные металлы в очень небольших количествах. Знаете ли, газопоглотители, специальное стекло и так далее. Но мы никак не могли отследить канал, по которому подпольная лаборатория получает эти металлы. А вы, расследуя убийство работника милиции Малушкина, совершенно случайно этот канал нащупали. Поэтому нам сейчас необходимо получить от вас все материалы на Резникова и его окружение.

«Их не интересует молоденький Костя Малушкин, — внезапно поняла Настя. — Им нет дела до его родителей и братьев. Что для них Костя? Пустое место. Им важно, чтобы килограмм ка-

кого-то поганого металлического порошка не покинул пределы нашей великой державы. Им важно, чтобы в какой-то далекой мусульманской стране к власти не пришли силы, враждебно относящиеся к нам. Великие цели и глобальные задачи не предусматривают внимания ко всяким глупостям вроде человеческих жизней. Для них смерть Кости — это большая удача, которая позволила нащупать канал сбыта галлия, скандия и гуфия. Да пошли они!..»

— Анастасия Павловна, мы можем рассчитывать на получение от вас всех материалов по Резникову?

«Хрен вам», — грубо ответила она в мыслях, но вслух вежливо произнесла:

— Конечно, я передам вам все, что у меня есть. И еще хочу добавить: по моим данным, Резников очень скоро выйдет на связь по поводу поставки металла. Он торопится, так что ждать осталось совсем немного.

— Откуда у вас такие данные? — насторожился Растяпин, соизволивший наконец повернуться к Насте лицом.

«От верблюда, — совсем по-детски мысленно сказала она. — Ерохин убил Владимира Вакара наспех, в неудобное время и в неудобном месте,

не подстраховавшись против возможности нарваться на очевидцев, в силу чего ему пришлось совершить второе убийство, убирая неизвестно откуда взявшегося Бокра. Ерохин, судя по результатам наблюдения, не производит впечатления человека глупого и непредусмотрительного, и, если он пошел на *такое*, значит, у него были очень веские причины. Его поджимало время. Он засек Вакара, но, вместо того чтобы заманить охотника подальше и расправиться с ним, убивает его прямо в подъезде, рискуя быть увиденным. Это означает, что он боится Вакара не только как убийцу, но и как свидетеля, который в любой момент может возникнуть за спиной и увидеть что-то, для его глаз не предназначенное».

— Такие данные у меня есть, — хладнокровно ответила Настя и умолкла, ясно давая понять, что дискутировать на эту тему не намерена.

— Но мы можем быть уверены, что вы передадите нам *всю* имеющуюся у вас информацию? — пытливо повторил Растяпин, сделав упор на слове «всю».

— Вы уже заранее подозреваете меня в недобросовестности? — зло усмехнулась она. Этот Растяпин ей не понравился сразу. Хам трамвайный. Не умеет с женщинами здороваться. Увидел

бы тебя Вакар, который готов был провожать меня поздно вечером домой просто потому, что я женщина, а он — офицер и мужчина. А ты, Растяпин, дерьмо толстозадое.

При мысли о Вакаре в горле снова встал ком и на глаза стали наворачиваться слезы. Настя судорожно сглотнула и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Зачем вы так, Анастасия Павловна, — укоризненно сказал дипломатичный Гришин, бросая в сторону Растяпина уничтожающий взгляд. — Юрий Викторович не имел в виду ничего оскорбительного. Он просто неловко построил фразу. Я хочу, чтобы вы поняли…

Дальше опять полились слова об обороноспособности нашей страны, стратегическом сырье, преступном разворовывании национальных богатств, политической международной арене, интересах России в мусульманском мире. Все слова были понятными и правильными, но они не давали ответа на вопрос: как справиться с горем, когда теряешь близких? Что будет с семьей Кости Малушкина? Что будет с семьей Вакара? Как перенесет смерть сына Эдуард Петрович Денисов? И как справится с болью она сама, Настя Каменская? У каждого человека своя правда. Правда

этих людей из ФСК в том, что нет ничего важнее интересов государства. Правда Насти Каменской в том, что нет ничего важнее человеческой жизни, даже если это жизнь бывшего уголовника, даже если это жизнь генерала-убийцы. Потому что смерть — это необратимо, это уже нельзя исправить.

— Можете быть свободны, Анастасия Павловна, — сухо сказал Гордеев. — Не отлучайтесь, я еще вас вызову.

Настя с облегчением покинула кабинет начальника. Сразу же за дверью, еще находясь в коридоре, она скинула туфли и дальше пошла босиком, чувствуя через тонкую ткань колготок холодный пол, влажный от воды и грязи, нанесенной с улицы многочисленными ботинками и сапогами.

6

Гордеев появился часа через два, как следует вымотав душу коллегам-контрразведчикам, увиливая от их расспросов, давая расплывчатые ответы и туманные обещания и попутно пытаясь вытянуть из них как можно больше информации. Проводив гостей, он не стал звонить Каменской, а зашел к ней.

— Как ты, Стасенька? — ласково спросил он.

— Плохо, Виктор Алексеевич. Со мной такое в первый раз.

— Ничего, девочка, держись. Не хочу сказать, что ты к этому привыкнешь, к этому как раз не надо привыкать, но со временем ты научишься с этим справляться. Что слышно о Ерохине?

— Ерохин в бегах, — вяло махнула она рукой. — Еще утром стало известно, что он исчез. Человек Денисова сказал следователю, что в Вакара и в него стрелял Игорь Ерохин, милиция тут же кинулась его искать, а его и след простыл. Но это ерунда, Виктор Алексеевич, никуда он не денется.

— Откуда такая уверенность?

— Во-первых, он не может надолго оставить

Резникова.

— Почему?

— Ну откуда же я знаю, — раздраженно ответила она. — Не может, и все. Потому что, если бы мог, он бы не стал торопиться с убийством Вакара. Если Вакар опасен как потенциальный очевидец какого-то события, то можно ведь и не участвовать в этом событии, верно? Вакар ходит следом за Ерохиным, следовательно, где нет Ерохина, там нет и Вакара. Но Ерохин почему-то не может позволить себе «не быть» где-то и притом весьма скоро, поэтому он спешит убить Вакара, чтобы не привести его за собой.

— Допустим, — кивнул Колобок. — А во-вторых?

— А во-вторых, по пятам за Ерохиным ходит человек Денисова. И я очень надеюсь, что он его не упустит.

— Это хорошо, что надеешься, — вздохнул Гордеев. — Я не хотел тебе говорить, но, наверное, все-таки скажу. Это жестоко с моей стороны — говорить тебе об этом сейчас, тем более что ты и сама должна это понимать. Но я должен быть уверен, что ты это понимаешь.

Он помолчал, перебирая ручки и карандаши на ее столе.

— Ты говорила мне, что Денисов — твой должник, и поэтому ты имеешь моральное право попросить его об услуге. Эта услуга обернулась тем, что ты отняла у него сына. Теперь ты — его должница, и долг этот тебе уже не отдать. Никогда. И ничем. Ты должна отдавать себе отчет в том, что, пока Денисов жив, ты будешь с ним расплачиваться за свою неосмотрительность. — Я это понимаю, — глухо ответила Настя, а про себя добавила: «Как сказал бы покойный генерал Вакар, я готова нести ответственность за все, что сделала. Как ни чудовищно это звучит, но вы, Владимир Сергеевич, стали в чем-то для меня моральным ориентиром. Спасибо вам. И простите меня».

7

Траурный митинг проходил в актовом зале Академии Генштаба. Эдуард Петрович Денисов настоял на том, чтобы прийти сюда вместе с Настей.

— Я хочу увидеть человека, спасая которого, погиб мой сын, — твердо сказал он.

Они стояли рядом в толпе людей, пришедших проститься с генералом Владимиром Вакаром — бледная измученная Настя и высокий седой Денисов, ничем не выдававший своего состояния. Возле гроба они увидели жену и дочь Вакара, рядом с ними был Дмитрий Сотников. На Лизу было страшно смотреть, она, казалось, не понимала, что происходит, и все силилась понять, почему ее отец лежит здесь, а какие-то чужие люди говорят ему прощальные слова. На ее почерневшем лице была печать безумия и отчаяния. Ноги ее то и дело подгибались, и Дмитрию приходилось осторожно ее подхватывать, чтобы она не упала. Елена, напротив, стояла строгая и торжественная, с просветлевшим умиротворенным лицом, будто слушала хор ангелов, певший для нее одной.

— Мы, солдаты воздушно-десантной дивизии,

которой командовал генерал-майор Вакар, всегда будем помнить, что обязаны жизнью только ему. Он взял на себя смелость не выполнить приказ, основанный на устаревшей информации, он рисковал всем, но он уберег нас, мальчишек, от верной смерти… Нас здесь шестьдесят пять человек, и мы пришли, чтобы сказать, что в каждом из нас Владимир Сергеевич проживет шестьдесят пять жизней, потому что, пока мы живы и пока мы его помним, он будет с нами.

Настя посмотрела на взволнованное лицо молодого человека, потом перевела взгляд на тех, кто стоял за его спиной. Шестьдесят пять молодых лиц, шестьдесят пять пар глаз, прощающихся со своим кумиром. Что произойдет с их душами, если они узнают, что обязаны жизнью убийце?

«Нет, ни за что. Я никому ни за что не скажу об этом. Пусть генерал Вакар умрет героем. Пусть эти шестьдесят пять человек проживут свои жизни долго и счастливо, пусть у них будет кумир, на которого они, может быть, будут равняться. Никто не узнает правду, но она никому и не нужна».

— Анастасия, — тронул ее за плечо Денисов, — почему его жена так странно улыбается?

— Она считает, что восторжествовала справедливость. Когда-то много лет назад у них убили

маленького сына, и она все время побуждала мужа отомстить убийцам. Она говорила, что душа ребенка не найдет покоя, пока изверги ходят по этой земле, и постоянно упрекала Вакара за то, что он не хочет позаботиться об этом. Вот господь и покарал его.

— Безумие какое-то. Она что, психически нездорова?

— Да нет, просто религиозная фанатичка. Вот дочь действительно серьезно больна. Представляете, в каком кошмаре жил этот человек?

— Сколько лет это длилось?

— Девять.

— Ему не позавидуешь, — покачал головой Эдуард Петрович. — Боюсь святотатствовать, но, похоже, то, что случилось, для него — лучший выход. Избавление.

— Может быть, — грустно согласилась Настя. — Может быть.

— А преступник? Я имею в виду того, кто застрелил генерала и моего мальчика? Он известен?

— Известен. Мы его вот-вот поймаем. Кстати, Эдуард Петрович, ваши люди нам очень помогают в этом. Я, наверное, говорю глупость, но, возможно, вас это несколько утешит. Если мы его возьмем, то только благодаря вам и вашим

людям.

— …Образец стойкости, твердости и принципиальности, Владимир Сергеевич был необыкновенно порядочен, он никому не делал зла, ни с кем не сводил счеты. Мы, молодые офицеры, всегда равнялись на него, брали с него пример…

«Никто. Никогда. Не узнает».

К О Н Е Ц

Выражаю свою любовь и восхищение моей подруге Ирине Козловой, которая самоотверженно помогала мне на первом этапе работы над повестью, несмотря на болезнь и крайне тяжелые личные обстоятельства;

глубокую признательность моему постоянному консультанту Сергею Заточному;

искреннюю благодарность Людмиле Заблоцкене, поддержавшей меня в самый трудный момент работы над повестью, когда мне захотелось все бросить.